

W. J. Johnson (Sen.)

Владимир Ильич Ленин (Ульянов)
Полное собрание сочинений.
Том 9. Июль 1904 ~ март 1905
Серия «Полное собрание
сочинений в 55-ти томах», книга 9

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083542

Полное собрание сочинений: Издательство политической литературы; Москва; 1967

Аннотация

В девятый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в июле 1904 – марте 1905 года. Это был период назревания и начала первой русской буржуазно-демократической революции, в которой рабочий класс России, выступил как решающая сила в революции, как ее гегемон.

Содержание

Предисловие	5
1904 г.	12
Чего мы добиваемся? {1} (к партии)	12
К партии	17
Пяти членам центрального комитета в Россию. 18 августа 1904 г.	22
Письмо к агентам ЦК и членам комитетов РСДРП, высказавшимся за большинство II партийного съезда	23
Проект резолюции женеvской группы большинства	24
Письмо Глебову (В. А. Носкову). 11 сентября 1904 г.	25
Предисловие к брошюре И. Шахова «Борьба за съезд»	29
Ein schritt vorwärts, zwei schritte rückwärts. Eine abwehr von N. Lenin	30
Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н. Ленина Розе Люксембург {17}	37
Извещение об образовании бюро комитетов большинства {36}.	44
Проект	
Услужливый либерал	47
Земская кампания и план «Искры» {38}	50
I	52
II	54
III	56
IV	59
Тезисы реферата о внутривпартийном положении	63
Письмо к товарищам (к выходу органа партийного большинства)	64
Извещение об образовании организационного комитета и о созыве III очередного съезда российской социал-демократической рабочей партии {53}	67
Новый русский заем	69
Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией	70
Приложение	72
Самодержавие и пролетариат	75
О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 9
Июль 1904 ~ март 1905

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза

Предисловие

В девятый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в июле 1904 – марте 1905 года. Это был период назревания и начала первой русской буржуазно-демократической революции, в которой рабочий класс России, выдвинутый всем ходом общественного развития в авангард международного рабочего движения, выступил как решающая сила в революции, как ее гегемон.

В то же время это был период острой внутривнутрипартийной борьбы между большевиками и меньшевиками, борьбы большевиков за выход из партийного кризиса, вызванного дезорганизаторской деятельностью меньшевиков, за созыв III съезда партии.

Произведения, вошедшие в том, воссоздают картину героической борьбы большевиков во главе с В. И. Лениным за укрепление марксистской революционной партии рабочего класса, за революционную стратегию и тактику большевизма, характеризуют роль партии и ее влияние на ход революции в России.

* * *

В начале XX века капитализм вступил в высшую и последнюю стадию своего развития – империализм. Монополистический капитализм в России переплетался с сильнейшими пережитками крепостничества, главными из которых были – царское самодержавие и помещичье землевладение. Усилилась зависимость России от иностранного капитала, захватывавшего ключевые позиции в важнейших отраслях промышленности. Российский пролетариат подвергался жесточайшей капиталистической эксплуатации. Крестьянство, угнетаемое помещиками и кулаками, было обречено на постоянную нужду, голод и разорение. Экономический кризис 1900–1903 гг. и начавшаяся в январе 1904 г. война с Японией еще более ухудшили положение трудящихся масс. В стране, ставшей к этому времени узловым пунктом всех противоречий империализма, сложились такие экономические и политические условия, которые явно свидетельствовали о близости революционного взрыва. В начале XX века по стране прокатилась волна крупнейших стачек и демонстраций. В 1900 году в Харькове первомайская демонстрация охватила до 10 тысяч рабочих. В 1901 году стачка обуховских рабочих переросла в вооруженное восстание. В марте 1902 года произошли крупные забастовки и демонстрации батумских рабочих, а в ноябре – знаменитая Ростовская стачка. Летом 1903 г. всеобщая стачка на юге России охватила Кавказ, Украину и Крым. С ноября 1904 года развернулись демонстрации против войны. Такие демонстрации были организованы в Батуми, Саратове, Киеве, Риге и других городах. В декабре 1904 г. произошла мощная стачка бакинских рабочих, в которой участвовало более 50 тысяч человек и которая закончилась победой рабочих. Эти стачки и демонстрации показали рост политического сознания рабочего класса, его организованность и сплоченность. Характеризуя выступления рабочего класса, Ленин писал: «Пролетариат впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству» (настоящий том, стр. 251).

Под влиянием революционных выступлений рабочего класса в ряде губерний произошли массовые выступления крестьян. Почти со всех концов России губернаторы сообщали в департамент полиции, что крестьяне устраивают «поголовный грабеж» помещичьих усадеб, а также жгут леса и поместья. Выступления крестьян произошли в Курской, Орловской, Черниговской, Саратовской и других губерниях, а на Кавказе, в Польше и Прибалтийском крае эти выступления приняли особенно массовый характер. На борьбу против царизма, крепостнического, классового и национального гнета поднимались угнетенные националь-

ности. Революционные выступления рабочих и крестьян, рост национально-освободительного движения на окраинах России свидетельствовали о назревании глубокого революционного кризиса в стране. «Чувствуется, что мы накануне баррикад...», – писал В. И. Ленин (стр. 251).

Нараставший подъем народной революции требовал от пролетарской партии правильного и твердого политического руководства революционной борьбой трудящихся масс. Для успеха революции решающее значение имело укрепление партии, сплоченность и монолитность ее рядов, ее последовательно революционная тактика.

После II съезда РСДРП партия переживала глубокий кризис, основу которого составляло, как указывал Ленин, «упорное нежелание меньшинства II съезда подчиниться большинству его» (Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 409). Большевики добивались, чтобы партийные организации действовали на основе революционной марксистской программы, утвержденной II съездом, и неуклонно проводили в жизнь решения съезда. Меньшевики же срывали решения II съезда, тащили партию к возрождению организационной раздробленности, к кружковщине и кустарничеству, подрывали партийную дисциплину. Захватив в свои руки партийные центры (ЦО, ЦК и Совет партии) при содействии примиренцев – членов ЦК Носкова, Красина и Гальперина, меньшевики лишили Ленина прав заграничного представителя ЦК, запретили печатать его произведения и распространять ленинскую литературу без разрешения коллегии ЦК. Они клеветали на Ленина и большевиков, охаивали решения II съезда партии, скрывали резолюции протеста местных партийных организаций против действий меньшевиков, распускали партийные организации, которые высказывались за созыв III съезда партии и поддерживали большевиков. Все это показывало, что меньшевики в организационных вопросах повернули к оппортунизму, дезорганизовали партийную работу, подрывали единство рядов партии.

В результате антипартийных действий меньшевиков партия была расколота на две фракции. «Фактически, следовательно, оказалось две Российские социал-демократические рабочие партии, – писал Ленин. – Одна с органом «Искрой», «официально» называемым Центральным Органом партии, с Центральным Комитетом, с четырьмя русскими комитетами *из двадцати*... Другая партия с органом «Вперед», с «Бюро русских Комитетов Большинства», с 14-ью комитетами в России...» (настоящий том, стр. 236).

Меньшевики в своей борьбе с большевиками опирались на поддержку лидеров II Интернационала, которые ополчились против Ленина и организационных принципов большевизма, поскольку борьба Ленина против оппортунизма меньшевиков являлась в то же время борьбой против организационных основ партий II Интернационала. Даже Роза Люксембург, стоявшая на левом фланге II Интернационала, не поняла значения для пролетарской партии борьбы В. И. Ленина за твердые организационные принципы и партийную дисциплину и выступила против Ленина со статьей, помещенной в журнале германской социал-демократии «Die Neue Zeit». Статья была переведена меньшевиками на русский язык и под названием «Организационные вопросы русской социал-демократии» напечатана в № 69 газеты «Искра». Ответ на эту статью Ленин дал в работе «Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н. Ленина Розе Люксембург», посланной Каутскому, но Каутский отказался ее поместить в «Die Neue Zeit».

В это тяжелое для партии время В. И. Ленин, находясь за границей, продолжал руководить местными большевистскими комитетами в России. До 300 писем в месяц лично от Ленина получали партийные организации и большевики по самым различным вопросам революционной борьбы пролетариата, налаживания партийной работы, выхода из затянувшегося партийного кризиса. В ответных письмах Ленин получал материал о положении дел в партии и черпал силы для дальнейшей борьбы. Переписка Ленина с партийными работ-

никами России пронизана духом непримиримой борьбы с оппортунистами за партию, за ее единство на принципиальной основе.

Центральное место в томе занимают ленинские произведения и документы, направленные против раскольнических, дезорганизаторских действий меньшевиков. В таких произведениях, как «Чего мы добиваемся?», «К партии», «Письмо Глебову (В. А. Носкову)», «Письмо к товарищам (К выходу органа партийного большинства)», «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией», «Пора кончить», «Краткий очерк раскола в РСДРП», «Проект резолюций съезда», «Первый шаг», «Проделки бонапартистов», «Второй шаг» и других раскрывается непримиримая борьба Ленина с меньшевиками за созыв III съезда партии, как единственного выхода из партийного кризиса. В этих произведениях Ленин вскрывает основные причины партийного кризиса, разоблачает дезорганизаторские действия меньшевиков и примиренцев и призывает партию к борьбе за победу партийности над кружковщиной.

Говоря об истории партийного кризиса, Ленин в статье «Пора кончить» указывает на четыре стадии в его развитии. Произведения настоящего тома рисуют картину третьей и четвертой стадий в развитии партийного кризиса. Характеризуя этот период в истории нашей партии, Ленин писал: «... развитие партийного кризиса в России достигло таких размеров, когда останавливается почти вся партийная работа. Положение в комитетах запуталось до последней степени. Нет почти ни одного тактического или организационного вопроса, который не возбуждал бы на местах самых ожесточенных разногласий между фракциями... Ни Совет партии, ни ЦО, ни ЦК не пользуются необходимым авторитетом у большинства партийных работников, повсюду возникают двойные организации, тормозящие работу друг друга и дискредитирующие партию в глазах пролетариата» (Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 307). Это была третья стадия кризиса, самая тяжелая в жизни партии.

Четвертая стадия развития партийного кризиса приходится на осень 1904 г., когда партийные работники России объединились для отпора дезорганизаторам, когда сторонники и комитеты большинства стали созывать свои конференции.

В первой половине августа 1904 года в Швейцарии по инициативе и под руководством Ленина состоялось совещание 22-х большевиков, которое обсудило вопрос о причинах партийного кризиса и средствах выхода из него. Это совещание приняло написанное Лениным обращение «К партии» с призывом к партийным организациям бороться за немедленный созыв III съезда партии, как единственного выхода из кризиса.

Ленинское обращение было проникнуто глубочайшей верой в силу партии и рабочего класса: «У нас рождается партия! – говорим мы, видя рост политического сознания передовых рабочих, видя активно выступающие в общепартийной жизни комитеты, – писал Ленин в обращении. – У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные заменить и оживить старые, теряющие доверие партии, литературные коллегии; у нас все более становится революционеров, которые выдержанное направление партийной жизни ценят выше, чем любой кружок прежних вождей. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки не удержат ее решительного и окончательного приговора. Из этих сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе» (настоящий том, стр. 20–21). Обращение стало боевой программой большевиков в борьбе за единство партии.

Вооруженные ленинской программой действий, местные комитеты развернули активную борьбу за съезд. В сентябре—декабре 1904 года состоялись три областные конференции комитетов большинства – сторонников созыва III съезда партии – Южная, Кавказская и Северная. Конференции одобрили обращение 22-х большевиков и выбрали Бюро Комитетов Большинство (БКБ), явившееся по существу центральным комитетом партии большевиков, которое взяло на себя дело организации III съезда партии. В проекте извещения об образовании Бюро Комитетов Большинство Ленин заявил: «Наш лозунг – борьба партийности против

кружковщины, борьба выдержанного революционного направления против зигзагов, путаницы и возврата к рабочедельству, борьба во имя пролетарской организации и дисциплины против дезорганизаторов» (стр. 69).

Для успешной борьбы за съезд и его идейной подготовки большевики нуждались в своем печатном органе. Под руководством В. И. Ленина была создана газета «Вперед», первый номер которой вышел 4 января 1905 г. (н. ст.). В редакцию газеты входили В. И. Ленин, В. В. Боровский, А. В. Луначарский и М. С. Ольминский. В статьях и заметках, опубликованных в газете «Вперед» (их было свыше 60), Ленин разрабатывал тактическую линию большевиков: о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве и революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, об отношении социал-демократии к крестьянскому движению, к либеральной буржуазии, к русско-японской войне. Тактическая линия газеты «Вперед» стала тактической линией III съезда партии, в основу решений которого были положены установки, сформулированные и обоснованные Лениным на страницах газеты. III съезд партии в специальной резолюции отметил выдающуюся роль газеты «Вперед» в борьбе против меньшевизма, за восстановление партийности в постановке и освещении выдвинутых революционным движением вопросов тактики и выразил благодарность редакции газеты.

По предложению Ленина члены БКБ начали систематически объезжать местные комитеты и группы и вести решительную борьбу с меньшевиками и примиренцами за созыв III съезда партии. Местные комитеты в подавляющем большинстве шли за Бюро Комитетов Большинства. В марте 1905 г. из 28 комитетов 21 высказался за созыв съезда партии. За большевиками шли крупные промышленные районы и главные центры: Петербург, Москва, Рига, Баку, Екатеринослав, Одесса, Донбасс, Центрально-Промышленный район, Урал. Основные кадры профессиональных революционеров целиком поддержали Ленина. Партия спланировалась вокруг Ленина как своего вождя.

Во второй половине 1904 года напуганное революционной ситуацией в стране царское правительство стремилось небольшими уступками привлечь на свою сторону либеральную буржуазию. Эти уступки вызвали оживление деятельности земцев, которые на банкетах и съездах произносили речи о необходимости приблизить представителей буржуазии к власти, о желательности политических свобод и конституции, дарования которых они ждали «с высоты монаршего престола». Под влиянием этого движения меньшевики выступили с планом поддержки «земской кампании» либералов. В специальном письме партийным организациям они рекомендовали не выставлять собственных требований перед правительством, а побудить буржуазию выступать с демократическими требованиями от имени народа. Против оппортунистической, хвостистой тактики меньшевиков Ленин и большевики развернули беспощадную борьбу. В брошюре «Земская кампания и план «Искры»» Ленин разоблачил соглашательскую тактику меньшевиков и указал, что возлагать надежды на либеральную буржуазию в борьбе с царизмом – значит плестись в хвосте буржуазного движения. Пролетариат, указывал Ленин, должен стать во главе движения и готовить вооруженное восстание. «Дело рабочего класса – расширять и укреплять свою организацию, удешевить агитацию в массах, пользуясь всяким шатанием правительства, пропагандируя идею восстания, разъясняя необходимость его...» (стр. 96). Большевики звали рабочих не на банкеты либералов, а на улицы, на демонстрации против самодержавия во главе всех борющихся революционных сил.

В статьях «Самодержавие и пролетариат», «Падение Порт-Артура», «Европейский капитал и самодержавие», помещенных в настоящем томе, дан глубокий анализ военного краха и политического кризиса самодержавия, подчеркнута неизбежность и близость революции в России. Начиная войну, самодержавие рассчитывало на легкую победу над Японией, полагая, что эта победа откроет новые рынки сбыта и поднимет престиж самодер-

жавия, поможет ему подавить революционное движение в стране. Но расчеты царизма не оправдались. Поражение царских войск обострило все противоречия общественной жизни в России и ускорило революцию. Из всех партий только большевики по отношению к войне заняли правильную революционную линию, отражавшую классовые интересы пролетариата и всех трудящихся. Они разоблачили антинародный, империалистический характер войны и выдвинули лозунг поражения царского правительства. В то время как меньшевики выступали с лозунгом «мир во что бы то ни стало», не связывая этот лозунг с революционной борьбой против самодержавия, большевики призывали к борьбе против войны и царизма и доказывали, что поражение царизма в войне развяжет революционные силы в стране, ускорит свержение самодержавия и откроет дорогу к социалистической революции.

«Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия... Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма», – писал Ленин в статье «Падение Порт-Артура» (стр. 157, 158).

Военное поражение самодержавия в русско-японской войне Ленин рассматривал как признак крушения всей политической системы царизма. Война вскрыла всю гнилость самодержавия, показала его несовместимость с потребностями прогрессивного общественного развития, с интересами народа.

Научное предвидение Ленина близости революции оправдалось. 9 января 1905 года в Петербурге разыгрались кровавые события. Расстрел безоружных рабочих, шедших с петицией к Зимнему дворцу, всколыхнул трудящиеся массы всей России. События 9 января Ленин характеризует как начало революции, как поворотный пункт в истории России, как переход к открытой гражданской войне, к прямому восстанию против царизма. Царское правительство надеялось кровавой расправой запугать массы рабочих и крестьян и остановить рост революционного движения в стране. На деле оно лишь убило в народе наивную веру в царя и пробудило к революционной борьбе даже самые отсталые слои рабочих. «Революционное воспитание пролетариата, – писал Ленин, – за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни» (стр. 201).

На репрессии царизма рабочий класс ответил политическими стачками. В Петербурге еще продолжались вооруженные столкновения рабочих с войсками, когда пролетариат Москвы объявил всеобщую забастовку. 13 января 1905 г. рабочие Риги объявили стачку и вышли на политическую демонстрацию. 14 января вспыхнула всеобщая забастовка в Варшаве, а 18 января всеобщая забастовка в Тифлисе, открывшая полосу политических забастовок в городах Закавказья. В течение января – марта 1905 года бастовало 810 тысяч одних только промышленных рабочих, то есть в два раза больше, чем за все предшествующее десятилетие. «На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара», – писал Ленин в статье «Начало революции в России» (стр. 204).

Начавшаяся революция привела в движение все классы общества. Каждая политическая партия выработывала свою тактику в революции, отвечающую интересам своего класса. Свою тактику должна была выработать и социал-демократическая партия.

Обоснованию и развитию революционной стратегии и тактики большевистской партии, разоблачению и критике оппортунистической меньшевистской тактики посвящена значительная часть работ Ленина, вошедших в настоящий том. К ним относятся такие работы как «Земская кампания и план «Искры»», «О хороших демонстрациях пролетариев и плохих

рассуждениях некоторых интеллигентов», статьи «Две тактики», «Должны ли мы организовать революцию?», «О боевом соглашении для восстания», «Новые задачи и новые силы», «Пролетариат и буржуазная демократия», «Пролетариат и крестьянство» и др.

Большевики держали курс на развертывание народной революции и ее победу путем вооруженного восстания. Они считали, что революция могла победить лишь при гегемонии пролетариата, возглавляемого революционной марксистской партией, при тесном союзе рабочего класса с крестьянством. Меньшевики отрицали гегемонию пролетариата и союз рабочего класса с крестьянством. Они считали гегемоном либеральную буржуазию, отрицали необходимость организации вооруженного восстания и по существу подменяли революцию реформами, играли роль агентуры буржуазии в рабочем движении. Меньшевицкая линия вела к свертыванию революции. Таким образом фактически были две тактические линии в развернувшейся революции в России. «Тактика хвостизма и тактика революционной социал-демократии, – писал Ленин 1(14) февраля 1905 г. в статье «Две тактики», – выясняются во всей своей противоположности...» (стр. 263).

Среди произведений В. И. Ленина, вошедших в том, особо важное место занимает статья «Новые задачи и новые силы», в которой впервые сформулирован основной стратегический лозунг большевиков в буржуазно-демократической революции 1905–1907 годов – лозунг «революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» (стр. 297). В статье Ленин резко критиковал косность тех партийных организаций, которые цеплялись за старые формы работы, и призывал партийные организации выдвигать новые, молодые кадры, у которых энергия и энтузиазм могут возместить недостаток опыта. «Революционная эпоха для социал-демократии все равно, что военное время для армии, – писал Ленин. – Надо расширять кадры нашей армии, переводить ее с мирных контингентов на военные, мобилизовать запасных и резервных, призывать под знамена получивших отпуск, налаживать новые вспомогательные корпуса, отряды и службы. Надо не забывать, что на войне неизбежно и необходимо пополнять свои ряды менее подготовленными рекрутами, заменять сплошь да рядом офицеров простыми солдатами, ускорять и упрощать производство солдат в офицеры» (стр. 302).

В статье Ленин наметил план реорганизации партии, в связи с нарастанием революционного движения в стране, которое выдвигало перед партией необходимость применять новые тактические приемы борьбы, проявлять больше гибкости, отыскивать новые организационные формы. Ленин требовал от партийных организаций укреплять, сохранять и расширять подполье, нелегальную деятельность, используя в то же время всякие легальные организации и формы работы.

В плане переработки статьи «Злоба дня» Ленин отмечает, что «сугубое значение приобретает роль *партии* как авангарда класса, воспитателя, организатора».

Подчеркивая выдающуюся роль марксистской партии, Ленин предостерегал большевиков от беспринципных блоков, «примиренческих» объединений с меньшевиками. С большой тревогой следил Ленин за проявлением примиренческих колебаний со стороны некоторых комитетов большинства при подготовке III съезда. В письме А. А. Богданову и С. И. Гусеву Ленин писал: «О каком-то союзе С.-Петербургского комитета большинства с группой меньшевиков мы «слышали» от чужих людей, – и ни слова не имеем от своих. Отказываемся верить, чтобы такой самоубийственный и глупенький шаг могли сделать большевики... Очевидно, еще раз захотелось большевикам, чтобы их провели. Единственная наша сила – открытая прямота и сплоченность, энергия натиска. А люди, кажется, размякли по случаю «революции»!! Когда организованность во сто крат более нужна, они продаются дезорганизаторам» (стр. 245).

Созываемый III съезд партии Ленин рассматривал как съезд большевистской партии, съезд для беспощадной войны против оппортунизма и примиренчества. И Ленин ставил

перед большевиками задачу сплотить «... действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой, партией будем громить рыхлое чудище новоис- кровских разношерстных элементов...» (стр. 246). В планах и проектах резолюций III съезда партии В. И. Ленин разрабатывает основную линию и программу работы съезда, намечает принципиальные установки партии по важнейшим вопросам стратегии и тактики партии в начавшейся буржуазно-демократической революции в России. Говоря о задачах съезда, В. И. Ленин писал, что «съезд должен быть прост, короток, немногочислен. Это – съезд для организации войны» (стр. 247).

В период революции Ленин проявляет особый интерес к истории Парижской Коммуны. 5 (18) марта 1905 г. Ленин выступил с докладом о Парижской Коммуне в Женеве для русской колонии политических эмигрантов; доклад, к сожалению, не найден, сохранился только план чтения о Коммуне. Обобщая опыт Парижской Коммуны, Ленин особо выделяет политические и экономические меры Коммуны. Подчеркивая интернациональный характер Коммуны и ее всемирно-историческое значение, Ленин писал: «На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении» (стр. 330).

* * *

В томе печатается впервые «Проект резолюции Женевской группы большинства», в котором разоблачается бонапартистская политика меньшевиков и призываются все члены партии к энергичной агитации за созыв III съезда.

В разделе «Подготовительные материалы» печатаются 12 ленинских документов, впервые включаемые в Сочинения, представляющие собой планы, тезисы и заметки. Эти документы вводят читателя в лабораторию ленинского творчества, наглядно показывают, как тщательно работал Ленин над своими произведениями, его приемы и методы работы. В этом разделе особый интерес представляют 4 документа, являющиеся подготовительным материалом к работе «Новые задачи и новые силы».

Все произведения и документы расположены в томе в хронологическом порядке, за исключением «Дополнения к статье «План петербургского сражения»», объединенного с самой статьей.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1904 г.

Чего мы добиваемся?^[1] (к партии)

Написано в конце июля 1904 г.

*Впервые напечатано в 1923 г. в Собрании сочинений Н. Ленина (В. Ульянова), том V
Печатается по рукописи*

Недавно состоялось частное собрание 19 членов РСДРП (в том числе делегатов II съезда, членов комитетов и др. партийных организаций и не входящих в партийные организации революционеров). Эта конференция единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II партийного съезда, обсуждала вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем русским социал-демократам с нижеследующим воззванием.

Товарищи! Тяжелый кризис партии затягивается до бесконечности. Смута все растет, плодя новые и новые конфликты, тормозя по всей линии и в самых угрожающих размерах положительную работу, разрывая все более и более связь между партией и ее Центральным Органом, который окончательно превратился в орган кружка и главным образом заграничного кружка. Выискивание разногласий, выкапыванье старых, давно решенных и отошедших в область прошлого вопросов, заигрыванье с последовательными оппортунистами, невероятная путаница в рассуждениях, бесстыдное игнорирование партийного съезда, его прений и его решений, издевательство над партийной организацией и дисциплиной, над большинством создавших партию и ведущих работу на местах революционеров, злобное и придирчивое, основанное на недоказуемых данных и на непроверенных сообщениях анонимных, хихиканье по поводу недостатков работы в комитетах революционного крыла партии, – вот что мы видим в новой «Искре»^[2], ставшей очагом смуты, вот что дала нам отвергнутая съездом редакция, воспользовавшаяся личными уступками для новых кооптационных дрызг, для дела разрушения партии.

А между тем переживаемый Россией исторический момент требует от нашей партии напряжения всех ее сил. Революционное возбуждение в рабочем классе, брожение в других слоях населения все растет, война и кризис, голод и безработица подкапывают основы самодержавия все глубже, позорный конец позорной войны не так уже далек, и этот конец неминуемо удесятерит революционное возбуждение, поставит рабочий класс лицом к лицу с его врагами, потребует самых решительных наступательных мер от социал-демократии. Сплоченная партийная организация, выдержанное революционно-марксистское направление, введение внутрипартийной борьбы в приличные и достойные рамки, так чтобы эта борьба не вносила дезорганизации и не мешала положительной работе, – эти настоятельные требования всего рабочего движения России должны быть немедленно и во что бы то ни стало осуществлены под угрозой полной потери доброго имени Российской социал-демократической рабочей партии и всего приобретенного ею влияния.

Первым шагом к достижению этой цели мы считаем внесение полной ясности, откровенности и прямоты в отношениях между разными группами, направлениями и оттенками нашей партии. Споры нет, бывают моменты, когда польза дела требует умолчания о частичных расхождениях, но было бы самой печальной и непростительной ошибкой считать таковым момент, переживаемый нашей партией. Личные уступки меньшинству не удержали смуты, спорные вопросы поставлены уже ребром, всей партии брошен прямой вызов, и только дряблость и невежество могут мечтать о возврате невозвратного прошлого, о возможности что-то скрыть, чего-то недоговорить, что-то замазать, от чего-то спрятаться. Нет,

политика умыванья рук, политика пассивного воздержания, политика *laissez faire, laissez passer*¹ доказала уже свою полнейшую негодность в нашей партийной борьбе. Дальнейшая уклончивость, хитрость и умолчание были бы не только бесцельны и презренны, но и прямо преступны. Мы делаем почин прямого изложения всей программы нашей борьбы внутри партии, мы призываем к такому изложению представителей всех и всяческих оттенков русских социал-демократов, как входящих в партию, так и намеревающихся, при известных условиях, войти в нее. Только полная ясность и прямота способны дать всем сознательным рабочим и всем членам партии материал для разумного и твердого решения спорных партийных вопросов.

Мы стоим на точке зрения большинства И партийного съезда. В неправильности позиции меньшинства на съезде, в стремлении отстоять эту позицию независимо от воли партии мы видим основную причину всех дальнейших ошибок и всей смуты. Неправильность была двоякая: во-1-х, старому редакторскому кружку «Искры» не у кого было искать поддержки, кроме как у оппортунистического крыла нашего съезда и нашей партии. Во-2-х, это соединение с явными оппортунистами (во главе которых находился и продолжает находиться тов. Акимов) окончательно сплотилось и стало партийным делением лишь на таком вопросе, как выборы в центры. Из первой неправильности логически неизбежно вытекла вся та принципиальная путаница и все те оппортунистические шатания, которые мы видим в рассуждениях новой «Искры», поскольку эти рассуждения могут быть признаны принципиальными. Из второй неправильности вытекло отстаивание старого редакторского кружка вопреки воле партии, защита и оправдание кружковщины против партийности, внесение в наши споры таких приемов, какие целиком свойственны обывательской дрязге и кружковой сваре, а не борьбе членов партии, умеющих уважать и свою партию и самих себя. Из первой неправильности логически неизбежно вытекло то, что вокруг меньшинства сплотилось все, тяготеющее к оппортунизму, все, что склонно тащить партию назад и взять реванш за обиды, нанесенные революционной социал-демократией ее противникам, все, выражающее собой интеллигентские тенденции нашего движения, все, склонное к интеллигентски-анархическому отрицанию организации и дисциплины. Из второй неправильности вытекло господство заграничного кружка над большинством русских работников и разгул специфически эмигрантских скандалов, которые заменяют для меньшинства способы убеждения.

Всякие сомнения теперь исчезли. Никакие колебания невозможны для тех, кто не на словах только является членом партии, для тех, кто на деле хочет отстаивать насущные интересы нашего рабочего движения. Борьба объявлена, объявлена и ведется по всей линии меньшинством, и мы принимаем вызов, мы объявляем непримиримую борьбу, борьбу до конца. Мы боремся против кружковщины вообще и против старого редакторского кружка в особенности во имя партийности. Мы боремся во имя интересов русского рабочего движения против заграничной дрязги. Мы боремся во имя революционно-пролетарских тенденций нашего движения против интеллигентски-оппортунистических. Мы боремся за выдержанное направление революционной социал-демократии против шатаний, зигзагов и возвратов к давно отжитому прошлому. Мы боремся за сплоченную партийную организацию нашего рабочего авангарда против интеллигентской распушенности, дезорганизации и анархии. Мы боремся за уважение к партийным съездам против дряблой переметчивости, против слов, расходящихся с делами, против издевательства над договорами и решениями, сообща принятыми. Мы боремся за партийную гласность против тактики новой «Искры» и нового Совета партии^[3] затыкать рот большинству и прятать под спудом свои протоколы.

Из нашей программы борьбы сами собою вытекают ее средства и ее ближайшие цели. Первым средством является всесторонняя и самая широкая устная и письменная агитация.

¹ Невмешательства. *Ред.*

На этом пункте не стоило бы останавливаться, если бы полная дрызг борьба меньшинства не породила у нас в партии того (справедливо осмеянного уже Екатеринославским комитетом и многими другими организациями) пресловутого «примиренства», которое прячет голову под крыло и проповедует прекращение борьбы большинства с меньшинством. Только малодушием, утомлением или одичалостью можно объяснить существование таких ребяческих взглядов, которые недостойны сколько-нибудь взрослого члена партии. Можно и должно говорить о введении партийной борьбы в партийные рамки, можно и должно добиваться этого не одними только усовещиваниями, но предложение перестать отстаивать то, что отстаивалось перед лицом всей партии на съезде и что считается необходимым в насущных интересах партии, такое предложение, если бы его решились сделать публично, было бы достойно лишь общего презрения.

Вторым и решающим средством борьбы мы считаем созыв партийного съезда. Мы поддерживаем всецело те комитеты, которые выступили с требованием немедленного созыва третьего партийного съезда^[4]. Мы считаем долгом в особенности остановиться на тех лицемерных доводах, которыми редакция новой «Искры» и ее явные и тайные пособники аргументируют против съезда, старательно пряча эту (трудно совместимую с партийным долгом) аргументацию от глаз света (как прячет Заграничная лига^[5] и редакция «Искры», агитация которой лишь отчасти вынесена наружу и разоблачена комитетам). Довод первый: съезд поведет к расколу. Уже один тот факт, что меньшинство выступает с подобным доводом, показывает всю фальшь его позиции. Ведь говоря так, меньшинство признает, что партия против него, что заграничный кружок навязал себя силой партии, что он держится лишь благодаря отдаленности России и трудности внешних условий работы настоящих революционеров. Кто честно относится к партии, кто искренне хочет работать вместе, тот не боится, а желает съезда для устранения смуты, для приведения в соответствие партии и ее должностных коллегий, для уничтожения недостойной двусмысленности. Выдвигать раскол, как пугало, значит лишь наглядно показывать нечистую совесть. Без подчинения меньшинства большинству не может быть партии, сколько-нибудь достойной имени рабочей партии, и если необходимы взаимные (а не односторонние) уступки, если требуются иногда сделки и договоры между частями партии, то единственно на съезде они возможны и они допустимы. Ни один уважающий себя революционер не пожелает оставаться в партии, которая держится вместе лишь благодаря искусственным оттяжкам партийного съезда.

Довод второй: еще возможно примирение без съезда. На чем основано такое мнение, неизвестно. Сторонники его выступают и действуют не иначе, как закулисно. Не пора ли бросить эту закулисную интригу, которая только удешевляет взаимное недоверие, только обостряет вражду и затемняет положение? Не оттого ли нет ни у одного человека решимости выступить публично с планом примирения, что при данном положении и невозможен такой план, который бы не вызвал в лучшем случае смеха? Кто понимает под миром кооптацию излюбленных меньшинству лиц в ЦК, тот хочет не мира, а обостренной борьбы большинства, тот не понимает, что партийная борьба бесповоротно выросла из чисто кооптационной дрызги. Кто понимает под миром прекращение споров и борьбы, тот возвращается к психологии старого кружка: в партии всегда будут споры и борьба, их надо лишь ввести в партийные рамки, а это под силу лишь съезду. Одним словом, как ни вертите этот лозунг мира без съезда, как ни поворачивайте эту идею примирить борющихся, не удовлетворяя ни одной стороны, – вы увидите, что эта гениальная идея выражает лишь растерянность и отсутствие мысли, лишь незнание, чего хотеть и чего добиваться. Если даже план такого влиятельного (в прежнее время влиятельного) человека, как Плеханов, погасить пожар в самом его начале посредством максимальных личных уступок, – потерпел полное фиаско, то можно ли говорить серьезно о подобных планах теперь?

Довод третий: возможна подделка съезда. На этот довод уже ответил Петербургский комитет, назвав его инсинуацией^[6]. И это заявление местного комитета было пощечиной, заслуженной теми, кто из-за угла бросал обвинения, не имея и тени фактов, хотя в руках меньшинства и высший Совет и печатный орган партии, так что меньшинство держит в своих руках не только орудие публичного разоблачения подозреваемых им злоупотреблений, но и орудие административного исправления и воздействия. Все и каждый понимает, что меньшинство давно прокричало бы о фактах, если бы они были, и что недавняя резолюция Совета, доказывая отсутствие фактов в прошлом, гарантирует их невозможность в будущем^[7]. Употребление этого довода «Искрой» показывает лишний раз, как площадная руготня заменила у нее теперь полемику, и заставляет нас спросить всех членов партии: есть ли у нас на деле партия? хотим ли мы, по примеру социалистов-революционеров, довольствоваться декорацией и вывеской, или мы обязаны сорвать всякую фальшь?

Довод четвертый: разногласия еще не выяснены. Лучший ответ на этот довод дает новая «Искра», знакомство с которой показывает партии, что разногласия выискиваются, а не выясняются, что путаница растет безгранично. Только съезд с открытым и полным изложением своих пожеланий всеми товарищами способен внести ясность в невероятно запутанные вопросы и запутанное положение.

Довод пятый: съезд отвлечет силы и средства от положительной работы. И этот довод звучит грустной насмешкой: нельзя себе представить и мысленно большего отвлечения сил и средств, чем то, что причиняет смута.

Нет, все доводы против съезда свидетельствуют либо о лицемерии, либо о неведении дела и малодушном сомнении в силах партии.

Партия наша опять тяжело больна, но у нее есть силы снова подняться и стать достойной русского пролетариата. Мерами лечения болезни мы считаем три следующих преобразования, которые мы будем проводить всеми лояльными средствами.

Первое – передачу редакции ЦО в руки сторонников большинства II партийного съезда.

Второе – действительное подчинение заграничной местной организации (Лиги) общерусской центральной организации (Центральному Комитету).

Третье – гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы.

Об этих трех коренных пунктах нашей программы остается уже немного сказать, после изложенного выше. Что старая редакция «Искры» показала теперь на деле свою негодность, это мы считаем неопровержимым. Не искровство пережило себя, как открыл тов. Мартов после его поражения на выборах, а старая редакция «Искры» пережила себя. Теперь было бы уже одним лицемерием не говорить этого прямо после тех вызовов, которые сделаны были кружком всей партии. О ненормальном положении заграничной организации, которая превратила себя во второй (если не в третий) центр и игнорирует совершенно ЦК партии, нечего много распространяться. Наконец, о юридическом положении меньшинства (какого бы то ни было меньшинства) в нашей партии заставляет подумать весь опыт послесъездовской борьбы. Этот опыт учит, по нашему убеждению, необходимости обеспечить в уставе партии права всякого меньшинства, чтобы отводить постоянные и неустраняемые источники недовольства, раздражения и борьбы из обычных обывательских потоков скандала и дрязги в непривычные еще каналы оформленной и достойной борьбы за свои убеждения. К таким безусловным гарантиям мы относим предоставление меньшинству одной (или более) литературной группы с правом представительства на съездах и с полной «свободой языка». Необходимо дать самые широкие гарантии вообще относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Необходимо дать комитетам право получать (в общепартийном транспорте) именно те партийные изда-

ния, которые им угодно. Необходимо приостановить, впредь до IV съезда, право ЦК влиять, иначе как советом, на личный состав комитетов. Мы не разрабатываем здесь наших предложений подробно, ибо мы пишем не проект устава, а лишь общую программу борьбы. Мы считаем весьма важным, чтобы те меры по изданию литературы недовольных, которые ЦК предлагал меньшинству II съезда, были закреплены уставом, чтобы недовольство выразилось приличным путем, чтобы глупенький мираж осадного положения (созданный героями кооптации) окончательно рассеялся, чтобы неизбежная внутрипартийная борьба не тормозила положительной работы.

Мы обязаны научить наше меньшинство бороться за личный состав центров только на съездах и не мешать дразгами нашей работе после съездов, мы обязаны добиться этого под угрозой гибели нашей партии. Наконец, в общей программе мы лишь вкратце упомянем о желательных для нас частичных изменениях устава, как-то: превращение Совета из третейского в выбираемое съездом учреждение, изменение параграфа 1 устава в духе большинства II съезда, со включением в число партийных организаций всех рабочих организаций и всех тех групп русских социал-демократов, которые вели особое существование в кружковый период и которые пожелали бы войти в партию, и т. д. и т. д.

* * *

Выступая с этой программой нашей внутрипартийной борьбы, мы приглашаем все организации партии и представителей всех оттенков внутри ее высказаться по вопросу об их программе, чтобы дать возможность постепенной, серьезной, осмотрительной и разумной подготовки к съезду.

* * *

У нас нет партии – рассуждали про себя участники нашего редакторского дворцового переворота, спекулируя на отдаленность России и частую смену тамошних работников и на свою собственную незаменимость. У нас рождается партия! – говорим мы, видя пробуждающиеся к активному вмешательству комитеты, видя рост политической сознательности передовых рабочих. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные и оживить и заменить дряхлеющие литературные коллегии, у нас есть и все больше становится революционеров, которые ценят направление воспитавшей их старой «Искры» больше, чем любой редакторский кружок. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки, никакая старчески-озлобленная руготня новой «Искры» не удержит решительного и окончательного приговора этой партии.

Из этих новых сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе.

К партии

Недавно состоялось частное собрание 22-х членов РСДРП – единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II партийного съезда; эта конференция обсуждала вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем российским социал-демократам с нижеследующим воззванием:

Товарищи! Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.

А между тем исторический момент предъявляет к партии такие громадные требования, как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия. Позорный конец позорной войны не так уже далек; а он неминуемо удесятрит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами и потребует от социал-демократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную последнюю борьбу с самодержавием.

Может ли наша партия удовлетворить этим требованиям в том состоянии, в каком она находится теперь? Всякий добросовестный человек должен без колебания ответить: нет!

Единство партии подорвано глубоко, ее внутренняя борьба вышла из рамок всякой партийности. Организационная дисциплина расшатана до самых основ, способность партии к стройному объединенному действию превращается в мечту.

И все же мы считаем эту болезнь партии болезнью роста. Основу кризиса мы видим в переходе от кружковой формы жизни социал-демократии к формам партийным; сущность ее внутренней борьбы – в конфликте кружковщины и партийности. И потому, только покончивши с этой болезнью, наша партия может стать *действительно* партией.

Под именем «меньшинства» в партии сплотились разнородные элементы, связанные сознательным или бессознательным стремлением удержать кружковые отношения, до-партийные формы организации.

Некоторые выдающиеся деятели наиболее влиятельных из прежних кружков, не привыкшие к тем организационным самоограничениям, которых требует партийная дисциплина, склонны по привычке смешивать с общепартийными интересами свои кружковые интересы, которые в кружковый период действительно могли зачастую совпадать с ними, – целый ряд таких деятелей стал во главе борьбы за кружковщину против партийности (часть бывшей редакции «Искры», часть бывшего Организационного комитета, члены прежней группы «Южный рабочий»^[8] и др.).

Их союзниками оказались все те элементы, которые в теории или практике отклонялись от принципов строгого социал-демократизма, ибо только кружковщина могла сохранить идейную индивидуальность и влияние этих элементов, партийность же угрожала растворить их или лишить всякого влияния (экономисты, рабочедельцы^[9] и др.). Наконец, главными кадрами оппозиции послужили вообще все элементы нашей партии, которые являлись по преимуществу интеллигентскими. По сравнению с пролетариатом интеллигенция всегда более индивидуалистична уже в силу основных условий своей жизни и работы, не дающих ей непосредственно широкого объединения сил, непосредственного воспитания на организованном совместном труде. Поэтому интеллигентским элементам труднее приспособиться к дисциплине партийной жизни, и те из них, которые не в силах справиться с этой задачей, естественно поднимают знамя восстания против необходимых организационных

ограничений и свою стихийную анархичность возводят в принцип борьбы, неправильно обозначая эту анархичность, как стремление к «автономии», как требование «терпимости» и т. п.

Заграничная часть партии, где кружки отличаются сравнительной долговечностью, где группируются теоретики различных оттенков, где решительно преобладает интеллигенция, – эта часть партии должна была оказаться наиболее склонной к точке зрения «меньшинства». Поэтому там оно и оказалось вскоре действительным большинством. Напротив, Россия, где громче слышится голос организованных пролетариев, где и партийная интеллигенция в более живом и тесном общении с ними воспитывается в более пролетарском духе, где тяжесть непосредственной борьбы сильнее заставляет чувствовать необходимость организованного единства работы, – Россия решительно выступила против кружковщины, против анархических дезорганизующих тенденций. Она определенно выразила это свое отношение к ним в целом ряде заявлений со стороны комитетов и других партийных организаций.

Борьба развивалась и обострялась. И до чего она дошла!

Партийный орган, который «меньшинству» вопреки воле съезда и благодаря личным уступкам выбранных съездом редакторов удалось захватить в свои руки, стал органом борьбы против партии!

Всего меньше он является теперь идейным руководителем партии в ее борьбе с самодержавием и буржуазией, всего больше – руководителем кружковой оппозиции в борьбе с партийностью. С одной стороны, чувствуя недопустимость своей основной позиции с точки зрения интересов партии, он усиленно занят изыскиванием действительных и мнимых разногласий, чтобы идейно прикрыть эту позицию; и в этих поисках, хватаясь сегодня за один лозунг, завтра за другой, он все более черпает материал у правого крыла партии – прежних противников «Искры», все более идейно сближается с ними, реставрируя их отвергнутые партией теории, возвращая идейную жизнь партии к пережитому, казалось, периоду принципиальной неопределенности, идейных шатаний и колебаний. С другой стороны, новая «Искра», стремясь подорвать нравственное влияние партийного большинства, еще более усиленно занята отыскиванием и обличением ошибок его работников, раздувая всякий действительный промах до чудовищных размеров и стараясь свалить ответственность за него на все большинство партии, подхватывая всякую кружковую сплетню, всякую инсинуацию, которая может повредить противникам, не заботясь не только о проверке, но зачастую и о правдоподобности. На этом пути деятели новой «Искры» дошли до приписывания членам большинства не только совершенно небывалых, но даже и невозможных преступлений, и не только в политическом отношении (например: обвинение ЦК в насильственном раскассировании лиц и организаций), но и в общеморальном (обвинение видных деятелей партии в подлоге и в нравственном пособничестве подлогу). Никогда еще партии не приходилось купаться в таком море грязи, какое создано заграничным меньшинством в нынешней полемике.

Каким образом могло все это случиться?

Образ действий каждой стороны соответствовал основному характеру ее тенденций. Большинство партии, стремясь во что бы то ни стало сохранить ее единство и организационную связь, боролось лишь партийно-лояльными средствами и не раз ради примирения шло на уступки. Меньшинство, проводя анархическую тенденцию, не заботилось о партийном мире и единстве. Оно каждую уступку делало орудием дальнейшей борьбы. Из всех требований меньшинства не удовлетворено до сих пор только одно – внесение розни в ЦК партии путем кооптации насильственно навязанных ему членов меньшинства, – и нападения меньшинства стали ожесточеннее, чем когда-либо. Завладевши ЦО и Советом партии,

меньшинство не стесняется теперь эксплуатировать в своих кружковых интересах ту самую дисциплину, против которой по существу оно борется.

Положение стало невыносимым, невозможным; затягивать его дольше прямо преступно.

Первым средством выйти из него мы считаем полную ясность и откровенность в партийных отношениях. Среди грязи и тумана нельзя уже найти верную дорогу. Каждое партийное течение, каждая группа должны открыто и определенно сказать, что они думают о нынешнем положении партии и какого выхода из него они хотят. С этим предложением мы и обращаемся ко всем товарищам, к представителям всех оттенков партии. Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве третьего партийного съезда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу. – Без него можно ожидать только прогрессивного разложения партии.

Все возражения, выставляемые против созыва съезда, мы считаем безусловно несостоятельными .

Нам говорят: съезд поведет к расколу. Но почему? Если меньшинство непримиримо в своих анархических стремлениях, если оно готово скорее идти на раскол, чем подчиниться партии, то оно фактически уже откололось от нее, и тогда оттягивать неизбежный формальный раскол более чем неразумно, – скованные одною цепью, обе стороны все более и более бессмысленно растрачивали бы свои силы на мелкую борьбу и дразги, нравственно истощаясь и мельчая. Но мы не допускаем возможности раскола. Перед действительной силой организованной партии анархически настроенные элементы должны будут и, мы думаем, сумеют склониться, потому что самостоятельной силы они по самой своей природе образовать не могут. Указывают на возможность примирения без съезда. Но какое примирение? Окончательная капитуляция перед кружковщиной, кооптация меньшинства в ЦК и, следовательно, полное завершение дезорганизации центральных учреждений. Тогда партия стала бы только словом, партийное большинство вынуждено было бы начать новую борьбу. А меньшинство? До сих пор каждая завоеванная уступка была для него только опорой к дезорганизаторской работе; даже с его точки зрения борьба далеко переросла рамки кооптационной дразги; как же может оно прекратить борьбу? И тем более не прекратит оно ее, не получивши всех уступок. Нам говорят: съезд не может достигнуть цели, потому что до сих пор не выяснены разногласия. Да разве дело идет теперь к их выяснению, разве путаница не растет все более? Разногласия теперь не выясняются, а выискиваются и создаются, и только съезд может положить конец этому. Только он, поставивши борющиеся стороны лицом к лицу, заставивши их определенно и открыто выразить свои стремления, только он в силах внести полную ясность во взаимные отношения партийных течений и партийных сил. Но съезд может быть подделан путем раскассирования организаций, заявляет меньшинство. Это лживая инсинуация, отвечаем мы, инсинуация, в пользу которой не приведено ни одного факта. Если бы факты были, меньшинство, располагая партийным органом, конечно, уже сумело бы придать им широкую огласку, и, держа в руках Совет партии, оно имело бы полную возможность их исправить. Наконец, недавняя резолюция Совета, не указывая таких фактов в прошлом, окончательно гарантирует невозможность их в будущем. Кто поверит теперь неправдоподобной инсинуации? Выражают опасения, что съезд отвлечет слишком много сил и средств от положительной работы. Горькая насмешка! Разве мыслимо большее отвлечение сил и средств, чем то, которое причиняет смута? Съезд необходим! Он был бы необходим даже при нормальном течении партийной жизни ввиду исключительности исторического момента, ввиду возможности новых задач, поставленных партии мировыми событиями. Он вдвойне необходим при нынешнем партийном кризисе для честного и разумного выхода из него, для сохранения сил партии, для поддержания ее чести и достоинства.

Что должен сделать третий съезд для прекращения смуты, для восстановления нормальной партийной жизни? В этом отношении мы считаем наиболее существенными следующие преобразования, которые будем защищать и проводить всеми лояльными средствами.

I. Переход редакции ЦО в руки сторонников партийного большинства. Необходимость этого перехода, в силу явной неспособности нынешней редакции поддерживать ЦО на уровне общепартийных интересов, достаточно мотивирована. Клубовый орган не может и не должен быть органом партии.

II. Точное регулирование отношений местной заграничной организации (Лиги) к общерусскому центру, ЦК. Нынешнее положение Лиги, которая превратила себя во второй центр партии и бесконтрольно управляет примыкающими группами, в то же время совершенно игнорирует ЦК, – это положение явно ненормально; с ним необходимо покончить.

III. Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы. Необходимость такой реформы выясняется из всего опыта послесъездовской борьбы. Требуется обеспечить в уставе партии право всякого меньшинства, чтобы этим путем отвести постоянные и неустранимые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого клубового, обывательского русла скандала и дразги в непривычное еще русло оформленной и достойной борьбы за убеждения. К необходимым условиям такого поворота мы относим следующее. Предоставление меньшинству одной (или более) литературной группы с правом представительства на съездах; самые широкие формальные гарантии относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Формальное признание права комитетов получать (в общепартийном транспорте) те партийные издания, которые им угодно. Точное определение границ права ЦК влиять на личный состав комитетов. Мы считаем весьма важным, чтобы те меры по изданию литературы недовольных, которые ЦК предлагал меньшинству второго съезда, были закреплены уставом, чтобы рассеялся меньшинством же созданный мираж «осадного положения», чтобы неизбежная внутрипартийная борьба велась в приличных формах и не тормозила положительной работы.

Мы не разрабатываем здесь наших предложений подробно, так как предлагаем не проект устава, а лишь общую программу борьбы за единство партии. Поэтому мы лишь кратко наметим направление некоторых частных желательных, по нашему мнению, изменений устава, нисколько не связывая себе руки по отношению к дальнейшей его разработке, на основании новых указаний опыта. Необходимо, например, преобразовать Совет партии, как учреждение, показавшее на практике свою непригодность в своем теперешнем виде к выполнению поставленной ему задачи – объединения деятельности центров и высшего контроля над нею. Он должен стать коллегией, целиком выбираемой съездом, а не третейским судом выбираемого съездом пятого над центрами, защищающими себя через своих делегатов. Следует также, сообразуясь с указаниями партийной критики, пересмотреть § 1-й устава в смысле более точного определения границ партии и т. д.

Выступая с этой программой борьбы за единство партии, мы приглашаем представителей всех других оттенков и все партийные организации определенно высказаться по вопросу об их программах, чтобы создать возможность серьезной и последовательной, сознательной и планомерной подготовки к съезду. Для партии решается вопрос жизни, вопрос чести и достоинства: существует ли она как идейная и реальная сила, способная разумно организовать себя настолько, чтобы выступить действительной руководительницей революционного рабочего движения нашей страны? Всем своим образом действий заграничное меньшинство говорит: нет! И оно продолжает действовать в этом смысле уверенно, решительно, полагаясь на отдаленность России, на частую смену тамошних работников, на незаменимость своих вождей, своих литературных сил. У нас рождается партия! – говорим мы, видя рост политического сознания передовых рабочих, видя активно выступающие в общепартийной жизни

комитеты. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные заменить и оживить старые, теряющие доверие партии, литературные коллегии; у нас все более становится революционеров, которые выдержанное направление партийной жизни ценят выше, чем любой кружок прежних вождей. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки не удержат ее решительного и окончательного приговора.

Из этих сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе.

Товарищи! печатайте и распространяйте это воззвание.

Написано в первой половине августа (н. ст.) 1904 г.

Напечатано в августе 1904 г. отдельным листком

Печатается по тексту брошюры: «К партии». Женева, 1904

Пяти членам центрального комитета в Россию. 18 августа 1904 г.

Членам ЦК РСДРП Глебову, Конягину, Травинскому, Лошади и Осипову^[10].

Сегодня мною получено, через берлинского агента ЦК сообщение о решениях четырех (?) членов ЦК на их собрании в России^[11]. Решение это я не могу признать принятым законно по следующим соображениям:

1) Заявление в начале резолюции о присутствии на собрании всех членов ЦК, кроме одного (т. е. меня), есть *неправда*. После ареста Васильева и Зверева, после отставки Митрофанова, в ЦК есть еще член – т. Осипов. Слухи об его отставке оказались неверными: сам т. Осипов считает себя членом Центрального Комитета. Того же мнения держались Васильев (писавший мне об этом), Зверев и я. Во всяком случае, не разобрав вопроса о мнимой отставке Осипова, четыре члена ЦК не имели права считать его выбывшим. Надо добавить, что ни я, ни ЦО, ни один из заграничных агентов ЦК никогда не был формально уведомлен об отставке Осипова. Между тем Осипов не приглашен на собрание.

2) Меня равным образом не только не пригласили на собрание, но и не известили о нем, не сообщили подлежащих обсуждению вопросов. Центральный Комитет, конечно, вправе решать по большинству голосов, но он не может принять законных решений, не предоставив всем членам возможности участвовать в совещании и, в случае надобности, подать особое мнение. Я лишен этой возможности *совершенно противозаконно*.

3) Четыре члена ЦК не высказали своего отношения к договору 26 мая 1904 г. между мной и Глебовым², хотя этот договор и сопровождавшее его мое письмо³ был, с согласия Глебова и Зверева, сообщен всем членам ЦК с просьбой прямо ответить мне. Большинство ЦК имеет полное право майоризировать меньшинство, но никоим образом не уклоняться от официальных запросов меньшинства и от прямых вопросов, поставленных меньшинством на обсуждение.

4) На основании изложенного я предлагаю четырем членам ЦК немедленно ответить мне: а) на каком основании они не пригласили на собрание т. Осипова, члена Центрального Комитета? б) то же относительно меня? в) признают ли они обязанность большинства коллегии принимать общие решения лишь после того, как меньшинство приглашено на совещание и получило возможность высказаться при обсуждении вопросов и подать свое особое мнение? г) признают ли они себя обязанными дать ответ по существу на все вопросы, затронутые в договоре 26 мая 1904 г.?

5) Ввиду того, что 4 члена ЦК сообщили свое, незаконно принятое, решение (как якобы решение всего ЦК) в ЦО, я вынужден обратиться к партийным работникам, которых это довольно близко касается, с письмом по поводу способов действия четырех членов Центрального Комитета.

Член ЦК

Н. Ленин

Впервые напечатано в 1930 г. в Ленинском сборнике XV

Печатается по рукописи

² См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 419–420. *Ред.*

³ Там же, стр. 415–418. *Ред.*

Письмо к агентам ЦК и членам комитетов РСДРП, высказавшимся за большинство II партийного съезда

Товарищи! Конфликт внутри ЦК достиг такой степени развития, что я считаю себя нравственно обязанным сообщить о нем всем сторонникам большинства II партийного съезда. К этому шагу вынуждает меня и незаконный образ действий четырех членов ЦК и боязнь сделать вторично какой-либо неосторожный и вредный для партии шаг (вроде выхода моего из редакции) без совещания с единомышленниками, которые ведут работу на местах, которые лучше знают действительное настроение партии и которые на деле, а не на словах только, объявили войну старой заграничной кружковщине во имя молодой партийности.

В чем состоит конфликт внутри ЦК, это будет видно из 4-х прилагаемых к сему документов: 1) договора 26 мая 1904 г. между тремя членами ЦК, Глебовым, Зверевым и Лениным⁴; 2) письма моего от того же числа к членам ЦК⁵; 3) постановление, принятое якобы всеми членами ЦК, кроме одного; 4) мой протест против законности этого якобы постановления⁶.

Я очень просил бы всех товарищей, с которыми мы стоим на одинаковой точке зрения в настоящей партийной борьбе, внимательно прочесть эти поучительные документы и высказать откровенно и до конца свое суждение о них. Я воздержусь, со своей стороны, от публичного выступления в печати по этим вопросам, воздержусь, по крайней мере, на некоторое время, пока не узнаю мнения некоторых работающих в России, или пока не принудят к этому шагу события.

Ограничусь несколькими вопросами к партии, если члены наших организаций находят, что у нас есть на деле партия: 1) допустимо ли в партии, достойной имени рабочей партии, существование ЦК который выбран большинством и который объявляет политику большинства «групповой» политикой? 2) имеют ли нравственное право на наше доверие люди, которые в марте в декларации^[12] говорят одно, а в июле совсем другое? – 3) люди, которые пользуются арестом 2-х членов ЦК из большинства, чтобы топтать ногами интересы большинства? – 4) люди, которые во имя борьбы с групповой политикой толкуют о конференции с группой меньшинства, игнорируя большинство? – 5) люди, которые боятся оценки их действий съездом и потому смеют запугивать партию расколом, смеют «запрещать» членам партии их элементарное право агитации за съезд? – 6) люди, которые обнаруживают такое младенческое непонимание нашего партийного кризиса, что доказывают всерьез «законность» ЦО и декретируют «высоту» этого ЦО? – 7) люди, которые заведомо вопреки воле партии стараются вышибить из ЦК последовательных сторонников партийного большинства?

Закончу просьбой ответить мне на эти вопросы и позаботиться об ознакомлении с положением дел и с этим письмом всех активных членов партии. Опубликовывать это письмо я пока не видел бы надобности.

Член ЦК

Ленин

Написано 5 (18) августа 1904 г.

Впервые напечатано в 1930 г. в Ленинском сборнике X V

Печатается по рукописи

⁴ * См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 419–420. *Ред.*

⁵ Там же, стр. 415–418. *Ред.*

⁶ См. настоящий том, стр. 22–23. *Ред.*

Проект резолюции женеvской группы большинства

Присоединяясь в общем и целом к Рижской декларации^[13], как вполне правильному принципиальному выражению взглядов и политики партийного большинства II съезда, собрание считает необходимым занять определенную позицию по отношению к новому шагу со стороны ЦК

Собрание выражает свое глубокое убеждение в том, что декларация ЦК^[14] (см. № 72 «Искры») является новой победой кружковщины над партийностью, новой изменой интересам партии в целом, новой попыткой развратить партию внесением лицемерия в партийные отношения. Собрание клеймит, как невиданное и неслыханное ни в одной уважающей себя рабочей партии позорное явление, выступление подотчетного органа партии против созыва партийного съезда, объявление вредной всякой агитации за съезд. Получить свои полномочия на съезде партии от партийного большинства и объявлять политику этого большинства групповой политикой; говорить о мире между двумя борющимися сторонами и заключать частную подпольную сделку с самозванными заграничными представителями одной стороны; лицемерно расхваливать «высоту» позиции своих вчерашних противников и начинать примирение раскассированием членов и агентов ЦК, которые смеют позволять себе такое преступление как агитация за съезд; – все это ясно свидетельствует о том, что новый ЦК в своей новой политике решился, вместе с ЦО, третировать партию, как ничто. Собрание энергично осуждает эту политику бонапартизма, призывает всех членов партии к решительной борьбе против узурпации и лицемерия, требует полного опубликования протоколов Совета и всех неконспиративных данных о деятельности центральных учреждений.

Собрание призывает всех членов партии, разделяющих принципиальные взгляды большинства, к поддержке издательства, предпринятого т. Бонч-Бруевичем^[15], и к энергичной агитации за созыв III съезда.

Написано позднее 25 августа (7 сентября) 1904 г.

Печатается впервые, по рукописи

Письмо Глебову (В. А. Носкову). 11 сентября 1904 г.

Уважаемый товарищ!

Вы опять повторяете, что пожелание, чтобы я вступил в редакцию ЦО, выражено «Центральным Комитетом». В свою очередь, и я должен повторить, что это, по малой мере, неточно. Когда Вы формально заявили, что известная декларация ЦК принята единогласно в полном составе ЦК за исключением одного, я немедленно (еще 18 августа 1904 г.) ответил, что это неправда. Декларацию подписали три члена ЦК из недавно бывших в нем девяти, причем эти трое совершенно противозаконно объявили не членом ЦК тов. Осипова, который письменно заявил мне, что считает себя по-прежнему членом ЦК. Незаконно было объявить выбывшим в отставку товарища, не объяснившись с ним. Оба довода, которыми Вы и двое Ваших коллег защищали это беззаконие, явно несостоятельны. Вы ссылались на то, что тов. Осипов формально заявил о своем выходе в отставку на предыдущем очередном собрании ЦК. Это неправда, ибо в конце мая (т. е. месяцы спустя после этого собрания, имевшего место в феврале или марте) мы считали еще 9 членов ЦК, что удостоверено договором 26 мая 1904 г., подписанным тремя членами ЦК, и письмом, приложенным к этому договору⁷. Вы ссылались на то, что т. Осипов вошел, после упомянутого собрания ЦК, в один местный комитет, чего член ЦК не вправе был бы сделать. На это тов. Осипов письменно еще раньше ответил мне, что он поехал принять участие в местной работе в указанную местность по предложению именно тех членов ЦК которые теперь объявили его выбывшим, и что работал он не в качестве формального члена комитета. Кроме того, если бы даже и имело место неправильное, недопустимое по уставу, вступление члена ЦК в местный комитет, то еще ниоткуда не следует, чтобы исправление этой неправильности непременно требовало выхода из ЦК а не выхода из местного комитета. Наконец, Вы сами должны были признать в письме ко мне, что собранию трех членов ЦК было доложено о спорности вопроса насчет отставки т. Осипова. Решение этого спорного вопроса тремя членами ЦК в отсутствие Осипова и даже без выслушания мнения Осипова было явным и возмутительным беззаконием. Конечно, три члена ЦК могли рассчитывать, что их сторону возьмет находящийся в руках редакции Совет партии; конечно, три члена ЦК могли опираться на формально заключенную ими или молчаливо признанную сделку со сторонниками меньшинства в Совете. Но подобное обстоятельство не устраняло бы беззакония, а, напротив, усиливало бы его элементами политической недобропорядочности. Точно так же незаконно было со стороны 3-х членов ЦК принять отставку т. Травинского, о которой раньше, до собрания, все члены ЦК не были уведомлены. Вы и до сих пор не могли привести мне точных данных о том, кому и когда заявлена эта отставка. Вы отделались ответом, который похож на насмешку: «справьтесь у российской коллегии», от каковой «коллегии» (все той же коллегии трех!) Вы только что приехали и с каковой коллегией я не имею средств сношения иначе, как через Вас! !

Таким образом, я оспариваю законность состава ЦК и его последнего собрания (на котором принята «декларация»). Я имел бы поэтому полное право оставить без ответа Ваше предложение о вступлении моем в редакцию ЦО. Но я рассматриваю это предложение, как исходящее не от ЦК а от трех членов партии, и считаю своим долгом мотивированно ответить на него тем более, что Вы ссылаетесь на выраженное Вам письменно желание редакции ЦО видеть меня в числе редакторов.

Вы полагаете, что мое вступление в редакцию ЦО «обеспечило бы почти полный мир в партии, которого я так хочу». Это Ваше «почти» очень характерно! Да, я хочу мира в партии, я предлагал мир печатно в декабре 1903 г. в своем «Письме в редакцию «Искры»» («Почему

⁷ См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 415–420. *Ред.*

я вышел из редакции?»⁸). Я предлагал мир еще раз официально в Совете партии в январе 1904 г.⁹ Мир не принят был на тех условиях, которые ставил я тогда от имени большинства. Замечу, что вопреки нынешней моде говорить о «мире» лицемерные фразы, понимая под миром полную уступку меньшинству, полное игнорирование большинства и полное забвение съезда, я совершенно определенно указывал в Совете, что я разумею под миром в партии. Я вместе с моим тогдашним коллегой от ЦК в Совете прямо заявил, что под миром разумею очищение идейной борьбы от местнических счетов, дрызг и нечестных приемов борьбы. Пусть ЦО будет у меньшинства, ЦК у большинства, – предлагал я тогда, – призовем всех к прекращению всякого бойкота, всякой местнической, кооптационной дрызги и давайте спорить по-товарищески о наших разногласиях и о причинах нашего расхождения на съезде, давайте приучать партию к честному и достойному разбору ее внутренних споров. Мой призыв был осмеян Плехановым и Мартовым. Меня не удивляет, что они приняли позорное решение не опубликовывать протоколов Совета (вопреки настояниям меньшинства в Совете, именно обоих представителей от ЦК) и что к этому решению присоединились теперь (тайком) три члена ЦК, Кто устраивает лицемерный мир, пользуясь неизбежными в жизни русских революционеров случайностями и вышибая из ЦК несогласномыслящих¹⁰, тот не может не стремиться к скрытию от членов партии попытки заключить своевременно честный мир. К счастью, я имею основания думать, что эта жалкая уловка, направленная к обману партии, не удастся и что протоколы Совета, в конце концов, увидят свет.

После того как редакция, захватившая Совет, отвергла со смехом мое предложение мира, я заявил тогда же, что единственным честным выходом считаю съезд. Тактику меньшинства (и Плеханова в том числе) – держать в своих руках редакцию ЦО и Совет, на словах представлять в этих центральных учреждениях интересы всей партии в целом и в то же время на деле добиваться, помимо съезда, переделки ЦК в интересах меньшинства, эту тактику я не могу считать честной борьбой. Ни в какие сделки со сторонниками такой тактики я не вступал никогда и не считаю возможным вступать. Кроме того, с января вполне выяснилась физиономия новой «Искры», этого центрального органа сплетен и дрызг, путаницы в рассуждениях и заигрыванья с оппортунистами, сведения личных счетов и выискивания разногласий. Что новая «Искра» есть орган кружка, орган нового «направления», это теперь видят все, и даже сама редакция, которая сначала бралась защищать «преемственность», а в настоящее время систематически оплевывает старую «Искру». Спрашивается, в каком же смысле можно теперь говорить о мире? Если понимать под ним очищение идейной борьбы от кооптационной дрызги, то я и сейчас вполне готов согласиться на мир и возобновить свое сделанное в Совете предложение. Если же разумеет под миром прекращение идейной борьбы, примирение с направлением или, вернее, физиономией лишенной всякого направления повой «Искры», то такой «мир» предлагать могут только люди беспринципные, или лицемерные, или смотрящие на органы партии как на печатную бумагу (Druckerschwärze – типографская краска, – как назвал один из «примиренцев» литературу новой «Искры»), Если редакторы новой «Искры», сведшие почти всю свою «принципиальную» позицию к личным нападкам на меня, к преследованию того, что они называли «ленинизмом», и к выискиванию разногласий со мной, выражают теперь желание видеть меня в редакции, то они сами признают этим, что смотрят на свои писания несерьезно, что всю полемику они сочинили лишь «для кооптации» и готовы забросить все свои новые «принципы» после того, как кооптация успешно достигнута. Что касается до меня, то я отвергаю, как недостойное, самое пред-

⁸ См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 98–104. *Ред.*

⁹ Там же, стр. 114–116. *Ред.*

¹⁰ Это относится прежде всего к т. Осипову. Затем, конечно, и ко мне, ибо предложение вступить в редакцию ЦО равносильно предложению уйти из ЦК.

положение о возможности для большинства отказаться от партийной борьбы за свою позицию, борьбы за выдержанное направление, борьбы против кружковщины. Вести эту борьбу я считаю своим неотъемлемым правом и обязанностью вместе с принципиальными сторонниками большинства, число которых возрастает в России. Вести эту борьбу должно, по моему, открыто, ибо ⁹/₁₀ истории конфликта вынесено уже на публику, и всякое дальнейшее скрывание ее от глаз света было бы мелочным и нелепым затягиваньем кризиса.

Вы пишете, что моего вступления в нынешнюю редакцию «Искры» «несомненно желают и многие комитеты». С сожалением констатирую, что Вы и на этот раз говорите заведомую неправду. Ни один комитет не выразил еще, при настоящих условиях борьбы, такого желания. Оно выражено только кружком редакторов ЦО и тремя членами из ЦК которые видят верх политической мудрости в том, чтобы с меньшинством ругать большинство, а с большинством меньшинство. Я позволяю себе думать, что мне следует считаться не с волей тех или иных политиканов, а с волей всей партии, которая установила сама для себя и способ формального выражения этой воли: съезд. Я позволяю себе думать, что руководитель, взявший известную линию на съезде и ведущий по этой линии часть партии, теряет всякое право на уважение и даже на серьезное отношение к его словам, если переметывается на сторону своих противников.

Ваша ссылка на «многие комитеты» крайне поучительна и знаменательна, несмотря на ее... несоответствие с истиной. Эта ссылка свидетельствует о кусочке партийной совести, о наличии некоторого сознания того, что должностные учреждения, назначенные партией, должны считаться с волей этой партии, предпринимая свои переделки состава и направления центров. Если бы это сознание у Вас не было омрачено благодаря той запутанной позиции, которую Вы заняли, то Вы легко увидели бы, что нет иного способа действительно узнать действительное желание действительно многих комитетов, кроме съезда. Но если Ваша ссылка на «многие комитеты» выдает кусочек партийной совести, то в то же время эта ссылка свидетельствует яснее ясного о беспокойной совести: Вы потому и боитесь пуще огня съезда, что чувствуете вопиющее противоречие между своей политикой приключений и волей партии.

Мои общие соображения относительно лицемерности предпринятого Вами примирения вполне подтверждаются рядом добавочных фактов. Трое членов ЦК восхищаются теперь «высотой» ЦО, тогда как в марте *эти самые* три члена ЦК составляли заявление с сожалением о том, что некоторые партийные писатели (большинство нынешней редакции ЦО) вдалились в оппортунизм. Говоря о «мире», эти три члена ЦК в то же время распускают Южное бюро (коллегия агентов ЦК)^[16] за то, что в нем работали сторонники большинства, имевшие дерзость агитировать за съезд. Говоря о примирении двух борющихся сторон, три члена ЦК устраивают конференцию с представителями одной стороны, игнорируя другую. Какой разврат вносится в партию этими частными, приватными сделками, которые касаются насущных интересов всей партии и которые так тщательно скрываются от нее, несмотря на отсутствие всякой необходимости в конспиративной тайне! Какая масса взаимного недоверия, подозрительности вносится этими проделками за спиной партии во всю партийную жизнь! Сегодня как раз мне пишет из России один товарищ, какие слухи ходят по поводу этих сделок: в меньшинстве образовалось три части, говорят в партийных кругах; одна требует прежде всего кооптации в ЦК Дана и Троцкого и знать больше ничего не хочет; другая соглашается на конференцию; третья удовлетворяется одной декларацией ЦК и к этой части относятся южнорабоченцы (вполне справедливо усматривающие в создании популярного органа не что иное, как замаскированное восстановление «Южного Рабочего», закрытого съездом). Я не знаю, что есть верного в этих партийных толках. Но что меньшинство состоит из разнородных групп, что тов. Брукэр, напр., совсем, вероятно, не участвует в «ультиматумах» меньшинства и во всей кооптационной дрязге, что группа «Южного рабочего» пред-

ставляет из себя значительно особый оттенок – это все общеизвестные факты, с которыми знаком всякий, изучавший наш партийный съезд. Неужели Вы не видите, сколько унижительного в этом торгашестве отдельных групп, происходящем за спиной партии! Можно ли удивляться, что лицемерие трех членов ЦК вызывает полное недоверие к ним со стороны большинства, стоящего в стороне от всех этих проделок? Можно ли удивляться, что «мир», начатый рассказыванием агитирующих за съезд, рассматривается как преддверие систематической подтасовки партийного общественного мнения? что большинство предполагает сделку ЦК и ЦО (а следовательно, и Совета) о насильственном введении меньшинства в комитеты, о неопубликовании резолюций большинства (петербургская и екатеринославская резолюции задерживаются *уже не один месяц*) и т. д. и т. п.?

Надеюсь, Вы поймете теперь, почему при данной партийной ситуации не может быть и речи о моем вступлении в редакцию ЦО.

* * *

Ваше заявление, что я «воздержался» от подачи голоса по вопросу о кооптации трех в ЦК есть *неправда*. Я решительно протестую против признания «выборов состоявшимися». Это новое беззаконие. Три члена ЦК *обязаны* рассмотреть *все* мой протест и лишь *после этого* поднимать вопрос о кооптации. По уставу, кооптация единогласна; моего согласия не было дано. Следовательно, без внесения дела в Совет не может быть и речи о состоявшейся кооптации. Решение Совета (если Вы противозаконно внесете туда вопрос о кооптации впредь до проверки состава ЦК всеми членами ЦК) должно быть сообщено мне вместе с протоколами Совета.

* * *

Вашего сожаления о том, что нам не пришлось повидаться, я разделить не могу. После Ваших проделок с т. Осиповым и Вашего отношения к данному слову (договор 26 мая 1904 г.) я никаких сношений с Вами, кроме чисто официальных и исключительно письменных, иметь не желаю.

Член ЦК

Н. Ленин

Напечатано с некоторыми сокращениями в 1904 г. в брошюре: Н. Шахов. «Борьба за съезд». Женева

Печатается по рукописи

Предисловие к брошюре И. Шахова «Борьба за съезд»

Предисловие

Мы старались дать в предлагаемой читателю брошюре возможно более полное собрание документов, характеризующих отношение различных организаций нашей партии, занятых работой на местах, к современному партийному кризису. Документы эти воспроизводятся частью с текста, напечатанного уже в «Искре», частью прямо с рукописей, и читатель не должен забывать, что, в силу самих условий доставки, в эти рукописи не могли не вкрасться иногда ошибки и пропуски.

Содержание печатаемых документов вращается около одного центрального пункта, именно: борьбы партийности с кружковщиной, борьбы за съезд. Сначала это была борьба за второй съезд партии, за признание и честное соблюдение его решений, потом за третий съезд, как единственное достойное партии средство выхода из современного невозможного положения. Борьбу теперешних центральных учреждений партии против третьего съезда мы тоже постарались представить возможно полнее на основании документальных данных.

Наша работа ограничилась приведением документов в хронологический (по возможности) порядок и добавлением самых кратких пояснений для указания связи между документами. Комментарии мы предоставляем дальнейшей литературе. Голые фактические данные о борьбе за съезд говорят сами за себя, и изучение их поможет всем и каждому выработать себе самостоятельное суждение о нашей внутривнутрипартийной борьбе.

Написано ранее 7 (20) сентября 1904 г. Напечатано в 1904 г. в брошюре: И. Шахов. «Борьба за съезд». Женева

Печатается по рукописи

Ein schritt vorwärts, zwei schritte rückwärts. Eine abwehr von N. Lenin

Der Artikel der Genossin Rosa Luxemburg in den 42–43 Nummern der «Neue Zeit» übt eine Kritik über mein russisches Buch über die Krise in unserer Partei. Ich kann mich nicht von dem Dank, den wir unsern deutschen Genossen für ihre Aufmerksamkeit zu unserer Parteiliteratur, für ihre Versuche die deutsche Sozialdemokratie mit dieser Literatur bekannt zu machen, schulden enthalten, aber dabei bin ich genötigt, darauf aufmerksam zu machen, daß Rosa Luxemburg's Artikel die Leser der «Neue Zeit» nicht mit meinem Buch, sondern mit etwas anderem bekannt macht. Man möge darüber an folgenden Beispielen urteilen. Gen. Luxemburg sagt z. B., daß die Auffassung, die hier (d. h. in meinem Buche) in eindringlicher und erschöpfender Weise ihren Ausdruck gefunden hat, ist die eines «rücksichtslosen Zentralismus». Gen. Luxemburg meint also, dass ich ein Organisationssystem gegen ein anderes verteidige. Das ist aber tatsächlich nicht wahr. Von der ersten Seite bis zur letzten verteidige ich die elementaren Grundsätze eines jeden Systems, einer jeden denkbaren Parteiorganisation. Mein Buch beschäftigt sich nicht mit dem Unterschiede eines Organisationssystems von einem andern, sondern mit der Frage, wie ein jegliches System in einer dem Parteibegriff nicht widersprechenden Weise eingehalten, kritisiert und korrigiert werden muß, Rosa Luxemburg sagt weiter, daß «nach seiner (Lenin's) Auffassung das Zentralkomitee die Befugnis hat, alle Teilkomitees der Partei zu organisieren». Das ist tatsächlich nicht wahr. Meine Auffassung in dieser Frage kann dokumentarisch durch den von mir eingebrachten Entwurf eines Parteiorganisationsstatuts bewiesen werden. In diesem Entwurf ist von dem Rechte, die Teilkomitees zu organisieren, keine Rede. Die von dem Parteitag zwecks der Ausarbeitung des Parteistatuts gewählte Kommission fügte dies Recht ein und der Parteitag nahm den Kommissionsentwurf an. In die Kommission aber außer mir und noch einem Anhänger der Majorität waren drei Anhänger der Minorität des Parteitags gewählt, d. h. daß in der Kommission, die dem Zentralkomitee das Recht, die Teilkomitees zu organisieren, gegeben hat, hatten gerade meine Gegner die Oberhand. Gen. Rosa Luxemburg hat zwei verschiedene Tatsachen verwechselt. Erstens hat sie meinen Organisationsentwurf mit dem umgestalteten Kommissionsentwurf einerseits und mit dem vom Parteitag angenommenen Organisationsstatut andererseits verwechselt; zweitens verwechselte sie die Verteidigung eines bestimmten Antrags über einen bestimmten Paragraphen des Statuts (in dieser Verteidigung war ich keineswegs rücksichtslos, da im Plenum ich nicht gegen das Amendement, das die Kommission eingebracht hat, gestritten habe) mit der Verteidigung jener (nicht wahr echt «ultrazentralistischen»?) Theses, daß ein Statut, das von einem Parteitag angenommen wurde, auch befolgt werden muß, bis es vom nächsten Parteitag umgeändert wird. Diese Theses (eine echt blanquistische, wie der Leser leicht ersehen kann) wurde wirklich von mir in meinem Buch recht «rücksichtslos» verteidigt. Gen. Luxemburg sagt, daß nach meiner Auffassung «erscheint das Zentralkomitee als der einzige aktive Kern der Partei». Es ist tatsächlich unwahr. Ich habe diese Auffassung nirgends vertreten. Im Gegenteil, meine Opponenten (die Minorität des II. Parteitags) haben mich in ihren Schriften beschuldigt, daß ich nicht genügend die Unabhängigkeit, die Selbstständigkeit des Zentralkomitees in Schutz nehme, daß ich ihn viel zu sehr den im Ausland lebenden Redaktion und Parteirat unterjoche. Auf diese Beschuldigung antwortete ich in meinem Buch, daß, als die Parteimajorität die Oberhand im Parteirat hatte, sie niemals den Versuch machte, in die Selbstständigkeit des Zentralkomitees einzugreifen; das geschah aber sogleich, wie der Parteirat zum Kampfmittel der Minorität wurde. Gen. Rosa Luxemburg sagt, daß es in der Sozialdemokratie Rußlands keine Frage über die Notwendigkeit einer einheitlichen Partei existiert und daß der ganze Streit sich nur um das Maß einer Zentralisation dreht. Das ist tatsächlich nicht wahr. Hätte Gen. Luxemburg sich die Mühe gegeben, die Resolutionen der vielen Lokalkomitees der Partei, die

die Majorität bilden, kennen zu lernen, so hätte sie leicht einsehen können (das tritt übrigens auch klar aus meinem Buch hervor), daß der Streit bei uns hauptsächlich darüber geführt wird, ob das Zentralkomitee und das Zentralorgan die Richtung der Majorität des Parteitags vertreten sollen, oder nicht. Über diese ultrazentralistische und rein blanquistische Forderung spricht die wertige Genossin kein Wort, sie zieht es vor, gegen die mechanische Unterwerfung eines Teils dem Ganzen, gegen den Kadavergehorsam, gegen die blinde Unterordnung und dergleichen Schreckensgespenste zu deklamieren. Ich bin sehr der Gen. Luxemburg für die Auseinandersetzung des tiefgestrichen Gedankens, daß der Kadavergehorsam sehr für die Partei schädlich ist, dankbar, aber ich möchte doch wissen, hält es die Genossin für normal, kann sie es zulassen, hat sie je in irgend welcher Partei es gesehen, daß in den Zentralbehörden, die sich Parteibehörden nennen wollen, die Minorität des Parteitags dominieren könnte? Die Gen. Rosa Luxemburg unterschiebt mir geradezu den Gedanken, daß alle Vorbedingungen zur Durchführung einer großen und äußerst zentralisierten Arbeiterpartei in Rußland bereits vorhanden sind. Wieder eine tatsächliche Unwahrheit. Nirgends in meinem Buche habe ich diesen Gedanken ausgesprochen, geschweige vertreten. Etwas anders lautete und lautet die von mir vertretene These: ich bestand nämlich darauf, daß alle Vorbedingungen bereits vorhanden sind, um die Beschlüsse des Parteitags anzuerkennen, und daß es schon die Zeit vorbei sei, ein Parteikollegium durch ein Privatzirkel zu ersetzen. Ich brachte die Beweise ein, daß gewisse Akademiker in unserer Partei ihre Unkonsequenz und Unstandhaftigkeit offenbarten und daß sie gar kein Recht hatten, ihre Disziplinlosigkeit in den Schuh der russischen Proletarier zu schieben. Die Arbeiter Rußlands haben schon oft bei den verschiedenen Gelegenheiten sich für das Befolgen der Parteitagsbeschlüsse ausgesprochen. Es ist geradezu lächerlich, wenn die Gen. Luxemburg eine dahingehende Äußerung für eine «optimistische» erklärt (sollte es nicht eher für «pessimistisch» gelten), ohne dabei ein einzelnes Sterbewörtchen darüber zu verlieren, welche tatsächliche Grundlage meiner Äußerung sei. Gen. Luxemburg sagt, ich verherrliche die erzieherische Wirkung einer Fabrik. Das ist nicht wahr. Nicht ich, sondern mein Gegner behauptete, daß ich mir die Partei als eine Fabrik vorstelle. Ich lachte meinen Gegner tüchtig aus und wies aus den Worten des Gegners nach, daß er zwei verschiedene Seiten der Fabrikdisziplin verwechsle, wie das auch leider mit der Genossin R. Luxemburg der Fall ist¹¹.

Gen. Luxemburg sagt, daß ich meinen Standpunkt vielleicht scharfsinniger gekennzeichnet habe, als es irgend einer meiner Opponenten tun könnte, als ich meinen «revolutionären Sozialdemokraten», als einen mit der Organisation der klassenbewussten Arbeiter verbundenen Jakobiner definierte. Wieder eine tatsächliche Unwahrheit. Nicht ich, sondern P. Axelrod sprach zuerst vom Jakobinismus. Axelrod war der erste, der unsere Parteiuancen mit denen aus der Zeit der großen Revolution verglichen hat. Ich bemerkte bloß, daß dieser Vergleich nur in dem Sinne zulässig sei, daß die Teilung der modernen Sozialdemokratie auf die revolutionäre und opportunistische im gewissen Sinne der Teilung auf die Montagnard'en und Girondisten entspricht. Einen solchen Vergleich tat recht oft die vom Parteitag anerkannte alte «Iskra». Gerade diese Teilung anerkennend, kämpfte die alte «Iskra» mit dem opportunistischen Zweig unserer Partei, mit der Richtung der «Rabotschee Djelo». Rosa Luxemburg verwechselt hier das *Verhältnis* zwischen zwei revolutionären Richtungen des XVIII. und XX. Jahrhunderts mit der Identifizierung dieser Richtungen selbst. Wenn ich z. B. sage, daß das Verhältnis zwischen der «Jungfrau» und dem «Kleinen Scheidegg» dem Verhältnisse zwischen 4- und 2-stöckigen Häusern entspricht, so heißt es doch nicht, daß ich ein 4 stöckiges Haus mit der «Jungfrau» identifiziere. Gen. Luxemburg hat völlig die tatsächliche Analyse der verschiedenen Richtungen unserer Partei außer Acht gelassen. Und gerade dieser Analyse, die sich auf die Protokolle unseres Parteitags fußt, widme ich die größere Hälfte meines Buches, und in der Einleitung mache ich darauf besonders aufmerksam.

¹¹ Vergleiche die russische Broschüre: «Unsere Mißverständnisse» den Artikel «Rosa Luxemburg contra Karl Marx».

Rosa Luxemburg will über die jetzige Lage unserer Partei sprechen und ignoriert dabei vollständig unsern Parteitag, der eigentlich den echten Grundstein unserer Partei gelegt hat. Es muss als ein gewagtes Unternehmen angesehen werden! Ein um so mehr gewagtes Unternehmen, da ich hundertmal in meinem Buch darauf hinweise, daß meine Gegner unsern Parteitag ignorieren und eben darum alle ihre Behauptungen jeder tatsächlichen Grundlagen berauben.

Gerade diesen Grundfehler begeht auch die Gen. Luxemburg. Sie wiederholt nackte Worte, ohne sich zu bemühen, ihren konkreten Sinn zu begreifen. Sie rückt Schreckens-gespenste vor, ohne die reale Lage des Streites kennen zu lernen. Sie schiebt mir Gemeinplätze, allgemeine Prinzipien, allgemeine Erwägungen, absolute Wahrheiten zu und sucht die relativen Wahrheiten, die sich auf scharfbestimmte Tatsachen beziehen und mit denen allein ich operiere, totzuschweigen. Und sie klagt noch über Schablone. Sie beruft sich dabei auf Marx's Dialektik. Und gerade der Artikel der geehrten Genossin enthält ausschließlich erdichtete Schablone, gerade ihr Artikel widerspricht dem Abc der Dialektik. Dies Abc besagt, daß es keine abstrakte Wahrheit gibt, die Wahrheit ist immer konkret. Gen. Rosa Luxemburg ignoriert majestätisch die konkreten Tatsachen unseres Parteikampfs und deklamiert großmütig über Fragen, die unmöglich ernst diskutiert werden können. Ich führe noch ein letztes Beispiel aus dem zweiten Artikel der Gen. Luxemburg an. Sie zitiert meine Worte darüber, daß die oder jene Fassung eines Organisationsstatuts als ein mehr oder weniger scharfes Kampfmittel gegen den Opportunismus dienen kann. Über welche Fassungen sprach ich in meinem Buch und sprachen wir alle auf dem Parteitag, darüber sagt Rosa Luxemburg kein Wort. Welche Polemik auf dem Parteitag geführt wurde, gegen wen rückte ich meine Grundsätze vor, das geht die Genossin gar nichts an. Dagegen geruht sie, mir eine ganze Vorlesung über den Opportunismus... in den parlamentärischen Ländern vorzuhalten!! Aber die besondere, spezifische Artung des Opportunismus, die Nuancen, die er bei uns in Rußland angenommen hat und mit denen ich mich in meinem Buch beschäftige, darüber finden wir kein Wort in dem Artikel der Genossin. Die Schlußfolgerung aller dieser hochgestrichen Auseinandersetzungen ist die: «Das Parteistatut soll nicht etwa (?? verstehe, wer kann) eine Waffe zur Abwehr des Opportunismus sein, sondern bloß ein äußeres Machtmittel zur Ausübung des massgebenden Einflusses der tatsächlich vorhandenen revolutionärproletarischen Majorität der Partei». Sehr richtig. Aber wie gestaltete sich die tatsächlich vorhandene Majorität unserer Partei, darüber schweigt Rosa Luxemburg, und gerade darüber spreche ich in meinem Buch. Sie schweigt auch darüber, welchen Einfluß ich und Plechanoff mit diesem äussern Machtmittel verteidigt haben. Ich kann nur hinzufügen, daß ich niemals und nirgends über einen solchen Unsinn, wie das Parteistatut eine Waffe «an sich», sprach.

Die richtigste Antwort, auf eine solche Art und Weise meine Ansichten zu erläutern, wäre, die konkreten Tatsachen unseres Parteikampfs wiederzugeben. Da wird einem jeden klar, wie hübsch solche abstrakten Gemeinplätze und Schablone der Gen. Luxemburg mit den konkreten Tatsachen kontrastieren.

Unsere Partei wurde im Frühling 1898 in Rußland auf dem Kongreß der Vertreter einiger russischen Organisationen gegründet. Die Partei wurde die Sozialdemokratische Arbeiterpartei Rußlands genannt, als Zentralorgan der Partei wurde die «Rabotschaja Gaseta» (Arbeiterzeitung) ernannt; der Verein der russischen Sozialdemokraten im Auslande wurde zum ausländischen Vertreter der Partei. Sehr bald nach dem Parteitag wurde das Zentralkomitee der Partei von der Polizei verhaftet. Die «Rabotschaja Gaseta» mußte nach der zweiten Nummer zu erscheinen aufhören. Die ganze Partei wurde zum formlosen Konglomerat der Lokalorganisationen (die Komitees genannt wurden). Das einzige Bindemittel, das diese Lokalkomitees vereinigte, war das ideale, rein geistige Bündnis. Es mußte notwendig wieder die Periode des Auseinandergehens, hin und her Schwankens und Spaltungen eintreten. Die Gebildeten, die ein viel größeres Prozent unserer Arbeiterpartei im Vergleich zu den westeuropäischen Parteien ausmachen, begeisterten sich für den Marxismus, wie für eine neue Mode. Diese Begeisterung hat sehr

bald dem sklavischen Niederbeugen vor der bürgerlichen Kritik Marx's einerseits und der rein professionalen Arbeiterbewegung (Streikismus-Oekonomismus) anderseits Platz gemacht. Das Auseinandergehen des intellektuell-opportunistischen und proletarisch-revolutionären Richtungen brachte zur Spaltung des ausländischen «Vereins». Die Zeitung «Rabotschaja Mysl» (Arbeitergedanke) und die ausländische Zeitschrift «Rabotschee Djelo» (Arbeitersache) (die letzte etwas schwächer) vertraten den Standpunkt des Oekonomismus, erniedrigten den politischen Kampf, verneinten die Elemente einer bürgerlichen Demokratie in Rußland. Die «legalen» Kritiker von Marx, die Herren Struve, Tugan-Baranowsky, Bulgakoff, Berdjajeff u. a. m. gingen ganz nach rechts über. Nirgends in Europa finden wir, daß das Bernsteinjanertum so rasch zu seinem logischen Ende, zur Bildung einer liberalen Fraktion gelangte, wie es bei uns in Rußland der Fall war. Bei uns fing Hr. Struve im Namen des Bernsteinjanertum mit der «Kritik» an und endete mit der Bildung einer liberalen Zeitschrift «Oswoboschdenie», liberalen im europäischen Sinne dieses Wortes. Die ans dem ausländischen Verein ausgetretenen Plechanoff und seine Freunde wurden von den Gründern der «Iskra» und «Saria» unterstützt. Diese zwei Zeitschriften führten (darüber hat sogar Gen. Rosa Luxemburg etwas gehört) eine «dreijährige glänzende Kampagne» gegen den opportunistischen Flügel der Partei, eine Kampagne der sozialdemokratischen «Montagne» gegen die sozialdemokratische «Gironde» (das ist der Ausdruck der alten «Iskra»), einen Feldzug gegen «Rabotschee Djelo» (Gen. Kritschewsky, Akimoff, Martinoff u. A.), gegen den jüdischen «Bund», gegen die russischen Organisationen, die sich für diese Richtung begeisterten (da kommen zuerst die Petersburger sogen. Arbeiterorganisation und das Komitee von Woronesch in Bezug).

Es wurde immer mehr und mehr klar, dass das rein ideale Bündnis zwischen den Komitees schon ungenügend sei. Immer dringlicher äußerte sich das Bedürfnis, eine tatsächlich geschlossene Partei zu bilden, das heißt, das zu vollführen, was im Jahre 1898 nur angedeutet wurde. Endlich zum Schluß des Jahres 1902 bildete sich ein Organisationskomitee, das sich die Aufgabe machte, den II. Parteitag zusammenzurufen. In dieses Organisationskomitee, das hauptsächlich von der russischen Organisation der «Iskra» gegründet wurde, trat auch ein Vertreter des jüdischen «Bundes» ein. Im Herbst 1903 kam endlich der zweite Parteitag zustande; er endete einerseits mit der formellen Einigung der Partei, anderseits mit der Spaltung auf die «Majorität» und die «Minorität». Diese letzte Teilung existierte nicht vor dem Parteitag. Nur die detaillierte Analyse des Kampfes auf dem Parteitag kann diese Teilung erklären. Leider weichen die Anhänger der Minorität (inklusive Gen. Luxemburg) dieser Analyse ängstlich aus.

In meinem Buch, das so eigentümlich von der Gen. Luxemburg den deutschen Lesern wiedergegeben ist, widme ich mehr als 100 Seiten einer durchgehender Forschung der Parteitagsprotokolle (die in einem ca 400 S. starken Buch abgedruckt sind). Diese Analyse zwang mich, die Delegierten oder besser gesagt die Stimmen (wir hatten Delegierte mit einer oder zwei Stimmen) in vier Grundgruppen zu teilen: 1) Die Iskristen (Anhänger der Richtung der alten «Iskra») der Majorität – 24 Stimmen, 2) die Iskristen der Minorität – 9 Stimmen, 3) das Zentrum (spottweise auch Sumpf genannt) – 10 Stimmen und endlich 4) Antiiskristen – 8 Stimmen, im Ganzen 51 Stimmen. Ich analysiere die Beteiligung dieser Gruppenn bei *allen* Abstimmungen, die auf dem Parteitag vorgenommen wurden, und beweise, daß bei allen Fragen (des Programms, der Taktik und der Organisation) der Parteitag eine Arena des Kampfes der Iskristen gegen die Antiiskristen bei den verschiedenen Schwankungen des Sumpfes bildete. Einem jeden, der nur ein wenig mit der Geschichte unserer Partei vertraut ist, muß es klar sein, daß es auch anders nicht sein konnte. Aber alle Anhänger der Minorität (inklusive R. Luxemburg) schließen bescheiden ihre Augen vor diesem Kampf zu. Warum? Denn gerade dieser Kampf veraugenscheinlicht die Grundfalschheit der jetzigen politischen Lage der Minorität. Während des ganzen Kampfs auf dem Parteitag in Dutzenden Fragen, in Dutzenden Abstimmungen kämpften die Iskristen gegen die Antiiskristen und den Sumpf, der nur so entschiedener sich auf die Seite der Antiiskristen stellte, je konkreter die debatierte Frage war, je positiver sie die

Grundfassung der sozialdemokratischen Arbeit bestimmte, je realer sie die ständigen Pläne der alten «Iskra» ins Leben zu rufen suchte. Die Antiiskristen (besonders Gen. Akimoff und der immer mit ihm stimmende Delegierte der Petersburger Arbeiterorganisation Gen. Brucker, fast immer Gen. Martinoff und 5 Delegierte des jüdischen «Bundes») verneinten die Anerkennung der Richtung der alten «Iskra». Sie verteidigten die alten Privatorganisationen, stimmten gegen ihre Unterwerfung der Partei, gegen ihren Zusammenschluß mit der Partei (der Inzident mit dem Organisationskomitee, die Auflösung der Gruppe des «Südarbeiters», der wichtigsten Gruppe des Sumpfes u. s. w.). Sie kämpften gegen den zentralistisch formulierten Organisationsstatut (14, Sitzung des Parteitags) und beschuldigten damals *alle* Iskristen, daß sie ein «organisiertes Mißvertrauen», ein «Ausnahmegesetz» und dergleichen Schreckgespenster einführen wollen. Damals lachten darüber *alle* Iskristen ohne Ausnahme, jetzt nimmt merkwürdigerweise die Gen. Rosa Luxemburg diese Gespenster für etwas Ernstes an. In der großen Mehrzahl der Fragen siegten die Iskristen; sie überwiegen auf dem Parteitag, wie es auch leicht aus den erwähnten Zahlenangaben zu ersehen ist. Aber während der zweiten Hälfte der Sitzungen, als es weniger prinzipielle Fragen zu lösen war, siegten die Antiiskristen, da mit ihnen einige Iskristen stimmten. So geschah es z.B. in der Frage über die Gleichberechtigung aller Sprachen in unserem Programm, bei welcher Frage es den Antiiskristen beinahe gelang, die Programmkommission zu stürzen und uns in der Frage der Programmfassung zu besiegen. So geschah es auch in der Frage über den ersten Paragraphen des Statuts, als die Antiiskristen und der Sumpf die Fassung Martoffs durchgeführt haben. Nach dieser Fassung gelten als Parteimitglieder nicht nur die Mitglieder einer Parteiorganisation (eine solche Fassung verteidigten ich und Plechanoff), sondern auch alle Personen, die unter der Kontrolle einer Parteiorganisation arbeiten¹².

So geschah es auch in der Frage über die Wahl in das Zentralkomitee und die Redaktion des Zentralorgans. Die zusammengeschlossene Majorität bildeten 24 Iskristen; sie führten die schon lange vorher geplante Erneuerung der Redaktion durch; von den sechs früheren Redakteuren wurden drei gewählt; die Minorität bildeten 9 Iskristen, 10 Mitglieder des Zentrums und 1 Antiiskrist (die übrigen 7 Antiiskristen, die Vertreter des jüdischen «Bundes» und des «Rabotschee Djelo» verließen schon früher den Parteitag). Diese Minorität war so mit der Wahl unzufrieden, daß sie beschloß, sich von den übrigen Wahlen fernzuhalten. Gen. Kautsky hatte vollkommen recht, als er in der Tatsache der Erneuerung der Redaktion den Hauptgrund des darauffolgenden Kampfes sah. Aber seine Ansicht, daß ich (sie!) drei Genossen aus der Redaktion «ausgeschlossen» habe, ist nur durch seine vollständige Unkenntnis unsers Parteitags zu erklären. Erstens ist doch eine Nicht-Wahl noch lange kein Ausschluß, und ich hatte auf dem Parteitage gewiß kein Recht, jemanden auszuschließen, zweitens scheint Gen. Kautsky nicht einmal zu ahnen, daß die Tatsache einer Koalition der Antiiskristen, des Zentrums und eines kleinen Teils der Anhänger der «Iskra» auch eine politische Bedeutung hatte und nicht ohne Einfluß auf das Wahlergebnis bleiben konnte. Wer nicht die Augen vor dem, was auf unserem Parteitage geschah, schließen will, der muß einsehen, dass unsere neue Teilung auf die Minorität und Majorität nur als eine Variierung der alten Teilung auf die proletarisch-revolutionäre und intellektuell-opportunistische Flügel unserer Partei erscheine. Das ist eine Tatsache, die sich weder weginterpretieren, noch weglachen läßt.

Leider wurde nach dem Parteitag die prinzipielle Bedeutung dieser Scheidung durch ein Kooptationsgezänk getrübt. Die Minorität wollte nämlich nicht unter der Kontrolle der Zentralbehörden arbeiten, falls drei alte Redakteure nicht wieder kooptiert werden. Zwei Monate

¹² Gen. Kautsky sprach sich für die Fassung Martoffs aus, er stellte sich dabei auf den Standpunkt der Zweckmäßigkeit. Erstens wurde auf unserem Parteitage dieser Punkt nicht vom Standpunkt der Zweckmäßigkeit, sondern vom Standpunkt der Prinzipien beurteilt. So wurde diese Frage von Axelrod gestellt. Zweitens irrt sich Gen. Kautsky, wenn er meint, daß bei den russischen Polizeiverhältnissen so ein wesentlicher Unterschied zwischen der Angehörigkeit zu einer Parteiorganisation und bloßer Arbeit unter der Kontrolle einer solchen Organisation existiert. Drittens ist es besonders irreführend die jetzige Lage in Rußland mit der Lage Deutschlands unter dem Ausnahmegesetz zu vergleichen.

dauerte dieser Kampf. Als Kampfmittel dienten Boykot und Desorganisierung der Partei. 12 Komitees (aus den 14, die sich darüber geäußert haben) verurteilten scharf diese Kampfmittel. Die Minorität weigerte sich sogar, unsern (von mir und Plechanoff ausgehenden) Vorschlag anzunehmen und ihren Standpunkt auf den Seiten der «Iskra» zu besprechen. Auf dem Kongreß der ausländischen Liga kam es so weit, daß die Mitglieder der Zentralorgane mit persönlichen Beleidigungen, Hetzerei und Geschimpf (Selbstherrscher, Bürokraten, Gendarmen, Lügner etc. etc.) überhäuft wurden. Sie wurden beschuldigt, daß sie die individuelle Initiative unterdrücken, Kadavergehorsam, blinde Unterordnung etc. einführen wollen. Die Versuche Plechanoffs, solch eine Kampfweise der Minorität als eine anarchistische zu kennzeichnen, konnten nicht ihr Ziel erreichen. Nach diesem Kongreß trat Plechanoff mit seinem epochemachenden, gegen mich geschriebenen Artikel «Was man nicht tun darf» (in № 52 der «Iskra»). In diesem Artikel sagte er, daß der Kampf mit dem Revisionismus nicht notwendig einen Kampf gegen die Revisionisten bedeute; es war für jeden klar, daß er dabei an unsere Minorität dachte. Er sagte weiter, daß der individualistische Anarchismus, der so tief in dem russischen Revolutionär steckt, bisweilen nicht bekämpft werden soll; einige Zugeständnisse seien bisweilen ein besseres Mittel zu seiner Unterwerfung und zur Vermeidung einer Spaltung. Ich trat aus der Redaktion aus, da ich diese Ansicht nicht teilen konnte, und die Redakteure aus der Minorität wurden kooptiert. Darauf folgte der Kampf um die Kooptation in das Zentralkomitee. Mein Vorschlag, Frieden zu schliessen mit der Bedingung, daß die Minorität das Zentralorgan, die Majorität das Zentralkomitee behält, wurde abgewiesen. Der Kampf wurde weiter geführt, man kämpfte «prinzipiell» gegen den Bürokratismus, Ultrazentralismus, Formalismus, Jakobinismus, Schweizerjanismus (ich nämlich wurde russischer Schweizer genannt) und andere Schreckgespenster. Ich lachte alle diese Beschuldigungen in meinem Buch aus und bemerkte, daß es entweder bloß ein einfaches Kooptationsgezänk sei, oder (wenn es bedingt als «Prinzipien» anerkannt werden darf) nichts anders als opportunistische, girondistische Phrasen sei. Die heutige Minorität wiederholt nur das, was Gen. Akimoff und andere anerkannte Opportunisten auf unserem Parteitag gegen den Zentralismus aller Anhänger der alten «Iskra» sagten.

Die russischen Komitees waren gegen diese Verwandlung des Zentralorgans in ein Organ eines Privatzirkels, Organ des Kooptationsgezänks und des Parteiklatschs empört. Mehrere Resolutionen der strengsten Verurteilung wurden angenommen. Nur die schon erwähnte s. g. «Arbeiterorganisation von Petersburg» und das Komitee von Woronjesch (beide Anhänger der Richtung des Gen. Akimoff) sprachen *ihre, prinzipielle* Zufriedenheit mit der Richtung der neuen «Iskra» aus. Die Stimmen, welche die Einberufung des dritten Parteitags forderten, wurden immer zahlreicher.

Der Leser, der sich die Mühe nehmen wird, die Urquellen unseres Parteikampfs kennen zu lernen, wird leicht begreifen, daß die Äußerungen der Gen. Rosa Luxemburg über den Ultrazentralismus, über die Notwendigkeit einer stufenweisen Zentralisation u. a. m. konkret und praktisch ein Spott über unsern Parteitag sind, abstrakt und theoretisch (wenn es hier von einer Theorie die Rede sein kann) nichts, als eine Verflachung des Marxismus, als Mißbrauch der wirklich Marx'schen Dialektik etc. sind. Die letzte Phase unseres Parteikampfs wird dadurch gekennzeichnet, daß die Mitglieder der Majorität teilweise aus dem Zentralkomitee ausgeschlossen sind, teilweise kaltgemacht, zum Nul degradiert. (Das geschah dank den Veränderungen des Bestandes des Zentralkomitees etc). Der Parteirat (der nach der Kooptation der alten Redakteure auch in die Hände der Minorität kam) und das jetzige Zentralkomitee verurteilen jede Agitation für die Einberufung des III. Parteitags und treten auf den Weg der persönlichen Abmachungen und Verhandlungen mit einigen Mitgliedern der Minorität. Die Organisationen, die wie z. B. das Kollegium der Agenten (Vertrauensleute) des Zentralkomitees sich ein solches Verbrechen erlauben, für die Einberufung des Parteitags zu agitieren, wurden ausgelöst. Der Kampf des Parteirats und des neuen Zentralkomitees gegen die Einberufung des dritten Parteitags wurde auf

der ganzen Linie proklamiert. Die Majorität antwortete auf diese Proklamierung mit der Losung: «Nieder mit dem Bonapartismus!» (so lautet der Titel einer Broschüre des Gen. Galerka, der im Namen der Majorität spricht). Es mehren sich die Resolutionen, welche die Parteibehörden, die gegen die Einberufung des Parteitags zu kämpfen sich erlauben, als parteiwidrig und bonapartistisch erklären. Wie heuchlerisch das Gerede der Minorität gegen den Ultrazentralismus, für die Autonomie war, kann leicht daraus ersehen werden, daß ein neuer Verlag der Majorität, den ich mit einem Genossen angefangen habe (wo die erwähnte Broschüre des Gen. Galerka und einige andere veröffentlicht sind), als außer der Partei stehender erklärt wurde. Der neue Verlag gibt der Majorität, da die Seiten der «Iskra» für sie so gut wie geschlossen sind, die einzige Möglichkeit, ihre Ansichten zu propagieren.

Und doch oder, besser gesagt, eben darum faßte der Parteirat den ebenerwähnten Beschluß aus dem rein formellen Grunde, daß unser Verlag von keiner Parteiorganisation autorisiert worden ist.

Es braucht nicht erwähnt zu werden, wie stark die positive Arbeit vernachlässigt, wie stark die Prestige der Sozialdemokratie gefallen sind, wie stark die ganze Partei durch dieses Niederwerfen aller Beschlüsse, aller Wahlen des II. Parteitags, durch diesen Kampf, den die Parteibehörden, die der Partei Rechenschaft schuldig sind, gegen die Einberufung des III. Parteitags führen, demoralisiert ist.

Написано в сентябре, позднее 2 (15), 1904 г.

Впервые напечатано в 1930 г. в Ленинском сборнике XV

Печатается по рукописи, переписанной неизвестной рукой и просмотренной В. И. Лениным

Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н. Ленина Розе Люксембург^[17]

Статья тов. Розы Люксембург в 42 и 43 номерах «Die Neue Zeit»^[18] является критическим разбором моей русской книги о кризисе в нашей партии¹³. Я не могу не выразить благодарности германским товарищам за их внимание к нашей партийной литературе, за их попытки ознакомить с этой литературой германскую социал-демократию, но я должен указать на то, что статья Розы Люксембург в «Neue Zeit» знакомит читателей не с моей книгой, а с чем-то иным. Это видно из следующих примеров. Тов. Люксембург говорит, например, что в моей книге отчетливо и ярко выразилась тенденция «не считающегося ни с чем централизма». Тов. Люксембург полагает, таким образом, что я отстаиваю одну организационную систему против какой-то другой. Но на самом деле это не так. На протяжении всей книги, от первой до последней страницы, я защищаю элементарные положения любой системы любой мыслимой партийной организации. В моей книге разбирается не вопрос о различии между той или иной организационной системой, а вопрос о том, каким образом любую систему следует поддерживать, критиковать и исправлять, не противореча принципам партии. Роза Люксембург говорит дальше, что «согласно его (Ленина) пониманию ЦК предоставлены полномочия организовывать все местные комитеты партии». На самом деле это неверно. Мое мнение по данному вопросу может быть документально доказано внесенным мною проектом устава партийной организации. В этом проекте нет ни слова о праве организовывать местные комитеты. Комиссия, избранная на партийном съезде для выработки устава партии, включила в него это право, и партийный съезд утвердил проект комиссии. В эту комиссию, кроме меня и еще одного сторонника большинства, были избраны три представителя меньшинства партийного съезда, следовательно, в этой комиссии, предоставившей ЦК право организовывать местные комитеты, как раз три моих противника одержали верх. Тов. Роза Люксембург смешала два различных факта. Во-первых, она смешала мой организационный проект с видоизмененным проектом комиссии, с одной стороны, и, с другой стороны, с организационным уставом, принятым партийным съездом; во-вторых, смешала защиту определенного требования определенного параграфа устава (отнюдь неверно, что в этой защите я ни с чем не считался, так как на пленуме я не возражал против поправки, внесенной комиссией) с защитой (не правда ли, подлинно «ультрацентралистского»?) тезиса, что устав, принятый партийным съездом, должен проводиться в жизнь до тех пор, пока он не будет изменен следующим съездом. Этот тезис («чисто бланкистский», как это легко может заметить читатель) я, действительно, «ни с чем не считаясь» защищал в своей книге. Тов. Люксембург говорит, что по моему мнению «ЦК является единственным активным ядром партии». На самом деле это неправда. Я никогда не защищал этого мнения. Напротив, мои оппоненты (меньшинство II съезда партии) обвиняли меня в своих писаниях, что я недостаточно отстаиваю независимость, самостоятельность ЦК и слишком подчиняю его находящейся за границей редакции ЦО и Совету партии. На это обвинение я отвечал в своей книге, что, когда партийное большинство имело верх в Совете партии, оно никогда не делало попыток ограничить самостоятельность ЦК; но это произошло тотчас же, как только Совет партии стал орудием борьбы в руках меньшинства. Тов. Роза Люксембург говорит, что в российской социал-демократии не существует никаких сомнений в необходимости единой партии и что весь спор сосредоточивается вокруг вопроса большей или меньшей централизации. На самом деле это неверно. Если бы т. Люксембург взяла на себя труд ознакомиться с резо-

¹³ См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 185–414. *Ред.*

люциями многочисленных местных комитетов партии, которые образуют большинство, то она легко поняла бы (это особенно ясно видно из моей книги), что спор у нас велся, главным образом, о том, должны ли ЦК и ЦО представлять собой направление большинства партийного съезда, или не должны. Об этом «ультрацентралистском» и «чисто бланкистском»^[19] требовании уважаемый товарищ не говорит ни единого слова, она предпочитает декламировать против механического подчинения части целому, против рабской покорности, против слепого повиновения и т. п. ужасов. Я очень благодарен тов. Люксембург за разъяснение глубокомысленной идеи о том, что рабская покорность губительна для партии, но мне хотелось бы знать, считает ли товарищ нормальным, может ли она допустить, видела ли она в какой-нибудь партии, чтобы в центральных органах, именующих себя партийными органами, преобладало меньшинство партийного съезда? Тов. Роза Люксембург приписывает мне мысль, что в России уже существуют все предпосылки для организации большой и крайне централизованной рабочей партии. Снова фактическая неверность. Нигде в своей книге я не только не защищал этой мысли, но даже и не высказывал ее. Тезис, выставленный мной, выражал и выражает нечто иное. А именно, я подчеркивал, что налицо уже все предпосылки к тому, чтобы решения партийного съезда признавались, и что уже давно прошло то время, когда можно было подменять партийную коллегию частным кружком. Я приводил доказательства того, что некоторые академики в нашей партии обнаруживали свою непоследовательность и неустойчивость и что они не имеют никакого права сваливать свою дисциплинированность на русского пролетария. Русские рабочие уже неоднократно при различных обстоятельствах высказывались за соблюдение постановлений съезда партии. Прямо смешно, когда тов. Люксембург объявляет подобное мнение «оптимистичным» (не надо ли его считать скорее «пессимистичным») и при этом ни единого слова не говорит о фактической основе моего положения. Тов. Люксембург говорит, что я восхваляю воспитательное значение фабрики. Это неправда. Не я, а мой противник утверждал, что я представляю себе партию в виде фабрики. Я как следует высмеял его и на основании его слов доказал, что он смешивает две различные стороны фабричной дисциплины, что, к сожалению, случилось и с тов. Р. Люксембург¹⁴.

Тов. Люксембург говорит, что я своим определением революционного социал-демократа, как якобинца, связанного с организацией классово сознательных рабочих, пожалуй, дал более остроумную характеристику своей точки зрения, чем это мог бы сделать кто-нибудь из моих противников. Опять фактическая неправильность. Не я, а П. Аксельрод первый говорил о якобинстве. Аксельрод первый сравнивал наши партийные группировки с группировками из времен великой французской революции. Я заметил только, что это сравнение допустимо лишь в том смысле, что разделение современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую соответствует до некоторой степени разделению на монтаньяров и жирондистов^[20]. Подобное сравнение часто делала признанная партийным съездом старая «Искра»^[21]. Признавая как раз такое деление, старая «Искра» боролась с оппортунистическим крылом нашей партии, с направлением «Рабочего Дела». Роза Люксембург смешивает здесь *соотношение* между двумя революционными направлениями XVIII и XIX столетия с отождествлением самих этих направлений. Например, если я говорю, что Малый Шайдег в сравнении с Юнгфрау все равно, что двухэтажный дом в сравнении с четырехэтажным, это еще не значит, что я отождествляю четырехэтажный дом с Юнгфрау. Из поля зрения т. Люксембург выпал целиком фактический анализ различных направлений нашей партии. А как раз большую половину моей книги я посвящаю этому анализу, который основывается на протоколах нашего партийного съезда, и во введении я обращаю на это особое внимание. Роза Люксембург хочет говорить о теперешнем положении нашей партии

¹⁴ См. русскую брошюру: «Наши недоразумения», статью «Роза Люксембург против Карла Маркса».

и совершенно игнорирует при этом ваш партийный съезд, который, собственно, и заложил подлинный фундамент нашей партии. Следует признать это рискованным предприятием! Тем более рискованным, что, как я сотни раз уже указывал в своей книге, мои противники игнорируют наш партийный съезд, и именно поэтому все их утверждения лишены всякой фактической основы. Как раз такую же коренную ошибку совершает и тов. Роза Люксембург. Она повторяет лишь голые фразы, не давая, себе труда уяснить их конкретный смысл. Она запугивает различными ужасами, не изучив действительной основы спора. Она приписывает мне общие места, общеизвестные принципы и соображения, абсолютные истины и старается умалчивать об истинах относительных, которые основываются на строго определенных фактах и которыми я только и оперирую. И она еще жалуется на шаблон и вызывает при этом к диалектике Маркса. А как раз статья уважаемого товарища содержит исключительно выдуманные шаблоны, и как раз ее статья противоречит азбуке диалектики. Эта азбука утверждает, что никакой отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Тов. Роза Люксембург величественно игнорирует конкретные факты нашей партийной борьбы и великодушно занимается декламацией о вопросах, которые невозможно серьезно обсуждать. Я приведу последний пример из второй статьи тов. Люксембург. Она цитирует мои слова, что та или иная редакция организационного устава может служить более или менее острым оружием борьбы против оппортунизма¹⁵. О каких формулировках говорил я в своей книге и говорили все мы на партийном съезде, об этом Роза Люксембург не говорит ни слова. Что за полемику вел я на партийном съезде, против кого выдвигал я мои положения, этого товарищ совершенно не касается. Вместо этого она благоволит прочесть мне целую лекцию об оппортунизме... в странах парламентаризма!! Но обо всех особенных, специфических разновидностях оппортунизма, о тех оттенках, которые он принял у нас в России и о которых идет речь в моей книге, – об этом в ее статье мы не находим ни слова. Вывод из всех этих, в высшей степени остроумных, рассуждений следующий: «Устав партии не должен быть сам по себе (?? пойми, кто может) каким-то оружием для отпора оппортунизму, а только могущественным внешним средством для проведения руководящего влияния фактически существующего революционно-пролетарского большинства партии». Совершенно правильно. Но как образовалось фактически существующее большинство нашей партии, об этом Роза Люксембург умалчивает, а именно об этом я и говорю в своей книге. Она умалчивает также о том, какое влияние отстаивали я и Плеханов с помощью этого могущественного внешнего средства. Я могу лишь прибавить, что я никогда и нигде не говорил подобной бессмыслицы – что устав партии является оружием «сам по себе».

Самым правильным ответом на такой способ истолкования моих взглядов было бы изложение конкретных фактов нашей партийной борьбы. Тогда каждому станет ясно, как сильно противоречат конкретные факты общим местам и шаблонным абстракциям т. Люксембург.

Наша партия была создана весной 1898 г. в России на съезде представителей нескольких русских организаций^[22]. Партия была названа Российской социал-демократической рабочей партией. Центральным Органом была сделана «Рабочая Газета»^[23]; «Союз русских социал-демократов за границей»^[24] стал заграничным представительством партии. Вскоре после съезда ЦК партии был арестован. «Рабочая Газета» после второго номера перестала выходить. Вся партия превратилась в бесформенный конгломерат местных партийных организаций (называвшихся комитетами). Единственная связь, объединявшая эти местные комитеты, была идейная, чисто духовная связь. Неизбежно должен был наступить период расхождений, шатаний, расколов. Интеллигенты, составлявшие гораздо больший процент в нашей партии по сравнению с западноевропейскими партиями, увлеклись марк-

¹⁵ См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 259. *Пед.*

сизмом, как новой модой. Это увлечение очень быстро уступило место, с одной стороны, рабскому преклонению перед буржуазной критикой Маркса, с другой стороны, чисто профессиональному рабочему движению (стачкизм – «экономизм»). Расхождение интеллигентски-оппортунистического и пролетарски-революционного направлений привело к расколу заграничного «Союза». Газета «Рабочая Мысль» и заграничный журнал «Рабочее Дело»^[25] (последний несколько слабее) являлись выразителями «экономизма», снижали значение политической борьбы, отрицали элементы буржуазной демократии в России. «Легальные» критики Маркса, гг. Струве, Туган-Барановский, Булгаков, Бердяев и др., пошли решительно вправо. Нигде в Европе не найдем мы, чтобы бернштейнианство^[26] так быстро пришло к своему логическому концу, к образованию либеральной фракции, как это было у нас в России. У нас г. Струве начал «критикой» во имя бернштейнианства, а кончил организацией либерального журнала «Освобождение»^[27], либерального в европейском смысле этого слова. Плеханов и его друзья, вышедшие из заграничного «Союза», нашли поддержку со стороны основателей «Искры» и «Зари»^[28]. Эти два журнала (о чем слышала кое-что даже т. Роза Люксембург) вели «трехлетнюю блестящую кампанию» против оппортунистического крыла партии, кампанию социал-демократической «Горы» против социал-демократической «Жиронды» (это выражение старой «Искры»), кампанию против «Рабочего Дела» (т. Кричевского, Акимова, Мартынова и др.), против еврейского Бунда^[29], против русских организации, воодушевившихся этим направлением (в первую очередь против петербургской так называемой «Рабочей организации»^[30] и Воронежского комитета^[31]).

Становилось все более и более очевидным, что недостаточно одной чисто идейной связи между комитетами. Все ощутимее выявлялась потребность образования действительно сплоченной партии, т. е. выполнения того, что лишь намечалось в 1898 году. Наконец, в конце 1902 г. образовался Организационный комитет, поставивший себе задачей созыв II съезда партии^[32]. В этот ОК, образованный главным образом русской организацией «Искры», вошел также представитель еврейского Бунда. Осенью 1903 г. состоялся, наконец, II съезд, завершившийся, с одной стороны, формальным объединением партии, с другой стороны, расколом ее на «большинство» и «меньшинство». Этого разделения до партийного съезда не существовало. Лишь подробный анализ борьбы, происходившей на партийном съезде, может объяснить это деление. К сожалению, сторонники меньшинства (включая и т. Люксембург) опасливо уклоняются от этого анализа.

В моей книге, которая так своеобразно преподнесена т. Люксембург немецким читателям, я посвящаю больше 100 страниц подробному рассмотрению протоколов съезда (составляющих том около 400 страниц). Этот анализ заставил меня разделить делегатов, или лучше сказать голоса (у нас были делегаты, имеющие один или два голоса), на четыре основные группы: 1) искровцы большинства (сторонники направления старой «Искры») – 24 голоса, 2) искровцы меньшинства – 9 голосов, 3) центр (в насмешку называемый также «болотом») – 10 голосов и, наконец, 4) антиискровцы – 8 голосов, всего 51 голос. Я анализирую участие этих групп во *всех* тех голосованиях, какие имели место на партийном съезде, и доказываю, что во всех вопросах (программы, тактики и организации) партийный съезд являлся ареной борьбы искровцев против антиискровцев при различных колебаниях «болота». Всякому, кто хоть немного знаком с историей нашей партии, должно быть ясно, что иначе не могло и быть. Но все сторонники меньшинства (включая и Р. Люксембург) скромно закрывают глаза на эту борьбу. Почему? Как раз эта борьба делает очевидной всю ложность теперешнего политического положения меньшинства. Во все время этой борьбы на партийном съезде по десяткам вопросов, в десятках голосований искровцы боролись против антиискровцев и «болота», которое тем решительней становилось на сторону антиискровцев, чем конкретнее был обсуждаемый вопрос, чем он положительней определял основной смысл социал-демократической работы, чем реальнее стремился провести в жизнь незыблемые

планы старой «Искры». Антиискровцы (особенно т. Акимов и всегда согласный с ним депутат петербургской «Рабочей организации» т. Брукэр, почти всегда т. Мартынов и 5 делегатов еврейского Бунда) были против признания направления старой «Искры». Они защищали старые частные организации, голосовали против их подчинения партии, против их слияния с партией (инцидент с ОК^[33], роспуск группы «Южного рабочего», важнейшей группы «болота», и т. д.). Они боролись против организационного устава, составленного в духе централизма (14 заседание съезда), и обвиняли тогда *всех* искровцев в том, что они хотят ввести «организованное недоверие», «исключительный закон» и прочие ужасы. *Все* искровцы, без исключения, смеялись тогда над этим; замечательно, что т. Роза Люксембург принимает теперь все эти выдумки за нечто серьезное. В подавляющем большинстве вопросов победили искровцы; они преобладали на съезде, что ясно видно из упомянутых цифровых данных. Но во время второй половины заседаний съезда, когда разрешались менее принципиальные вопросы, победили антиискровцы, – некоторые искровцы голосовали с ними. Так случилось, например, по вопросу о равноправии всех языков в нашей программе; по этому вопросу антиискровцам почти удалось разбить программную комиссию и провести свою формулировку. Так случилось также и по вопросу первого параграфа устава, когда антиискровцы вместе с «болотом» провели формулировку Мартова. Согласно этой редакции членами партии считаются не только члены партийной организации (такую редакцию защищали я и Плеханов), но также и все лица, работающие под контролем партийной организации^{16{136}}.

То же случилось по вопросу о выборах ЦК и редакции Центрального Органа. 24 искровца образовали сплоченное большинство; они провели давно задуманный план обновления редакции: из шести старых редакторов были избраны трое; в меньшинство вошло 9 искровцев, 10 членов центра и 1 антиискровец (остальные – 7 антиискровцев, представители еврейского Бунда и «Рабочего Дела» – покинули съезд еще раньше). Это меньшинство осталось так недоволено выборами, что оно решило воздержаться от участия в остальных выборах. Тов. Каутский был совершенно прав, когда увидел в факте обновления редакции главную причину последующей борьбы. Но его взгляд, что я (sic!) «исключил» трех товарищей из редакции, объясняется только его полным незнанием с нашим съездом. Во-первых, неизбрание, ведь, совсем не то, что исключение, и я, конечно, не имел на съезде права кого-либо исключать, а во-вторых, т. Каутский, кажется, и не подозревает, что факт коалиции антиискровцев, центра и небольшой части приверженцев «Искры» также имел политическое значение и не мог остаться без влияния на результат выборов. Кто не хочет закрывать глаза на то, что произошло на нашем съезде, тот должен понять, что наше новое

¹⁶ Тов. Каутский высказался за редакцию Мартова, он стал при этом на точку зрения целесообразности. Во-первых, этот пункт обсуждался на нашем партийном съезде не с точки зрения целесообразности, а с принципиальной точки зрения. В таком виде вопрос был поставлен Аксельродом. Во-вторых, т. Каутский ошибается, если он думает, что при русском полицейском режиме существует такое большое различие между принадлежностью к партийной организации и просто работой под контролем подобной организации. В-третьих, особенно ошибочно сравнивать теперешнее положение в России с положением в Германии под действием исключительного закона о социалистах^{136}.

^{136} *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература; социал-демократы подвергались преследованиям, высылке. Однако репрессии не сломили социал-демократическую партию, деятельность которой была перестроена применительно к условиям нелегального существования: за границей издавался Центральный Орган партии газета «Социал-Демократ» и регулярно (в 1880, 1883 и 1887 годах) собирались партийные съезды; в Германии, в подполье, быстро возрождались социал-демократические организации и группы, во главе которых стоял нелегальный ЦК. Одновременно партия широко использовала легальные возможности для укрепления связи с массами, – ее влияние непрерывно росло: число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в рейхстаг, увеличилось с 1878 по 1890 год более чем в три раза. Огромную помощь немецким социал-демократам оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1890 году под напором массового и все усиливавшегося рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен.

разделение на меньшинство и большинство является только вариантом старого разделения на пролетарски-революционное и интеллигентски-оппортунистическое крылья нашей партии. Это факт, который нельзя обойти никаким истолкованием, никакой насмешкой.

К сожалению, после съезда принципиальное значение этого раскола было засорено дразгами по вопросу о кооптации. А именно, меньшинство не захотело работать под контролем центральных учреждений, если три старых редактора не будут снова кооптированы. Два месяца продолжалась эта борьба. Средствами борьбы служили бойкот и дезорганизация партии. 12 комитетов (из 14, высказавшихся по этому поводу) резко осудили эти способы борьбы. Меньшинство отказалось даже принять наше (исходившее от меня и Плеханова) предложение и высказать свою точку зрения на страницах «Искры». На съезде Заграничной лиги дело дошло до того, что члены центральных органов были осыпаны личными оскорблениями и бранью (самодержцы, бюрократы, жандармы, лжецы и т. д.). Их обвиняли в том, что они подавляли личную инициативу и хотели ввести беспрекословное повиновение и слепое подчинение и т. д. Попытки Плеханова квалифицировать такой способ борьбы меньшинства, как анархистский, не могли достигнуть цели. После этого съезда Плеханов выступил со своей, составившей эпоху и направленной против меня, статьей «Чего не делать» (в № 52 «Искры»). В этой статье он говорил, что борьба с ревизионизмом не должна непременно означать борьбу против ревизионистов; для всех было ясно, что он при этом подразумевает наше меньшинство. Далее он говорил, что иногда не надо бороться с анархическим индивидуализмом, который так глубоко сидит в русском революционере; некоторые уступки являются иногда лучшим средством для того, чтобы подчинить его и избежать раскола. Я вышел из редакции, так как не мог разделять такого взгляда, и редакторы из меньшинства были кооптированы. Затем последовала борьба за кооптацию в Центральный Комитет. Мое предложение заключить мир с тем условием, что за меньшинством останется ЦО, а за большинством – ЦК, было отвергнуто. Борьба продолжалась, боролись «принципиально» против бюрократизма, ультрацентрализма, формализма, якобинства, швейцерианства (именно меня называли русским Швейцером) и прочих ужасов. Я высмеял все эти обвинения в своей книге и заметил, что это или простая кооптационная дразга или (если это должно условно признаваться «принципами») не что другое, как оппортунистические, жирондистские фразы. Нынешнее меньшинство повторяет только то, что т. Акимов и прочие признанные оппортунисты говорили на нашем съезде против централизма, защищавшегося всеми сторонниками старой «Искры».

Русские комитеты были возмущены превращением ЦО в орган частного кружка, орган кооптационных дразг и партийных сплетен. Было вынесено множество резолюций, выражающих самое резкое порицание. Только так называемая петербургская «Рабочая организация», упоминавшаяся уже нами, и Воронежский комитет (сторонники направления т. Акимова) высказали свое *принципиальное* удовлетворение по поводу направления новой «Искры». Голоса, требовавшие созыва III съезда, становились все более многочисленными.

Читатель, который даст себе труд изучить первоисточники нашей партийной борьбы, легко поймет, что высказывания т. Розы Люксембург об «ультрацентрализме», о необходимости постепенной централизации и т. д. конкретно и практически являются насмешкой над нашим съездом, абстрактно же и теоретически (если здесь можно говорить о теории) являются прямым опошлением марксизма, извращением настоящей диалектики Маркса и т. д.

Последний фазис нашей партийной борьбы ознаменовался тем, что члены большинства были частью исключены из ЦК частью обезврежены, сведены к нулю. (Это случилось, благодаря переменам в составе ЦК^[34] и т. д.) Совет партии (который после кооптации старых редакторов также попал в руки меньшинства) и теперешний ЦК осудили всякую агитацию за созыв III съезда и переходят на путь личных соглашений и переговоров с некоторыми членами меньшинства. Организации, вроде, например, коллегии агентов (уполномоченных) ЦК,

позволившие себе совершить такое преступление, как агитация за созыв съезда, были распущены^[35]. Борьба Совета партии и нового ЦК против созыва III съезда была объявлена по всей линии. Большинство ответило на это лозунгом: «Долой бонапартизм!» (так была озаглавлена брошюра т. Галерки, который выступает от имени большинства). Растет число резолюций, в которых партийные учреждения, ведущие борьбу против созыва съезда, объявляются антипартийными и бонапартистскими. Как лицемерны были все разговоры меньшинства против ультрацентрализма и за автономию, ясно видно из того, что новое издательство большинства, предпринятое мною и одним товарищем (где были напечатаны вышеупомянутая брошюра т. Галерки и некоторые другие), было объявлено стоящим вне партии. Новое издательство предоставляет большинству единственную возможность пропагандировать свои взгляды, так как страницы «Искры» для него почти закрыты. И несмотря на это или, вернее сказать, именно поэтому Совет партии вынес вышеупомянутое решение на том чисто формальном основании, что наше издательство не уполномочено ни одной партийной организацией.

Нечего и говорить о том, в каком забросе теперь положительная работа, как сильно упал престиж социал-демократии, как сильно деморализована вся партия, потому что были сведены на нет все решения, все выборы II съезда, а также вследствие той борьбы против созыва III съезда, которую ведут партийные учреждения, ответственные перед партией.

Впервые напечатано в 1930 г. в Ленинском сборнике XV

Перевод с немецкого

Извещение об образовании бюро комитетов большинства^[36]. Проект

Партийный кризис затягивается до бесконечности, и разрешение его становится все труднее. Сторонники большинства не раз уже излагали в печати свои взгляды на причины кризиса и средства выхода из него. Заявление 22-х¹⁷, поддержанное и рядом комитетов (Одесским, Екатеринославским, Николаевским, Рижским, Петербургским, Московским и Кавказским союзом), и декларацией 19-ти^[37], и заграничными представителями большинства, дало полное и точное изложение его программы. Для всякого, кто сколько-нибудь знаком с ходом кризиса и кто сколько-нибудь дорожит честью и достоинством партии, давно уже стало ясно, что не может быть иного выхода, кроме партийного съезда. Но теперь новая декларация части ЦК новые решения Совета партии обостряют партийное расхождение еще более. Перебежавшие на сторону меньшинства члены ЦК не остановились перед самыми грубыми нарушениями прав тех членов ЦК, которые остались на стороне большинства. Новый ЦК провозгласил примирение, не только не считаясь с большинством, а, напротив, совершенно игнорируя его и вступая в соглашение с одним только меньшинством, притом путем частных тайных сделок. Кто искренне хотел бы примирения, тот прежде всего созвал бы всех борющихся, спорящих и недовольных, а такой созыв и есть партийный съезд. Говорить же о мире и бояться съезда, примирять и в то же время пугать расколом вследствие вероятного поражения меньшинства и на III съезде – значит лицемерить, значит насильственно навязывать русским партийным работникам каприз заграничного кружка, значит освящать благовидным лозунгом мира полное предательство большинства. Во имя мира новый ЦК раскассировывает организации, имеющие дерзость желать съезда. Во имя мира новый ЦК объявляет непартийными издания большинства и отказывается доставлять их комитетам. Во имя мира новый ЦК вносит дразгу в решения Совета партии, осмеливающегося печатно заявлять об «обманах» со стороны таких товарищей, действия которых еще не расследованы и которым даже не потрудились предъявить направленного против них обвинения. Совет партии прямо поддельывает теперь общественное мнение партии и решение ее, поручая заведомо враждебному к идее съезда ЦК проверку резолюций комитетов, заподозривая эти резолюции, оттягивая опубликование их, неверно считая голоса, присваивая себе право съезда объявлять мандаты недействительными, внося дезорганизацию в положительную работу путем восстановления «периферии» против местных комитетов. А между тем общепартийная положительная работа тоже стоит благодаря поглощению сил ЦК и ЦО борьбой против съезда.

¹⁷ См. настоящий том, стр. 13–21. *Ред.*

Вопросы
2/12

Решение Совета Комитетов Решение и принцип
Зачем же это, товарищи!

Извещение об образовании
Бюро Комитетов Большинства.

Вопросы
Куда?

Большинство должно сплотиться в единую организацию, представляющую все группы не только в пределах России, но и за границей, в частности в Европе, Азии и Америке. Это будет организация, которая будет бороться за интересы рабочего класса и за интересы революции. Это будет организация, которая будет бороться за интересы рабочего класса и за интересы революции. Это будет организация, которая будет бороться за интересы рабочего класса и за интересы революции.

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Извещение об образовании Бюро Комитетов Большинства». – 1904 г. (Уменьшено)

Комитетам и организациям большинства ничего не остается, как сплотиться вместе для борьбы за съезд, для борьбы против так называемых центральных учреждений партии, которые на деле прямо издеваются над партией. Мы делаем почин такого сплочения, составляя Бюро Комитетов Большинства, по инициативе и с согласия комитетов Одесского, Екатеринославского, Николаевского, Рижского, Петербургского и Московского.

Наш лозунг – борьба партийности против кружковщины, борьба выдержанного революционного направления против зигзагов, путаницы и возврата к рабочедельству, борьба во имя пролетарской организации и дисциплины против дезорганизаторов.

Наши ближайшие задачи – идейное и организационное сплочение большинства в России и за границей, всесторонняя поддержка и развитие издательства большинства (начатого за границей тт. Бонч-Бруевичем и Лениным), борьба с бонапартизмом наших центральных учреждений, контроль за правильностью мер по созыву III съезда, содействие положительной работе комитетов, дезорганизуемой агентами редакции и нового ЦК.

Бюро Комитетов Большинства

Сноситься с Бюро можно через комитеты большинства в России и через издательство Бонч-Бруевича и Ленина за границей.

Написано ранее 20 октября (2 ноября) 1904 г.

Впервые напечатано в 1940 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 2

Печатается по рукописи

Услужливый либерал

*Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться,
Не дай бог со Струве связаться,
Услужливый Струве опаснее врага!*

В последнем номере (№ 57) «Освобождения» г-на Струве напечатаны следующие поучительные строки:

«Процесс расслоения внутри так называемой Российской социал-демократической рабочей партии перешел в новую фазу. Крайние централисты («ленинцы», «твердые», «большевики») начинают терять почву под ногами, а позиция их противников становится все крепче и крепче – по крайней мере в заграничных «колониях». «Меньшевики» (мартовцы) почти повсюду берут перевес, захватывают в свои руки все большее количество партийных органов, в то время как от «большевиков» откалываются группы и лица, которые хотя и не окончательно принимают «платформу» меньшинства, однако не желают также вести борьбу с последними и стремятся к водворению мира в до сих пор мятущейся партии. На сцене появляются «примиренцы», желающие положить конец неприличной свалке, в которой люди перестали понимать не только других, но и себя. Появление этих «примиренцев» вынуждает непримиримых централистов выступить с «издательством социал-демократической партийной литературы, посвященной защите принципиальной позиции большинства второго партийного съезда». (Заявления В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина.) Перед нами три продукта этого нового издательства: 1) *К партии*. Женева, 1904. Стр. 16. Цена 20 сант., 15 пф. 2) *Галерка*. Долой бонапартизм! Женева, 1904. Стр. 23. Цена 25 сант., 20 пф. 3) *Галерка и Рядовой*. Наши недоразумения. Женева, 1904. Цена 50 сант., 40 пф. Главное содержание этих трех брошюр заключается в критическом освещении некоторых действительно не совсем безупречных методов «меньшевистской» борьбы с «большинством» и в защите тезиса, что созывание третьего съезда для урегулирования партийных трений не только возможно, но и необходимо.

Стоя *формально*, с точки зрения партийной лояльности, на более солидной позиции, «большевики» уступают своим противникам *по существу*. По существу последние защищают *теперь* нечто более жизненное и дееспособное, чем «большевики». К сожалению только, защита эта ведется не совсем или, вернее, совсем некорректно, доходя часто до явного неприличия в выборе средств. Примером такой некорректной защиты могут служить бесчисленные статьи последнего времени в «Искре» и появившаяся на днях брошюра *Н. Троцкого*: Наши политические задачи. (Тактические и организационные вопросы.) Женева, 1904. Стр. 107. Цена 75 сайт. Отличаясь во многих местах пустозвонством, она, однако, совершенно справедливо берет под свою защиту некоторые идеи, с которыми интересующиеся социал-демократической литературой знакомы уже по писаниям гг. Акимова, Мартынова, Кричевского и других так

называемых «экономистов». Жаль только, что местами автор доводит взгляд последних до карикатуры».

Сколько тут злорадства по поводу бод нашей партии! Но либерал, по своей политической натуре, не может относиться к ослаблению и разложению социал-демократии без злорадства.

Сколько тут глубоко продуманной и прочувствованной симпатии к *существованию* акимовских взглядов меньшинства! Но, в самом деле, разве единственная надежда на жизненность, идейную жизненность русского либерализма не заключается в жизненности социал-демократического оппортунизма?

Не везет новой «Искре» с ее сторонниками.

Вспомните знаменитое, замечательное, составившее эпоху плехановское «Чего не делать». Как тонко задумана была эта политика хитрости и личных уступок, и как неловко попал впросак наш дипломат. Как верно схватил последовательный оппортунист, г. Струве, «знаменательный поворот» в новой «Искре». «Пропасть» между старой и новой «Искрой» признают теперь сами руководители последней.

Вспомните нарцисовское утверждение Плеханова в № 65 «Искры», что «Акимов никому не страшен, им не испугаешь теперь даже воробьев на огороде». Плеханов говорил эти слова (не особенно обнаруживающие мягкость и уступчивость к рабочедельцам), заявляя в то же время, будто на нашем партийном съезде «против ортодоксального марксизма говорил разве только какой-нибудь Акимов». И вот тотчас же после этих нарцисовских заявлений печатается *полностью* листок Воронежского комитета (солидарного, как всем известно, с гг. Акимовым и Брукэром), причем оказывается, что редакция новой «Искры» *скрыла* от публики (№ 61) всю принципиальную часть листка, все выражение сочувствия новой «Искре». Кто оказался похожим на воробья? Какое партийное учреждение сравнимо теперь с огородом?

Вспомните автора статьи «Пора!» в приложении к №№ 73–74 «Искры». Как откровенный и честный представитель взглядов, проводившихся на всем нашем съезде всеми делегатами «болота», этот товарищ прямо заявил свое несогласие с Плехановым, прямо выразил свое мнение, что «Акимов сыграл на съезде роль скорее призрака оппортунизма, чем его действительного представителя». И бедная редакция еще и еще раз должна была подвергнуть себя некоторой унтер-офицерской операции. Редакция снабдила утверждение автора статьи «Пора!» следующим примечанием:

«С этим мнением нельзя согласиться. На программных взглядах тов. Акимова лежит явная печать оппортунизма, что признает и критик «Освобождения» в одном из его последних номеров, отмечая, что тов. Акимов примыкает к «реалистическому», – читай: ревизионистскому, – направлению».

Не правда ли, мило? В программных взглядах т. Акимова (с которым вместе голосовали, в спорах о программе, почти всегда гг. Мартынов, Брукэр и бундовцы, очень часто и делегаты болота) есть оппортунизм. А в его тактических и организационных взглядах нет оппортунизма, – так что ли, господа? Не потому ли молчите вы об этих последних взглядах, что новая «Искра» с помпой выдвинула новые организационные разногласия и сказала именно то и только то, что говорили уже раньше против старой «Искры» Мартынов и Акимов? Не потому ли, что и новые тактические разногласия, выдвигаемые в новейшее время новейшей «Искрой», сводятся всецело к повторению того, что говорили давно против старой «Искры» Мартынов и Акимов? Как полезно было бы переиздать теперь № 10 «Рабочего Дела»!

И кого же приводит сама редакция новой «Искры» в качестве судьи и свидетеля против тов. Акимова? – г-на Струве. Судья хорош, это действительно специалист, знаток, чемпион и эксперт в вопросах оппортунизма. Тем более знаменателен отзыв этого, самой редакцией вызванного, свидетеля о содержании взглядов Троцкого. А ведь брошюра Троцкого вышла, не забывая этого, *под редакцией «Искры»* (№ 72, стр. 10, столб. 3). «Новые» взгляды Троцкого – редакционные взгляды, одобренные Плехановым, Аксельродом, Засулич, Старовером и Мартовым.

Пустозвонство и акимовщина (к сожалению, последняя в карикатурном виде) – таков вердикт сочувствующего новой «Искре» и ею же вызванного судьи.

Услужливый либерал на этот раз нечаянно сказал сущую правду.

Написано в октябре 1904 г.

Напечатано в ноябре 1904 г. в Женеве отдельным листком

Печатается по тексту листка

Земская кампания и план «Искры»^[38]

Только для членов партии

Написано между 30 октября и 8 ноября (12 и 21 ноября) 1904 г.

Напечатано в ноябре 1904 г. в Женеве отдельной брошюрой

Печатается по тексту брошюры

Обложка брошюры В. И. Ленина «Земская кампания и план «Искры»». – 1904 г.
(Уменьшено)

За подписью редакции «Искры» только что опубликовано («для членов партии») письмо к партийным организациям. Россия никогда еще не была так близка к конституции,

как теперь, – заявляет редакция и подробно излагает целый план «политической кампании», целый план воздействия на наших либеральных земцев, ходатайствующих о конституции.

Прежде чем разбирать этот, в высшей степени поучительный, план новой «Искры», припомним, как ставился вопрос об отношении к нашим либеральным земцам в русской социал-демократии с тех пор, как возникло массовое рабочее движение. Всем известно, что и по этому вопросу почти с самого начала возникновения массового рабочего движения шла борьба между «экономистами» и революционерами. Первые доходили до прямого отрицания буржуазной демократии в России, до игнорирования задач воздействия пролетариата на оппозиционные слои общества и к то же время, суживая размах политической борьбы пролетариата, они, сознательно или бессознательно, предоставляли политически руководящую роль либеральным элементам общества, отводя рабочим «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством». Сторонники революционной социал-демократии в старой «Искре» вели борьбу с этим направлением. Борьба эта распадается на два крупных периода: до появления либерального органа, «Освобождения», и после его появления. В первый период мы направляли главным образом свою атаку против узости экономистов, «наталкивали» их на незамечаемый ими факт существования буржуазной демократии в России, подчеркивали задачу всесторонней политической деятельности пролетариата, задачу воздействия его на все слои общества, задачу стать авангардом в войне за свободу, В настоящее время тем более уместно и необходимо вспомнить этот период и его основные черты, чем грубее извращают его сторонники новой «Искры» (см. «Наши политические задачи» Троцкого, изданные под редакцией «Искры»), чем больше спекулируют они на незнакомство теперешней молодежи с историей недавнего прошлого нашего движения.

Со времени появления «Освобождения» начался второй период борьбы старой «Искры». Когда либералы выступили с самостоятельным органом и с особой политической программой, задача воздействия пролетариата на «общество» естественно изменилась: рабочая демократия не могла уже ограничиться «встряхиванием» либеральной демократии, расшевеливанием ее оппозиционного духа, она должна была поставить во главу угла революционную критику той половинчатости, которая ясно обнаружилась в политической позиции либерализма. Наше воздействие на либеральные слои приняло форму постоянных указаний на непоследовательность и недостаточность политического протеста гг. либералов (достаточно сослаться на «Зарю», критиковавшую предисловие г. Струве к записке Витте¹⁸, и на многочисленные статьи «Искры»).

Ко времени II партийного съезда эта новая позиция социал-демократии по отношению к либерализму, выступившему открыто, настолько уже выяснилась и упрочилась, что ни у кого не возникало даже вопроса относительно того, существует ли буржуазная демократия в России и должно ли оппозиционное движение встречать поддержку (и какую поддержку) в пролетариате. Речь шла лишь о формулировке партийных взглядов на этот вопрос, и мне достаточно здесь указать на то, что взгляды старой «Искры» гораздо лучше были выражены в резолюции Плеханова, подчеркнувшей антиреволюционный и противопролетарский характер либерального «Освобождения», чем в сбивчивой резолюции Старовера^[39], которая, с одной стороны, гонится (и совершенно несвоевременно гонится) за «соглашением» с либералами, а с другой стороны, ставит фиктивные, заведомо неисполнимые для либералов условия таких соглашений.

¹⁸ См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 21–72. *Ред.*

I

Перейдем к плану новой «Искры». Редакция признает нашу обязанность использовать до дна весь материал по вопросу о нерешительности и половинчатости либеральной демократии, по вопросу о враждебной противоположности интересов либеральной буржуазии и пролетариата, использовать «соответственно принципиальным требованиям нашей программы». «Но, – продолжает редакция, – *по* в пределах борьбы с абсолютизмом, и именно в теперешнем фазисе, наше отношение к либеральной буржуазии *определяется задачей* придать ей побольше храбрости и побудить ее присоединиться к тем требованиям, с которыми *выступит* (?выступил?) руководимый социал-демократией пролетариат». Мы подчеркнули особенно странные словечки в этой странной тираде. В самом деле, как не назвать странным противоположение, с одной стороны, критики половинчатости и анализа враждебности интересов, а с другой стороны, задачи придать храбрости и побудить присоединиться? Каким образом в состоянии мы придать храбрости либеральной демократии иначе, как беспощадным разбором и уничтожающей критикой ее половинчатости в вопросах демократии? Поскольку буржуазная (= либеральная) демократия намерена выступать как демократия и вынуждена выступать как демократия, постольку она неизбежно стремится опереться на возможно более широкие круги народа. Это стремление неминуемо порождает следующее противоречие: чем шире эти круги народа, тем больше среди них представителей пролетарских и полупролетарских слоев, требующих полной демократизации политического и общественного строя, такой полной демократизации, которая грозит подорвать весьма важные опоры всякого буржуазного господства вообще (монархию, постоянное войско, бюрократию). Буржуазная демократия по природе своей не в состоянии удовлетворить этих требований, она по природе своей осуждена поэтому на нерешительность и половинчатость. Социал-демократы критикой этой половинчатости подталкивают постоянно либералов, отрывают все большее количество пролетариев и полупролетариев, а частью и мелких буржуа, от либеральной демократии на сторону рабочей демократии. Каким же образом можно говорить: мы должны критиковать половинчатость либеральной буржуазии, *н о* (но!) наше отношение к ней определяется задачей придать ей храбрости? Ведь это явная путаница, свидетельствующая либо о том, что авторы ее пятятся назад, т. е. возвращаются к тем временам, когда либералы вообще еще не выступали открыто, когда их надо было вообще пробуждать, расшевеливать, побуждать открыть рот; – либо о том, что авторы сбиваются на мысль, будто можно «придать храбрости» либералам посредством уменьшения храбрости пролетариев.

Как ни чудовишна эта мысль, по в следующем же пассаже редакционного письма мы видим ее еще более ясно выраженной: «Но, – оговаривается паки и паки редакция, – но мы впали бы в роковую ошибку, если бы поставили себе целью энергическими мерами *устрашения* теперь же *заставить* земства или другие органы буржуазной оппозиции дать, под влиянием *паники*, формальное обещание предъявить наши требования правительству. Такая тактика скомпрометировала бы социал-демократию, потому что превратила бы всю нашу политическую кампанию в рычаг для реакции» (курс. ред.).

Вот оно что! Не успел еще революционный пролетариат нанести ни одного серьезного удара царскому самодержавию в такой момент, когда оно особенно явно колеблется и когда серьезный удар особенно необходим, особенно полезен и может оказаться решительным ударом, а нашлись уже социал-демократы, бормочущие о рычаге для реакции. Это уже не только путаница, это – прямая пошлость. И редакция договорилась до этой пошлости, сочинив себе, специально для разговоров о рычаге для реакции, сугубо грозное пугало. Подумайте только: люди серьезно говорят, в письме к партийным организациям социал-демократической пар-

тии, о тактике устрашения земцев и понуждения их, под влиянием паники, дать формальные обещания! Не легко было бы, даже среди русских сановников, даже среди наших Угрюм-Бурчеевых^[40], найти такого государственного младенца, который бы поверил в такое пугало. У нас есть, среди революционеров, ярые террористы, есть отчаянные бомбисты, но даже самый нелепый из нелепых защитников бомбизма не предлагал, кажется, до сих пор устрашать... земцев и вызывать панику среди... оппозиции. Неужели не видит редакция, что, сочиняя эти смехотворные пугала, пуская в ход эти банальные фразы, она неизбежно порождает недоразумения и недоумения, засоряет сознание и сеет смуту в умах борющихся пролетариев? Ведь не в пустое пространство летят эти словечки о рычаге для реакции, о компрометирующей тактике устрашения, они падают на специфическую российско-полицейскую почву, как нельзя более приспособленную для произрастания плевелов. О рычаге для реакции нам действительно говорят теперь на каждом перекрестке, но говорят нововременцы^[41]. О компрометирующей тактике устрашения нам действительно прожужжали все уши, – не кто иной, как трусливые вожаки буржуазной оппозиции.

Возьмите профессора князя Е. Н. Трубецкого. Кажется, достаточно «просвещенный» и – для русского легального деятеля – достаточно «смелый» либерал. А как пошло рассуждает он в либеральном «Праве»^[42] (№ 39) о «внутренней опасности», именно опасности крайних партий! Вот вам живой образчик того, кто действительно близок к панике, вот вам наглядный пример того, что действительно оказывает на настоящих либералов устрашающее действие. Уж, конечно, бояться они не того плана, который приснился редакторам «Искры», плана вырвать у земцев формальные обещания в пользу революционеров (г. Трубецкой только расхохотался бы, если б ему сказали о таком плане), – они бояться революционно-социалистических целей «крайних» партий, они бояться уличных листов, этих первых ласточек революционной самостоятельности пролетариата, который не остановится, не сложит оружия, пока не свергнет господства буржуазии. Этот страх порождается не смехотворными пугалами, а действительным характером рабочего движения, этот страх неизгладим из сердца буржуазии (отдельные лица и отдельные группы, конечно, не в счет). И вот почему такой фальшью звучит рассуждение новой «Искры» о компрометирующей тактике устрашения земцев и представителей буржуазной оппозиции. Пугаясь уличных листов, пугаясь всего, что идет дальше цензовой конституции, гг. либералы всегда будут бояться лозунга «демократическая республика» и призыва к вооруженному всенародному восстанию. Но сознательный пролетариат отвергнет с негодованием самую мысль о том, чтобы мы могли отказаться от этого лозунга и от этого призыва, чтобы мы могли вообще руководиться в своей деятельности паникой и страхами буржуазии.

Возьмите «Новое Время». Какие нежные арии распевает оно на мотив о рычаге для реакции. «Молодежь и реакция, – читаем мы в «Заметках» № 10285 (18 октября). – ... Не вяжутся вместе эти слова, а между тем недостаточно обдуманное действие, порывистые увлечения и желание во что бы то ни стало принять немедленное участие в судьбах государства могут привести молодежь к этому безнадежному тупику. На днях демонстрация у Выборгской тюрьмы, затем попытка о чем-то манифестировать уже в центре столицы, в Москве прогулка с флагами и протестами против войны 200 студентов... Отсюда понятна реакция... студенческие волнения, демонстрации молодежи, да ведь это целый бенефис, это – козырь, неожиданный, громадный козырь в руках реакционеров. Вот уж подлинно для них дорогой подарок, который они сумеют использовать. Не следует делать этого подарка, не нужно ломать воображаемых (!!!) решеток: теперь и двери открыты (двери Выборгской и других тюрем, должно быть?), широко открыты!»

Эти рассуждения не требуют пояснений. Достаточно привести их, чтобы видеть, как бестактно заговаривать теперь о рычаге для реакции, *теперь*, когда ни одна из дверей все-русской тюрьмы не приоткрыта для борющихся рабочих, когда царское самодержавие

не сделало еще ни единой, хоть сколько-нибудь ощутимой для пролетариата, уступки, когда все внимание и все усилия должны быть направлены на подготовку настоящей и решительной схватки с врагом русского народа. Конечно, одна уже мысль о такой схватке внушает страх и панику гг. Трубецким и тысячам менее «просвещенных» гг. либералов. Но мы были бы глупцами, если бы соображались с их паникой. Мы должны соображаться с состоянием своих сил, с ростом народного возбуждения и возмущения, с моментом, когда прямой натиск пролетариата на самодержавие примкнет к одному из стихийных и стихийно растущих движений.

II

Выше, говоря о том пугале, которое приснилось нашей редакции, мы не отметили еще одной характерной черточки в ее рассуждении. Редакция обрушилась на компрометирующую тактику, которая бы клонилась к тому, чтобы вырвать у земцев «формальное обещание предъявить наши требования правительству». Помимо указанных раньше несообразностей, тут странна самая мысль о том, чтобы «наши» требования, требования рабочей демократии, предъявляла правительству либеральная демократия. С одной стороны, либеральная демократия именно в силу того, что она представляет из себя буржуазную демократию, никогда не способна усвоить себе, не способна отстаивать искренне, последовательно и решительно «наши» требования. Если бы даже либералы дали, «добровольно» дали, формальное обещание предъявить наши требования, то, разумеется, они не сдержали бы этого обещания, обманули бы пролетариат. С другой стороны, если бы мы были так сильны, чтобы влиять серьезно на буржуазную демократию вообще и гг. земцев в особенности, то такой силы нам было бы вполне достаточно, чтобы самостоятельно предъявить наши требования правительству.

Странная мысль редакции – не результат обмолвки, а неизбежное следствие той сбивчивой позиции, на которую она вообще встала по данному вопросу. Слушайте: «Центральным фокусом и руководящей нитью... должна служить практическая задача... внушительного организованного воздействия на буржуазную оппозицию»; в «проекте заявления от рабочих данному органу либеральной оппозиции» должно быть «объяснение, почему рабочие обращаются не к правительству, а к собранию представителей именно этой оппозиции». Такая постановка задачи в основе своей ошибочна. Мы, партия пролетариата, должны, конечно, «идти во все классы населения», открыто и энергично отстаивая перед всем народом нашу программу и наши ближайшие требования, мы должны стараться заявить эти требования и перед гг. земцами, но центральным фокусом и руководящей нитью должно быть для нас воздействие именно не на земцев, а на правительство. Редакция «Искры» поставила вопрос о центральном фокусе как раз вверх ногами. Буржуазная оппозиция потому и является только буржуазной и только оппозицией, что она не борется сама, не имеет своей безусловно отстаиваемой программы, что она стоит между двумя борющимися сторонами (правительством и революционным пролетариатом плюс его немногочисленные интеллигентные сторонники), что она учитывает в свою пользу результат борьбы. Поэтому, чем горячее становится борьба, чем ближе момент решительной битвы, тем больше должны мы обращать наше внимание и направлять наше воздействие на нашего действительного врага, а не на того союзника, который *заведомо* является союзником условным, проблематичным, ненадежным и половинчатым. Неразумно было бы игнорировать этого союзника, нелепо было бы ставить себе целью устрашать и пугать его, – все это до такой степени самоочевидно, что странно и толковать об этом. Но центральным фокусом и руководящей нитью нашей агитации должно быть, повторяю, не воздействие на этого союзника, а подготовка решительной битвы с врагом. Заигрывая с земством, делая ничтожные (и почти только словесные) уступки земству, правительство ведь ровно еще ничего не уступило фактически народу, правитель-

ство еще вполне и вполне может вернуться к реакции (вернее, продолжить реакцию), как бывало на Руси десятки и сотни раз после мимолетных либеральных веяний того или иного самодержца. Именно в такой момент заигрывания с земством, отвода глаз народу, убаюкивания его пустыми словечками надо особенно остерегаться лисьего хвоста, особенно настойчиво напоминать, что враг еще не сломан, особенно энергично звать к продолжению и удесятерению борьбы с врагом, а не переносить центр тяжести с «обращения» к правительству на обращение к земству. Именно в настоящий момент не кто иной, как заведомые пенкосниматели и предатели свободы лезут из кожи, чтобы обратить центр тяжести общественного и народного внимания на земство, вызвать доверие к земству, которое на самом деле доверия истинной демократии отнюдь не заслуживает. Возьмите «Новое Время»: в цитированной выше статье вы прочтете такое рассуждение: «Всякому ясно, что с возможностью смело и правдиво обсуждать все наши недостатки и недочеты, с возможностью каждому деятелю свободно проявлять свою деятельность, скоро и недочетам должен наступить конец, и Россия может вступить безбоязненно на тот путь прогресса и совершенствования, который ей так необходим. Даже организации, инструмента этого прогресса, не приходится выдумывать: он существует налицо в виде земства, которому только (! !) предстоит дать свободу роста; в последнем залог действительно самобытного, а не заимствованного совершенствования». Такие и подобные речи не только «скрывают стремления к ограниченной монархии и цензовой конституции» (как говорит в другом месте своего письма редакция)¹⁹; они прямо готовят почву к тому, чтобы все дело ограничилось улыбками по адресу земства без всякого даже и ограничения монархии!

Выдвиганье, в качестве центрального фокуса, воздействия на земство, а не воздействия на правительство, естественно приводит к той несчастной мысли, которая легла в основу староверовской резолюции, именно мысли искать сейчас же и немедленно базиса для каких-либо «соглашений» с либералами. «По отношению к нынешним же земствам, – говорит в своем письме редакция, – наша задача сводится (!!) к предъявлению им тех политических требований революционного пролетариата, которые они обязаны поддерживать, чтобы иметь хоть какое-нибудь право выступать от имени народа и рассчитывать на энергичную поддержку со стороны рабочих масс». Нечего сказать, хорошее определение задач рабочей партии! В такое время, когда перед нами совершенно ясно обрисовывается возможный и вероятный союз умеренных земцев с правительством для борьбы против революционного пролетариата (редакция сама признает возможность такого союза), мы будем «сводить» свою задачу не к удесятерению энергии борьбы против правительства, а к выработке казуистических условий соглашения с либералами об обоюдной поддержке. Если я предлагаю другому лицу требования, которые он должен обязать поддерживать, чтобы иметь право на мою поддержку, то я заключаю именно соглашение. И мы спрашиваем всех и каждого: куда улетучились те «условия» соглашений с либералами, которые сочинял Старовер в своей резолюции (подписанной также Аксельродом и Мартовым) и неисполнимость которых была уже предсказана в нашей литературе? Об этих условиях редакция не говорит в своем письме ни слова. Редакция провела резолюцию на съезде, чтобы бросить ее потом в корзину для ненужной бумаги. При первой же попытке практического приступа к делу сразу стало видно, что предъявление староверовских «условий» вызвало бы только гомерический хохот гг. либеральных земцев.

¹⁹ Напомним читателю, что в принятой съездом (вопреки моему и Плеханова мнению) резолюции Старовера поставлены 3 условия временных соглашений с либералами: 1) либералы «ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону социал-демократии»; 2) «они не выставят в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих его сознание»; 3) «своим лозунгом борьбы они сделают всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право».

Пойдем дальше. Можно ли вообще признать *принципиально* правильной постановку перед рабочей партией задачи предъявлять либеральной демократии (или земцам) такие политические требования, «которые она обязана поддерживать, чтобы иметь хоть какое-нибудь право выступать от имени народа»? Нет, такая постановка задачи принципиально неправильна и ведет только к затемнению классового самосознания пролетариата, к бесплоднейшей казуистике. Выступать от имени народа – это и значит выступать в качестве демократа. Всякий демократ (и в том числе буржуазный демократ) имеет право выступать от имени народа, но он имеет это право лишь постольку, поскольку он последовательно, решительно и до конца проводит демократизм. Следовательно, *всякий* буржуазный демократ «имеет хоть какое-нибудь право выступать от имени народа» (ибо всякий буржуазный демократ отстаивает, пока он демократ, то или иное демократическое требование), но в то же время *ни один* буржуазный демократ не имеет права по всей линии выступать от имени народа (ибо ни один буржуазный демократ в настоящее время не способен решительно и до конца доводить демократизм). Г-н Струве имеет право выступать от имени народа, поскольку «Освобождение» борется с самодержавием. Г-н Струве не имеет никакого права выступать от имени народа, поскольку «Освобождение» виляет и вертится, ограничивается цензовой конституцией, приравнивает земскую оппозицию к борьбе, уклоняется от последовательной и ясной демократической программы. Немецкие национал-либералы имели право выступать от имени народа, поскольку они боролись за свободу передвижения. Немецкие национал-либералы не имели никакого права выступать от имени народа, поскольку они поддерживали реакционную политику Бисмарка.

Таким образом, ставить рабочей партии задачу предъявлять г-н либеральным буржуа такие требования, при условии поддержки которых они имели бы хоть какое-нибудь право выступать от имени народа, значит сочинять вздорную и нелепую задачу. Никаких особых демократических требований помимо тех, которые изложены в нашей программе, сочинять нам незачем. Во имя этой программы мы обязаны поддерживать всякого (в том числе и буржуазного) демократа, поскольку он проводит демократизм; мы обязаны беспощадно разоблачать всякого демократа (в том числе и социалиста-революционера), поскольку он отступает от демократизма (хотя бы, напр., в вопросах насчет свободного выхода из общины и свободной продажи земли крестьянином). Пытаться же наперед определить, так сказать, меру допустимой подлости, пытаться заранее установить, какие отступления от демократизма позволительны для демократа, чтобы он имел хоть какое-нибудь право выступать в качестве демократа, – это задача настолько умная, что невольно является подозрение, не помогали ли нашей редакции сочинять ее тов. Мартынов или тов. Дан.

III

Изложив в своем письме руководящие политические соображения, редакция дает затем подробное изложение и своего великого плана.

Губернские земские собрания ходатайствуют о конституции. В городах N, X, Y комитетки плюс развитые рабочие составляют план политической кампании «по Аксельроду». Центральный фокус агитации сводится к воздействию на буржуазную оппозицию. Выбирается организационная группа. Организационная группа выбирает исполнительную комиссию. Исполнительная комиссия выбирает специального оратора. Стараются «привести массы в непосредственное соприкосновение с земскими собраниями, концентрировать манифестацию у того самого здания, в котором заседают земские гласные. Часть демонстрантов проникает в залу заседания с тем, чтобы в подходящий момент, через посредство специально уполномоченного на то оратора, попросить у собрания (? у председательствующего в собрании предводителя дворянства?) позволения прочитать ему заявление рабочих.

В случае отказа в этом оратор громко заявляет протест против нежелания собрания, говорящего от имени народа, услышать голос подлинных представителей этого самого народа».

Таков новый план новой «Искры». Мы сейчас увидим, как скромно оценивает его значение сама редакция, но предварительно приведем в высшей степени принципиальные пояснения редакции насчет функций исполнительной комиссии:

«...Исполнительная комиссия должна будет заранее принять меры к тому, чтобы появление нескольких тысяч рабочих перед зданием, где заседают земские гласные, и нескольких десятков или сотен в самом здании *не вызвало в земцах панического страха (!)*, под влиянием которого они способны были бы броситься (!) под позорную защиту полицейских и казаков, превратив таким образом мирную манифестацию в безобразную драку и варварское побоище, извратив весь ее смысл...» (Редакция, видимо, сама поверила в приснившееся ей пугало. У редакции выходит даже, по буквальному грамматическому смыслу фразы, так, будто земцы превращают манифестацию в побоище и извращают ее смысл. Мы очень невысокого мнения о либеральных земцах, но все же панический страх редакции насчет призыва полиции и казаков либералами в земском собрании кажется нам совершенно вздорным. Всякий, кто хоть раз был в земском собрании, прекрасно знает, что полицию позовет, в случае так называемого нарушения порядка, либо председательствующий предводитель дворянства, либо присутствующий неофициально в соседней комнате чин полиции. Или, может быть, члены исполнительной комиссии разъяснят по этому случаю околоточному надзирателю, что в «план» редакции новой «Искры» совершенно не входит превращение мирной манифестации в варварское побоище?)

«...Во избежание такого сюрприза исполнительная комиссия должна заранее предупредить либеральных гласных... (чтобы они дали «формальное обещание» не вызывать казаков?) о готовящейся манифестации и ее истинной цели... (т. е. предупредить, что наша истинная цель отнюдь не состоит в том, чтобы нас варварски били и этим извращали смысл аксельродовского плана)... Кроме того, она должна будет попытаться вступить в некоторое соглашение (слушайте!) с представителями левого крыла оппозиционной буржуазии и заручиться, если не их активной поддержкой, то, по крайней мере, сочувствием нашему политическому акту. Переговоры с ними она должна вести, разумеется, от имени партии, по поручению рабочих кружков и собраний, на которых не только обсуждается общий план политической кампании, но и дается отчет о ходе ее, – конечно, при строгом соблюдении требований конспирации».

Да, да, мы видим воочию, что великая идея Старовера о соглашении с либералами на базисе точно определенных условий растет и крепнет не по дням, а по часам. Правда, все эти определенные условия «временно» положены под сукно (мы ведь не формалисты!), но зато соглашение достигается практически, достигается немедленно, именно: *соглашение о непроизведении панического страха*.

Как ни вертите редакционное письмо, вы не найдете в нем никакого другого содержания пресловутого «соглашения» с либералами, кроме указанного нами: либо это соглашение об условиях, на которых либералы вправе выступать от имени народа (и тогда самая идея о таком соглашении компрометирует серьезнейшим образом выдвигающих ее социал-демократов), либо это соглашение о непроизведении панического страха, соглашение о сочувствии мирной манифестации, – и тогда это просто вздор, о котором трудно говорить серьезно. Нелепая идея о центральном значении воздействия на буржуазную оппозицию, а не на правительство, и не могла привести ни к чему, кроме абсурда. Если мы можем произвести внушительную и массовую демонстрацию рабочих в зале земского собрания, – мы, конечно, произведем ее (хотя при наличности сил для массовой демонстрации гораздо лучше было бы «концентрировать» эти силы «у здания» не земских, а полицейских, жандармских или цензорских собраний). Но руководиться при этом соображениями о паниче-

ском страхе земцев, вести переговоры об этом – верх неразумного, верх комичного. Панический страх среди изряднейшей доли, наверное среди большинства, российских земцев всегда и неизбежно вызовет самое *содержание* речи последовательного социал-демократа. Говорить заранее с земцами о нежелательности *такого* панического страха значит ставить себя в самое фальшивое и недостойное положение. Другого рода панический страх будет также неизбежно вызван варварским побоищем или мыслью о возможности такового. Вести переговоры насчет этого панического страха с земцами – весьма неумно, ибо ни вызывать побоища, ни сочувствовать ему ни один даже умереннейший либерал никогда не будет, но зависит это вовсе не от него. Тут не «переговоры» нужны, а фактическая подготовка силы, не воздействие на земцев, а именно воздействие на правительство и его агентов. Если нет силы, тогда лучше о великих планах не разглагольствовать, а если есть сила, тогда надо противопоставить именно силу казакам и полиции, постараться собрать такую толпу и в таком месте, чтобы она могла отбить, или хотя задержать, натиск казаков и полиции. И если мы способны оказать, на деле, а не на словах, «внушительное организованное воздействие на буржуазную оппозицию», то уж конечно не глупенькими «переговорами» о непроизведении панического страха, а только силой, силой массового отпора казакам и царской полиции, силой массового натиска, способного перейти в народное восстание.

Редакция новой «Искры» смотрит на вещи иначе. Она так довольна своим планом соглашения и переговоров, что не может налюбоваться на него, не может нахвалиться им.

...Активные демонстранты должны быть «проникнуты пониманием коренной разницы между обычной демонстрацией против полиции или правительства вообще и демонстрацией, имеющей своей непосредственной целью борьбу против абсолютизма, при помощи прямого воздействия революционного пролетариата на политическую тактику (вот как!) либеральных элементов в *настоящий* (курс, ред.) момент... Для устройства демонстраций обычного, так сказать, общедемократического (!) типа, не имеющих непосредственной целью конкретно противопоставить друг другу революционный пролетариат и либерально-оппозиционную буржуазию, как две самостоятельные политические силы, достаточно одной только наличности в народных массах сильного политического брожения». «... Партия наша обязана использовать это настроение масс хотя бы и для такой, если можно выразиться, низшего типа (слушайте! слушайте!) мобилизации этих масс против абсолютизма». «... Мы делаем первые (!) шаги на новом (!) пути политической деятельности, на пути организации такого планомерного вмешательства рабочих масс (NB) в общественную жизнь, которое имеет непосредственной целью противопоставить их буржуазной оппозиции, как самостоятельную силу, противоположную ей по своим классовым интересам и в то же время предлагающую ей условия (какие же?) для совместной энергичной борьбы с общим врагом».

Не всякому дано вместить всю глубину этих замечательных рассуждений. Ростовская демонстрация^[43], когда перед тысячами и тысячами рабочих разъясняются цели социализма и требования рабочей демократии, это – «низший тип мобилизации», это обычный, *общедемократический* тип, тут нет конкретного противопоставления революционного пролетариата и буржуазной оппозиции. А вот, когда специально уполномоченный оратор, которого назначила исполнительная комиссия, которую выбрала организационная группа, которая образована комитетчиками и активными рабочими, когда этот оратор, после предварительных переговоров с земцами, заявит громко протест в земском собрании о нежелании его выслушать, тогда это будет «конкретное» и «непосредственное» противопоставление двух самостоятельных сил, тогда это будет «прямое» воздействие на тактику либералов, тогда это будет «первый шаг на новом пути». Побойтесь бога, господи! ведь даже Мартынов в худшие времена «Рабочего Дела» вряд ли договаривался когда до подобных пошлостей!

Массовые рабочие собрания на улицах южных городов, десятки рабочих ораторов, прямые столкновения с действительной силой царского самодержавия, это – «низший тип мобилизации». Соглашение с земцами о мирном выступлении нашего оратора, обязывающего не вызывать у гг. либералов паники, это – «новый путь». Вот они, новые тактические задачи, новые тактические взгляды новой «Искры», о которых с такой помпой возвестили всему миру через редакционного Балалайкина^[44]. В одном отношении этот Балалайкин сказал, однако, нечаянно правду: между старой и новой «Искрой» действительно лежит пропасть. Старая «Искра» не имела других слов, кроме слов презрения и насмешки, по адресу тех людей, которые способны восхищаться, как «новым путем», бутафорски обставленным соглашением классов. *Этот* новый путь давно знаком нам по опыту тех французских и немецких «государственных мужей» социализма, которые тоже считают «низшим типом» старую революционную тактику и не могут нахвалиться «планомерным и непосредственным вмешательством в общественную жизнь» в виде соглашений о мирном и скромном выступлении рабочих ораторов, после переговоров с левым крылом оппозиционной буржуазии.

Перед паническим страхом либеральных земцев редакция с своей стороны испытывает такой панический страх, что усиленно рекомендует участникам сочиненного ею «нового» плана «особенную осторожность». «Как крайний случай в смысле внешней осторожности в обстановке самого этого акта, – читаем мы в письме, – мы представляем себе доставку заявления рабочих гласным почтой на дом и разбрасывание его в значительном числе экземпляров в зале земского собрания. Смущаться этим можно было бы, стоя на точке зрения буржуазного революционизма (sic!), для которого внешний эффект все, а процесс планомерного развития классового самосознания и самостоятельности пролетариата – ничто».

Смущаться рассылкой и разброской листов нашему брату не свойственно, но смущаться напыщенным и бессодержательным фразерством мы будем всегда. По поводу рассылки и разброски листов толковать, с серьезным видом, о процессе планомерного развития классового самосознания и самостоятельности пролетариата, – для этого надо быть героем самодовольной пошлости. Накричать на весь мир о новых тактических задачах и свести дело к рассылке и разброске листов, это – поистине бесподобно, это донельзя характерно для представителей интеллигентского оттенка в нашей партии, которые теперь истерически мечутся в погоне за новым тактическим словом, после фиаско с их новыми организационными словами. И они еще толкуют, со свойственной им скромностью, о тщете внешнего эффекта. Да неужели не видите вы, господа, что в лучшем случае, в случае полного успеха вашего якобы нового плана, именно только внешний эффект был бы достигнут выступлением рабочего перед гг. земцами, а о действительном «внушительном» воздействии такого выступления на «тактику либеральных элементов» можно говорить только для смеха? Не наоборот ли, не оказали ли действительно внушительного воздействия на тактику либеральных элементов те массовые демонстрации рабочих, которые вам кажутся демонстрациями «обычного, общедемократического, низшего типа»? И если суждено еще раз русскому пролетариату оказать воздействие на тактику либералов, то, поверьте, он окажет это воздействие массовым натиском на правительство, а не соглашением с земцами.

IV

Земская кампания, открытая с милостивого разрешения полиции^[45], нежные речи Святополка-Мирского и правительственных официозов, повышение тона в либеральной печати, оживление так называемого образованного общества – все это ставит перед рабочей партией самые серьезные задачи. Но задачи эти совершенно превратно формулируются в письме редакции «Искры». Именно в настоящий момент центральным фокусом политической дея-

тельности пролетариата должна быть организация внушительного воздействия на правительство, а не на либеральную оппозицию. Именно теперь всего менее уместны соглашения рабочих с земцами о мирном манифестировании, – соглашения, которые неизбежно превратились бы в чисто водевильные подстраиванья эффектов, – всего более необходимо сплочение передовых, революционных элементов пролетариата для подготовки решительной борьбы за свободу. Именно теперь, когда наше конституционное движение начинает ярко обнаруживать исконные грехи всякого буржуазного либерализма, а русского в особенности: непомерное развитие фразы, злоупотребление словом, которое расходится с делом, чисто филистерскую доверчивость к правительству и ко всякому герою лисьей политики, – именно теперь особенно бестактны фразы о нежелательности устрашения и паники гг. земцев, о рычаге для реакции и пр. и пр. Именно теперь важнее всего укрепить в революционном пролетариате твердое убеждение в том, что и настоящее «освободительное движение в обществе» неминуемо и неизбежно окажется таким же мыльным пузырем, как предыдущие, если не вмешается сила рабочих масс, способных и готовых на восстание.

Политическое возбуждение в самых различных слоях народа, составляющее необходимое условие возможности восстания и залог его успеха, залог поддержки почина пролетариата, все ширится, растет и обостряется. Было бы очень неразумно поэтому, если бы теперь опять кто-нибудь вздумал кричать о немедленном штурме, призывать строиться сейчас же в штурмовые колонны^[46] и т. п. Весь ход событий ручается за то, что царское правительство запутается в ближайшем будущем еще сильнее, озлобление против него станет еще более грозным. Правительство запутается неминуемо и в начатой им игре с земским конституционализмом. Как в том случае, если оно даст мизерные уступки, так и в том случае, если оно ровно никаких уступок не даст, недовольство и раздражение неизбежно сделаются еще более широкими. Правительство запутается неминуемо и в той позорной и преступной маньчжурской аванюре, которая несет с собой политический кризис и в случае решительного военного поражения и в случае затягивания безнадежной для России войны.

Дело рабочего класса – расширять и укреплять свою организацию, удешевлять агитацию в массах, пользуясь всяким шатанием правительства, пропагандируя идею восстания, разъясняя необходимость его на примере всех тех половинчатых и заранее осужденных на неуспех «шагов», о которых так много кричат теперь. Нечего и говорить, что рабочим следует откликаться на земские ходатайства, устраивая собрания, разбрасывая листки, организуя там, где есть достаточные силы, демонстрации для заявления всех социал-демократических требований, не считаясь с «паникой» гг. Трубецких, не соображаясь с воплями филистеров о рычаге для реакции. И если уже рискнуть говорить наперед и притом из-за границы о возможном и желательном высшем типе *массовых* демонстраций (ибо не массовые совсем уже лишены значения), если уже затронуть вопрос о концентрации сил демонстрантов у того или иного здания, то мы указали бы именно на те здания, где вершатся полицейские дела по преследованию рабочего движения, мы указали бы на здания полицейских, жандармских, цензурных управлений, на места заключения политических «преступников». Серьезная поддержка рабочими земских ходатайств должна состоять не в соглашении об условиях, на которых земцы могли бы говорить от имени народа, а в нанесении удара врагам народа. И вряд ли можно сомневаться в том, что мысль о такой демонстрации встретит сочувствие пролетариата. Рабочие слышат теперь со всех сторон напыщенные фразы и громкие обещания, видят действительное – хотя и ничтожное, но все же действительное – расширение свободы для «общества» (ослабление узды над земствами, возвращение опальных земцев, облегчение свирепства против либеральной печати), но рабочие не видят ровно ничего, расширяющего свободу *их* политической борьбы. Под давлением революционного натиска *пролетариата* правительство разрешило *либералам* поговорить о свободе! Бесправность и приниженность рабов капитала выступает теперь перед пролетариями еще более

ярко. У рабочих нет ни повсеместных организаций для сравнительно свободного (с русской точки зрения) обсуждения политических дел, у рабочих нет зал для собраний, у рабочих нет своих газет, рабочим не возвращают из тюрем и ссылок их товарищей. Рабочие видят теперь, что шкуру медведя, – которого они еще не убили, но которого они и только они, пролетарии, серьезно ранили, – что эту шкуру начинают делить гг. либеральные буржуа. Рабочие видят, что эти гг. либеральные буржуа при первом же приступе к дележу будущей шкуры начинают уже огрызаться и рычать против «крайних партий», против «внутренних врагов» – беспощадных врагов буржуазного господства и спокойствия. И рабочие поднимутся еще смелей, еще большими массами, чтобы добить медведя, чтобы силой отвоевать *себе* то, что, как милостыню, обещают дать гг. либеральным буржуа, – свободу сходок, свободу рабочей печати, полную политическую свободу для широкой и открытой борьбы за полную победу социализма.

* * *

Мы выпускаем настоящую брошюрку с надписью: «Только для членов партии» ввиду того, что с такою надписью выпущено «письмо» редакции «Искры». По существу дела, «конспирация» с таким планом, который подлежит сообщению в десятки городов, обсуждению в сотнях рабочих кружков, разъяснению в агитационных листках и воззваниях, просто смешна. Это один из образчиков той канцелярской тайны, которую уже отметил в практике редакции и Совета т. Галерка («На новый путь»). С одной только точки зрения можно было бы оправдать сокрытие редакционного письма от широкой публики вообще и от либералов в особенности: такое письмо слишком уже компрометирует нашу партию...

* * *

Ограничение круга читателей настоящей брошюры снимается ввиду того, что наша так называемая партийная редакция выпустила ответ на нее якобы для членов партии, а на деле сообщает его лишь собраниям меньшинства и не доставляет заведомым членам партии из большинства.

Если «Искра» решает не считать нас членами партии (боясь в то же время сказать это прямо), то нам остается лишь помириться с нашей горькой участью и сделать необходимые выводы из такого решения. 22 декабря 1904 г.

Рукопись В. И. Ленина «Тезисы реферата о внутрипартийном положении». – 1904 г. (Уменьшено)

Тезисы реферата о внутрипартийном положении

Тезисы моего реферата^[47]

2 décembre 1904

1. Еще на II съезде меньшинство искровцев проявило принципиальную неустойчивость (или впало в ошибку), оказавшись при выборах в коалиции со своими идейными противниками.
 2. И после съезда, даже в Лиге, меньшинство защищало преемственность старой «Искры», но на деле все дальше отходило от нее.
 3. Плеханов во время своего поворота (№ 52) ясно видел, что меньшинство составляет оппортунистическое крыло партии и борется, как анархические индивидуалисты.
- (Contra* Васильев и Ленин насчет кружковщины)**.

4. Защита, оправдание, возведение в принцип нашей организационной отсталости и организационного разрушения съезда есть уже оппортунизм. Никто не решится поддерживать теперь вообще тезисы о программе versus устав etc.
5. Обвинения большинства в игнорировании экономической борьбы, якобинстве, игнорировании рабочей самодеятельности есть не что иное, как лишенное всякого основания повторение нападок «Рабочего Дела» на «Искру».

* Против. *Ред.*

** См. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 114–116. *Ред.*

6. Боязнь III съезда и борьба против него довершает фальшивую позицию и меньшинства и примиренчества.
7. В плане земской кампании редакция «Искры» встала на особенно ложную и вредную, несомненно оппортунистическую тактическую дорогу, выдвинув вопрос о панике, воспевая соглашение с земцами о мирном манифестировании, как новый тип. План кампании связан с ошибочной резолюцией Старовера.

Впервые напечатано в 1931 г. в Ленинском сборнике XVI

Печатается по рукописи

Письмо к товарищам (к выходу органа партийного большинства)

Дорогие товарищи! Сегодня на собрании тесного круга заграничных большевиков^[48] окончательно решен вопрос, давно уж решенный в принципе, об основании периодического партийного органа, посвященного отстаиванию и развитию принципов большинства в борьбе со смутой организационной и тактической, внесенной в партию меньшинством, и обслуживанию положительной работы русских организаций, против которых ведется теперь едва ли не везде по всей России такая ожесточенная борьба со стороны агентов меньшинства, борьба, страшно дезорганизующая партию в столь важный исторический момент, борьба, целиком ведущаяся самыми беззастенчивыми средствами и приемами раскола при лицемерном оплакивании раскола в так называемом ЦО партии. Мы сделали все возможное, чтобы провести борьбу партийным путем, мы с января месяца боремся за съезд, как единственный достойный партийный выход из невозможного положения. Теперь яснее ясного уже стало, что почти вся деятельность перебежавшего к меньшинству ЦК посвящена отчаянной борьбе против съезда, что Совет идет на все самые невозможные и непозволительные проделки для оттягивания съезда. Совет прямо срывает съезд: кто не убедился еще в этом из чтения его последних постановлений в приложении к №№ 73–74 «Искры», тот увидит это из нашей (вышедшей на днях) брошюры Орловского: «Совет против партии». Теперь яснее ясного стало, что без объединения и отпора нашим так называемым центральным учреждениям большинство не может отстоять своей позиции, отстоять партийность в ее борьбе с кружковщиной. Объединение русских большевиков уже давно поставлено ими на очередь дня. Припомните громадное сочувствие, которым встречена была программная (в смысле программы нашей внутрипартийной борьбы) резолюция 22-х²⁰; припомните изданную печатно Московским комитетом (октябрь 1904 г.) прокламацию 19-ти; наконец, почти всем комитетам партии известно, что в самое последнее время произошел и отчасти еще происходит ряд частных конференций между комитетами большинства^[49], делаются самые энергичные и определенные попытки крепкого сплочения между собою комитетов большинства для отпора зарвавшимся бонапартистам в Совете, ЦО и ЦК.

Мы надеемся, что в очень недалеком будущем эти попытки (вернее, эти шаги) будут оглашены во всеобщее сведение, когда результаты их позволят высказаться определенно о том, что уже достигнуто. Без особого издательства самозащита большинства была, разумеется, совершенно невозможна. Новый ЦК как вы, может быть, уже знаете из нашей партийной литературы, прямо изгнал наши брошюры (и даже обложки набранных уже брошюр) из партийной типографии, превратив ее таким образом в кружковую типографию, и отверг прямые предложения из заграничного большинства и русских комитетов, напр. Рижского, о доставке в Россию литературы большинства. Подделка общественного мнения партии вырисовалась вполне определенно, как систематическая тактика нового ЦК. Необходимость расширять свое издательство, организовать свой транспорт надвинулась на нас неизбежно. Комитеты, порвавшие с редакцией ЦО товарищеские отношения (см. признание Дана в отчете о собрании в Женеве 2 сентября 1904 г.^[50] – интересная брошюра), не могли и не могут обходиться без периодического органа. Партия без органа, орган без партии! Этот печальный лозунг, еще в августе выставленный большинством, неумолимо вел к единственному выходу – к основанию своего органа. Молодые литературные силы, прибывавшие за границу для поддержки кровного дела большинства русских работников, требуют себе при-

²⁰ См. настоящий том, стр. 13–21. *Ред.*

ложения. Ряд русских партийных литераторов тоже настоятельно требует органа. Основывая такой орган, под названием, вероятно, «Вперед»^[51], мы действуем в полном согласии с массой русских большевиков, в полном согласии с нашим поведением в партийной борьбе. Мы взяли за это оружие, испытав в течение года все, решительно все более простые, более экономные для партии, более соответствующие интересам рабочего движения, пути. Мы отнюдь не покидаем борьбы за съезд и, напротив, хотим расширить, обобщить и поддержать эту борьбу, хотим помочь комитетам решить встающий перед ними новый вопрос о съезде помимо Совета и ЦК – против воли Совета и ЦК – вопрос, требующий всестороннего серьезного обсуждения. Мы выступаем открыто во имя воззрений и задач, давно уже в ряде брошюр изложенных перед всей партией. Мы боремся и будем бороться за выдержанное революционное направление против смуты и шатаний в вопросах и организационных и тактических (см. чудовищно путаное письмо новой «Искры» к партийным организациям, напечатанное только для членов партии и скрытое от глаз света). Объявление о выходе нового органа выйдет, вероятно, через неделю или около того. Первый номер числа 1-го – 10-го января нового стиля. В редакционной коллегии примут участие все выдвинувшиеся до сих пор литераторы большинства (Рядовой, Галерка, Ленин, Орловский, работавший регулярно в «Искре» с 46-го – 51 №, когда ее вели Ленин и Плеханов, и еще очень ценные молодые литературные силы), Коллегия практического руководства и организации сложного дела распространения, агентуры и пр. и пр. составит (отчасти составила уже)^[52] на основании прямого поручения известных функций известным товарищам целым рядом русских комитетов (Одесский, Екатеринославский, Николаевский, 4 кавказских комитета и несколько северных, о которых вы вскоре узнаете обстоятельно). Мы обращаемся теперь ко всем товарищам с просьбой о всякой поддержке. Мы будем вести орган при условии, чтобы он был органом русского движения, а никоим образом не заграничного кружка. Для этого необходима прежде всего и больше всего самая энергичная «литературная» поддержка, вернее литературное участие, из России. Я подчеркиваю и ставлю в кавычках слово «литературная», чтобы обратить сразу внимание на особый смысл его и предостеречь от недоразумения, очень обычного и страшно вредного для дела. Это недоразумение, будто именно литераторы и только литераторы (в профессиональном смысле этого слова) способны с успехом участвовать в органе; напротив, орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов – пятьсот и пять тысяч работников не литераторов. Один из недостатков старой «Искры», от которого я всегда старался ее избавить (и который вырос в чудовищные размеры в новой «Искре»), это – слабая работа над ней из России. Мы печатали, бывало, всегда почти без исключения все присылавшееся из России. Орган действительно живой должен печатать одну десятую присылаемого, утилизируя остальное для информации и указания литераторам. Необходимо, чтобы с нами переписывалось как можно большее число партийных работников, именно, переписывалось в обычном значении, в не литературном значении этого слова.

Отчужденность от России, захватывающая атмосфера проклятого заграничного болота до того давят здесь, что единственное спасение – живое общение с Россией. Пусть не забывают этого те, кто не на словах только, а на деле хочет считать (и хочет *сделать*) наш орган – органом всего «большинства», органом массы русских работников. Пусть всякий, кто считает этот орган своим и кто сознает обязанности социал-демократа – члена партии, откажется раз навсегда от буржуазной привычки думать и действовать так, как это принято по отношению к легальным газетам: дескать, *их* дело написать, а наше прочитать. Над социал-демократической газетой должны работать все социал-демократы. Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих. Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе – без этого материала грош будет цена социал-демократическому органу,

и он не будет заслуживать названия социал-демократического. Мы просим писать, кроме того, для *переписки*, заведомо не корреспонденции, т. е. не для печати, а для товарищеского общения с редакцией и осведомления ее, осведомления не только о фактах, событиях, но и о настроении и о будничной, «не интересной», обычной, рутинной стороне движения. Не побывав за границей, вы представить себе не можете, как нужны нам такие письма (и конспиративного в них нет ровно ничего, и написать раз в неделю, два раза в неделю такое не шифрованное письмо, право же, вполне возможно даже для самого занятого человека). Пишите же нам о беседах на рабочих кружках, о характере этих бесед, о теме занятий, о запросах рабочих, о постановке пропаганды и агитации, о связях в обществе, в войске и молодежи, пишите больше всего о недовольстве нами, социал-демократами, среди рабочих, о их недоумениях, запросах, протестах и т. д. Вопросы практической постановки дела особенно теперь интересны, и нет другого средства ознакомить редакцию с этими вопросами, кроме оживленной переписки не корреспондентского характера, а просто товарищеского свойства; конечно, не у всякого есть умение и охота писать, но... не говори не могу, а говори не хочу; всегда, если захотеть, в любом кружке, в каждой даже мельчайшей, даже второстепеннейшей группе (второстепенные зачастую особенно интересны, ибо они иногда делают наиболее важную, хотя и невидную часть дела) можно найти одного, двух товарищей, которые могли бы писать. Здесь мы поставили секретарство сразу на широких началах, пользуясь опытом старой «Искры», а вас просим иметь в виду, что *каждый*, без исключения каждый, кто с терпением и энергией возьмется за дело, добьется без труда, чтобы все его письма или девять десятых доходили. Говорю это на основании 3-летнего опыта старой «Искры», имевшей не одного такого корреспондента-друга (зачастую незнакомого ни с кем из редакции), ведшего аккуратнейшую переписку. Полиция давно уже абсолютно не в состоянии перехватывать заграничные письма (лишь случайно берут их при экстраординарной небрежности отправителя), и гигантская доля материала старой «Искры» всегда приходила обыкновеннейшим путем в обычных письмах по нашим адресам. Особенно предостеречь хотели бы мы от приема концентрации переписки только в комитете и только у секретарей. Нет ничего вреднее такой монополии. Насколько обязательно единство в действии, в решении, настолько оно неверно в общем информировании, в переписке. Очень и очень часто бывает, что особенно интересны письма сравнительно «сторонних» (удаленных от комитетов) людей, более *свежо* воспринимающих многое такое, что слишком привычно и упускается из виду опытным старым работником. Давайте побольше возможности писать к нам молодым работникам: и молодежи, и работникам, и «централистам», и организаторам, и простым рядовым членам летучек и массовок.

Только тогда и только при условии такой широкой переписки можем мы все сообща сделать нашу газету действительным органом *рабочего движения в России*. Усердно просим прочесть это письмо во всех и всяких собраниях, кружках, подгруппах и пр. и пр., как можно шире, а нам написать, как рабочие встретили этот призыв. К идее отделения рабочего («популярного») органа и общего – руководящего – интеллигентского мы относимся очень скептически: мы хотели бы, чтобы социал-демократическая газета была органом всего движения, чтоб рабочая газета и социал-демократическая газета слились в один орган. Удаться это может лишь при активнейшей поддержке рабочего класса.

С товарищеским приветом

Н. Ленин

Написано 29 ноября (12 декабря) 1904 г.

Напечатано в декабре 1904 г. в Берлине отдельным листком

Печатается по тексту листка

Извещение об образовании организационного комитета и о созыве III очередного съезда российской социал-демократической рабочей партии^[53]

Тяжелый кризис, переживаемый нашей партией в течение уже полутора года, со времени II съезда, привел к неизбежному и давно предвиденному результату, к полному разрыву центральных учреждений с партией. Мы не будем повторять здесь тяжелой истории кризиса и напоминать факты, достаточно освещенные в партийной литературе вообще и в частности в целом ряде резолюций и заявлений российских комитетов и конференций комитетов. Достаточно указать, что последняя из таких конференций, северная, в которой участвовали комитеты Петербургский, Рижский, Тверской, Московский, Северный и Нижегородский, выбрала бюро и поручила ему выступить в качестве Организационного комитета для немедленного созыва III очередного съезда Российской социал-демократической рабочей партии.

В настоящее время бюро выждало все сроки, назначенные комитетами для ответа так называемому Центральному Комитету, и вошло в соглашение с уполномоченными трех южных (Одесский, Екатеринославский, Николаевский) и четырех кавказских комитетов. Бюро выступает теперь в качестве Организационного комитета и созывает, помимо согласия центров, подотчетных партии и уклонившихся от ответственности перед партией, III очередную съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

Россия переживает небывалый политический подъем, и на пролетариат ложатся величайшие исторические задачи борьбы с самодержавием. Все работающие в России социал-демократы знают, какой гигантский вред принесен нашим партийным разбродом делу организации и сплочения сил пролетариата, какой неизмеримый ущерб потерпело дело пропаганды, агитации и объединения рабочих в России благодаря тлетворному влиянию заграничной кружковщины. И если нет возможности объединить заграничные кружки и их ставленников, то пусть объединятся, по крайней мере, все социал-демократические работники России, все сторонники выдержанного направления революционной социал-демократии. Такое объединение есть единственный верный путь к будущему полному и прочному единству всех социал-демократов России.

Да здравствует российская, да здравствует международная революционная социал-демократия!

* * *

Относительно условий созыва съезда Организационный комитет считает нужным опубликовать во всеобщее сведение следующее:

1) ОК признает безусловное право на участие в III очередном съезде с решающим голосом за всеми российскими комитетами и организациями, утвержденными II съездом Российской социал-демократической рабочей партии (комитеты Петербургский, Московский, Харьковский, Киевский, Одесский, Николаевский, Донской, Екатеринославский, Саратовский, Уральский, Северный, Тульский, Тверской, Нижегородский, Бакинский, Батумский, Тифлисский, Горнозаводский, Сибирский и Крымский).

2) ОК признает условное право участия на съезде комитетов, утвержденных Центральным Комитетом после второго съезда (Мингрельский, Астраханский, Орловско-Брянский, Самарский, Смоленский, Рижский, Курский, Воронежский, а также Заграничная лига). Все эти комитеты утверждены центрами, которые потеряли доверие партии. Мы обязаны при-

гласить их на III съезд, но только, сам съезд может окончательно решить вопрос об их участии (действительность комитета, право на совещательный или решающий голос и т. д.).

3) ОК выражает, от имени большинства российских комитетов, пожелание, чтобы на III очередном съезде Российской социал-демократической рабочей партии участвовали *все* как заграничные, так и русские организации Российской социал-демократической рабочей партии и в особенности все рабочие организации, считающие себя принадлежащими к Российской социал-демократической рабочей партии. Участие этих последних кажется нам особенно желательным потому, что партийный кризис и демагогическая проповедь выборного начала и рабочедельского демократизма вызвали уже целый ряд расколов. Надо воспользоваться съездом, чтобы при участии представителей большинства российских комитетов попытаться устранить эти расколы или ослабить вред их.

4) ОК приглашает поэтому немедленно отозваться и войти в сношение с ним (через посредство одного из названных выше 13-ти комитетов) всех желающих участвовать в съезде.

5) Условия *приглашения* на съезд, в случае споров, будут определены по решению двух ближайших комитетов и третьего лица от ОК.

6) Условия *участия* на съезде (с совещательным или решающим голосом) комитетов и других организаций, не утвержденных вторым съездом партии, определит сам III съезд.

7) Время и место съезда назначит ОК.

Написано в декабре, позднее 11 (24), 1904 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в Ленинском сборнике V

Печатается по рукописи

Новый русский заем

Под этим заголовком газета крупных немецких биржевых тузов («Франкфуртская Газета»^[54]) дает следующее поучительное сообщение:

«В течение уже нескольких недель ходили упорные слухи о новом большом русском займе. Все эти слухи тотчас же опровергались. Однако теперь признают официально, что на днях (писано 29 декабря н. ст.) в Петербурге происходили переговоры о займе. Несомненно, этим официальным переговорам предшествовали частные справки, подавшие повод к слухам. Говорят, что в переговорах участвовали на этот раз немецкие финансисты. Заем намереваются поместить на немецком рынке. До сих пор Россия, начиная с начала войны, доставала себе денег тремя различными путями: прежде всего около 300 млн. руб. позаимствовано из свободной наличности государственного казначейства, увеличенной посредством сокращения разрешенных уже расходов. Затем последовал заем 800 млн. фр. (около 300 млн. руб.) при посредстве французских банкиров. В августе Россия обратилась к внутреннему рынку: выпуск билетов на 150 млн. руб. Война поглощает с каждым месяцем все более крупные суммы, и Россия опять помышляет о большом заграничном займе. В последнее время русские фонды обнаруживают большую (серьезную, *bedenkliche*) наклонность к понижению. Как отнесется немецкая публика к русскому займу, неизвестно. Военное счастье до сих пор неизменно было на стороне японцев. И если до сих пор принято было считать русские займы надежным помещением капитала, то теперь они приобретают более или менее спекулятивный оттенок (*Beigeschmack*), особенно ввиду недавнего царского манифеста, проливающего характерный свет на внутренние русские порядки. Посмотрим, будет ли новый заем предложен немецкой публике на таких условиях (высота процента и выпускной курс), которые бы могли уравновесить пониженное качество русского займа». — — —

Новое предостережение европейской буржуазии русскому самодержавию! Кредит его падает и от военных поражений и от растущего недовольства внутри страны. Расчет на самодержавие европейские банкиры начинают уже считать несолидной спекуляцией, «качество») русских займов, в смысле их надежности, открыто признают понижающимся.

А какую бездну денег будет еще стоять народу эта преступная война, поглощающая наверное не меньше *трех миллионов рублей в день!*

Написано в декабре, позднее 16 (29), 1904 г.

Впервые напечатано в 1931 г. в Ленинском сборнике XVI

Печатается по рукописи

Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией

Написано 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.)

Напечатано в январе 1905 г. в Женеве отдельной брошюрой

Печатается по тексту брошюры

В № 77 «Искры» три члена Центрального Комитета, говорящие от имени всего ЦК, вызывают на третейский суд тов. N «за ложное заявление с целью дезорганизовать партию». Это якобы ложное заявление сделано «через члена ЦК не принимавшего участия в выработке декларации», т. е. через меня. Ввиду моего близкого отношения к делу, а также на основании полномочия, полученного мной от тов. N, я считаю себя вправе и обязанным принять участие в третейском разбирательстве, выступая с следующим обвинением против членов ЦК Глебова, Валентина и Никитича.

Я обвиняю их в незаконных, неправильных, формально и морально недопустимых действиях по отношению к их сочленам по ЦК и по отношению ко всей партии.

Так как эти неправильные действия чрезвычайно затягивают и обостряют партийный кризис, влияя притом самым непосредственным образом на массу партийных работников, то я считаю безусловно необходимою гласность разбирательства во всем, что не заключает в себе конспиративных тайн, и потому подробно излагаю содержание своего обвинения.

1. Я обвиняю 3-х членов ЦК, Глебова, Валентина, Никитича, в систематическом обмане партии.

1) Я обвиняю их в том, что они употребили власть, полученную ими от II съезда партии, на подавление общественного мнения партии, выразившегося в агитации за III съезд. Они не имели никакого права подавлять эту агитацию, составляющую неотъемлемое право каждого члена партии. В частности, они не имели никакого права распускать Южное бюро за агитацию за съезд. Они не имели ни формального, ни морального права выносить порицание мне, как члену Совета партии, за подачу мной в Совете голоса в пользу съезда;

2) – в том, что они скрывали от партии резолюции комитетов за съезд и, спекулируя на доверие к себе, как к членам высшего партийного учреждения, вводили в заблуждение комитеты, излагая им заведомо неверно положение дел в партии. Они мешали выяснению истины, отказываясь исполнить просьбу Рижского комитета о напечатании и распространении резолюции 22-х, а равно о доставке в Россию литературы большинства под тем предлогом, что эта литература непартийная;

3) – в том, что в своей агитации против съезда они не остановились даже перед дезорганизацией местной работы, апеллируя к периферии против комитетов, высказавшихся за съезд, дискредитируя всячески эти комитеты в глазах местных работников и тем разрушая доверие между комитетом и периферией, без которого никакая работа невозможна;

4) – в том, что через делегата от ЦК в Совете они приняли участие в составлении постановлений Совета относительно условий созыва III съезда, постановлений, сделавших съезд невозможным и таким образом закрывших для партии возможность нормального разрешения внутрипартийного конфликта;

5) – в том, что, заявляя комитетам о своей принципиальной солидарности с позицией большинства, заявляя, что соглашение с меньшинством может состояться лишь под условием отказа меньшинства от своей тайной обособленной организации и отказа от кооптации в ЦК, они в то же время входили *тайно от партии и заведомо против ее воли* в сделку с меньшинством на условиях: 1) сохранения автономии за техническими предприятиями меньшинства; 2) кооптации в ЦК трех наиболее ярых представителей меньшинства;

6) я обвиняю их в том, что они пользовались своим авторитетом, как члены высшего партийного учреждения, для набрасывания тени на своих политических противников. Они поступили бесчестно по отношению к тов. П., когда постановили в *июле* расследовать дело об его якобы обманном выступлении в Северном комитете и затем до *сих пор* (22 декабря) не предъявили ему даже обвинения, хотя Глебов неоднократно видел П. и хотя тот же Глебов позволил себе, в качестве члена Совета партии, называть в «Искре» «обманом» поступок товарища, лишенного возможности защититься. Они сказали заведомую неправду, заявив, что Лидин не был доверенным лицом (Vertrauensmann) ЦК. Они вводили в обман членов партии, с целью дискредитировать в их глазах т. Бонч-Бруевича и его сотрудников по экспедиции, печатая в «Искре» (№ 77) заявление, в котором указывается (и притом неверно) лишь один пассив экспедиции – и это после того, как они, через своих уполномоченных, выдали т. Бонч-Бруевичу письменное удостоверение в том, что дело велось им правильно и отчетность находится в полном порядке;

7) я обвиняю их в том, что они воспользовались отсутствием бывших представителей ЦК за границей, т. Васильева и т. Зверева, чтобы дискредитировать партийные учреждения (библиотеку и архив РСДРП в Женеве). Они поместили в «Искре», за подписью неведомого мне «представителя» ЦК, сообщение, в котором совершенно извратили историю и действительный характер этих учреждений.

II. Кроме того, я обвиняю 3-х членов ЦК, Глебова, Валентина и Никитича, в ряде ни морально, ни формально недопустимых действий по отношению к своим сочленам по коллегии.

1) Они разрушили всякую основу партийной организации и дисциплины, предъявив мне (через т. Глебова) ультиматум о выходе из ЦК или прекращении агитации за съезд.

2) Они нарушили договор, заключенный от их лица членом ЦК Глебовым, когда, вследствие изменения состава ЦК исполнение этого договора стало для них невыгодным.

3) Они не имели права на своем июльском заседании объявить тов. N вышедшим из ЦК, не выслушав ни его, ни моего заявления, тем более, что этим трем членам ЦК было известно наше (4-х членов ЦК)^[55] требование рассмотреть спорный вопрос в общем собрании ЦК. Объявление тов. N не членом ЦК неправильно и по существу, ибо три члена ЦК злоупотребили при этом условным (и не сообщенным всем товарищам) заявлением тов. N.

4) Три члена ЦК не имели никакого права скрывать от меня перемену своих взглядов и свои намерения. Тов. Глебов утверждал в конце мая, что их точка зрения выражена в составленной ими в марте декларации. Таким образом, июльская декларация, коренным образом расходящаяся с мартовской, была принята тайком от меня, и заявления Глебова были обманом.

5) Глебов нарушил условие, заключенное со мной, что в докладе Амстердамскому конгрессу^[56], который взялись писать Дан (делегат от ЦО) и он, Глебов (делегат от ЦК), – о разногласиях в партии не будет речи. Доклад, составленный одним Даном, оказался полным прикрытой полемики и весь пропитан взглядами «меньшинства». Глебов не протестовал против доклада Дана и таким образом косвенно участвовал в обмане международной социал-демократии.

6) Три члена ЦК не имели никакого права отказать мне в заявлении и опубликовании моего особого мнения по важному вопросу партийной жизни. Июльская декларация была послана для *напечатания* в ЦО прежде, чем мне была дана возможность высказаться по поводу нее. 24 августа я послал в ЦО протест против этой декларации. ЦО заявил, что напечатает лишь в том случае, если этого захотят 3 члена ЦК писавшие декларацию. Они того не захотели, и мой протест был ими скрыт от партии.

7) Они не имели никакого права отказывать мне в сообщении протоколов Совета и лишить меня, без формального исключения из ЦК, всех и всяких сведений о ходе дел в ЦК

о назначении новых агентов в России и за границей, о переговорах с «меньшинством», о делах кассы и пр. и пр.

8) Они не имели права кооптировать в ЦК трех новых товарищей (примиренцев), не проведя кооптации через Совет, как того требует устав партии в случае отсутствия единогласия, а единогласие отсутствовало, ибо я заявил протест против этой кооптации.

Приложение

Ввиду важного значения позиции ЦК во внутривнутрипартийном конфликте, считаю нужным опубликовать во всеобщее сведение нижеследующие документы:

I. Письма товарища Глебова к членам «коллекции».

а) Сентябрь.

«С ЦО и Лигой отношения еще не определились. После нашего заявления они, надо сказать, обнаглели и их аппетиты растут. Положение наше здесь очень трудное: за граница в руках Лиги, частные источники в руках ЦО, и потому мы в долгу, как в шелку. Сжимаемый нуждой (на шее до 9000 долгу), я принужден думать о каком-нибудь исходе. Поэтому я обратился к меньшинству с предложением наметить мне проект желательных для них реформ».

б) 7 сентября.

«Вчера вечером в присутствии С. имел деловое свидание с тремя уполномоченными от меньшинства: Поповым, Блюменфельдом и Мартовым».

Из обсуждавшихся на этом собрании, превратившемся, по словам Глебова, «в предварительное собрание для подготовки мира», вопросов отметим следующие:

I. Организационные отношения за границей.

«Заботу о российском движении принимает на себя ЦК, ЦО и Лига. Для устранения взаимных трений, большей заинтересованности в работе и полного доверия, общее руководящее ведение дел вручается комиссии из представителей ЦК, ЦО и Лиги. ЦК имеет два голоса и право veto...».

II. Транспорт.

«ЦО подчиняется контролю ЦК при некоторой автономии. Именно: экспедиция за границей может быть только одна, экспедиция ЦК. Заведование своей границей остается в руках ЦО. Распределение литературы в России принадлежит ЦК. Для более автономного существования ЦО предоставляется юг. Поясню. У ЦО есть транспорт. ЦО боится, чтобы в случае перемены правления у них не отобрали путь. Поэтому ЦО просит организационным путем гарантировать им путь».

с) 7 сентября.

«На договор, заключенный вчера по ведению дел, здесь страшно зол Дан и, может быть, другие. Вот публика-то прожорливая. Хочется им тут устроить заграничный комитет из представителей ЦО, ЦК и Лиги, все за границей решающий; конечно, каждый имеет только один голос. Недурно ведь?».

д) Сентябрь.

«Обращаю внимание на выраженное желание Совета о пополнении (дело идет о пополнении представительства ЦК в Совете). Придется выбрать кого-нибудь вместо Ленина, что он объявит, конечно, незаконным. Я бы предложил выбрать в Совет Дана или Дейча, причем точно оговорить, что они уполномочиваются лишь для заседания в Совете. Больше выбрать, мне кажется, некого».

II. Письмо агента ЦК (ныне кооптированного официально в ЦК) к т. Глебову:
4-го сентября.

«По поводу декларации получилась такая каша, что трудно разобраться. Ясно одно: все комитеты, кроме Харьковского, Крымского, Горнозаводского и Донского, – комитеты большинства. Донской, кажется, нейтрален, но точно об этом неизвестно. Из комитетов «большинства» – Рижский, Московский, Петербургский и Северный выразили ЦК за декларацию недоверие, как я сообщил тебе об этом раньше. Полное доверие ЦК получил от очень незначительного числа комитетов. Остальные же выразили ему доверие по примирению – с тем, чтобы в случае неудачи немедленно созвать экстренный съезд. Из числа последних некоторые ставят условием примирения отказ меньшинства считать себя «стороной» и отказ от требования кооптации, как «стороны» (?). Вот картина. В случае неудачи примирения, ЦК теряет доверие большинства комитетов и, следовательно, должен будет уже сам агитировать за съезд, чтобы сдать полномочия. **По настроению же комитетов ясно видно, что на съезде пройдут постановления в духе 22-х, т. е. смещение редакции и передача в руки большинства, изменение Совета партии и т. д.** Но чтобы примирение удовлетворило комитеты, необходимо условие, о котором я уже писал тебе, – это принятие меньшинством декларации и его отказ считать себя «стороной». Если они это сделают, я думаю, что Ленин потеряет в России почву и мир восстановить можно будет. Твоя фраза о том, что дело с Мартовым «понемножку» налаживается, меня удивила. Упорство членов редакции начинает прямо озлоблять, и я, несмотря на идейные и др. к ним симпатии, начинаю терять к ним доверие, как к политическим «вождям». Организационный вопрос они выяснили вполне, и дальнейшее их упорство при отсутствии поддержки из России (**здесь меньшинство бессильно**) будет показывать, что в борьбу они идут лишь из-за мест».

Таково начало торговой сделки, а вот ее финал:

ЦК рассылает по комитетам письмо, в котором оповещает комитеты, что

«Переговоры закончатся в самом ближайшем будущем (максимум недели через две), а пока можем сообщить, что 1) ЦК никакого меньшинства в свой состав не кооптировал (на этот счет ходит кем-то пущенная сплетня); ...3) переговоры с меньшинством ведутся в том же духе, в каком докладывал вам Валентин, т. е. если говорить об уступках, то они могут быть только со стороны меньшинства и должны заключаться в отказе от фракционной полемики ЦО, в распусчении тайной организации меньшинства, в отказе от кооптации членов в ЦК, в передаче всех предприятий (техника, транспорт, связи) Центральному Комитету. Только при этих условиях возможно восстановление мира в партии. Есть основания надеяться, что так это и случится. Во всяком случае, если теперь меньшинство обнаружит желание

продолжать свою старую политику, то ЦК немедленно прекратит переговоры и приступит к созыву экстренного съезда».

Так успокаивает ЦК выражающие ему недоверие комитеты, а вот *письма «видных» деятелей меньшинства*. Письма получены в середине декабря 1904 г. старого стиля.

«Наконец-то мы свиделись с шантрапой. Их ответ был такой: на автономию наших технических учреждений согласны; что касается агитационной комиссии, то они против, находя, что это функция ЦК непосредственная (руководство агитацией) и что они предпочитают этому плану реформу ЦК, **но официально кооптировать сейчас не могут, а предлагают фактическую (неофициальную) кооптацию трем лицам из меньшинства (Попову, Фомину, Фишеру)**. Разумеется, мы с Х. тотчас же согласились, и отныне меньшевистская оппозиция официально упраздняется. Точно гора свалилась с плеч. Предстоит на днях собрание всего ЦК вместе с нами, и затем мы назначаем конференцию наиболее близких комитетов.

...**Мы, конечно, вполне уверены, что овладеем ЦК и направим его как нам желательно**. Это тем легче, что многие из них уже признают правильной принципиальную критику меньшинства... Во всех последовательно твердокаменных комитетах (в Баку, Одессе, Нижнем и Питере) рабочие требуют выборной системы. Это явный симптом агонии твердокаменных».

Одновременно с этим получено еще другое письмо:

«Состоялось соглашение между уполномоченными «меньшинства» и ЦК. Уполномоченными выдана расписка. Но ввиду того, что не было предварительно опроса «меньшинства», то, естественно, и сама расписка является не совсем удачной, т. к. в ней выражается «доверие» Центральному Комитету, а не его объединительной политике; там говорится и о растворении в партии, и о прекращении обособленного существования, а между тем достаточно только второе. Наконец, в этой расписке отсутствует «credo»* «меньшинства». Ввиду этого решено еще провести через все организации «меньшинства» резолюцию с «credo»²¹ и указанными исправлениями, конечно, признавая соглашение наших уполномоченных с ЦК состоявшимся».

* * *

Весьма вероятно, что пойманные на месте преступления лица, разоблаченные настоящими документами, со свойственной им «моральной чуткостью» приложат все усилия, чтобы отвлечь внимание партии от содержания документов к моральному вопросу о праве на их опубликование. Я уверен, что партия не позволит морочить себя этим отводом глаз. Я заявляю, что беру всецело на себя моральную ответственность за настоящее разоблачение и дам все надлежащие разъяснения перед третейским судом, который будет рассматривать все дело в целом.

²¹ Символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

Самодержавие и пролетариат

Россия переживает новую волну конституционного движения. Современное поколение не видало еще ничего подобного теперешнему политическому оживлению. Легальные газеты громят бюрократию, требуют участия представителей народа в государственном управлении, настойчиво заявляют о необходимости либеральных реформ. Всевозможные собрания земцев, врачей, юристов, инженеров, сельских хозяев, городских гласных и пр. и пр. выносят резолюции, более или менее ясно высказывающиеся за конституцию. Всюду слышатся необычно смелые, с точки зрения русского обывателя, политические обличения и страстные речи о свободе. Либеральные собрания превращаются, под напором рабочих и радикальной молодежи, в открытые народные собрания и уличные демонстрации. В широких кругах пролетариата, среди городской и деревенской бедноты явно усиливается глухое брожение. И хотя пролетариат сравнительно мало участвует в наиболее парадных и торжественных проявлениях либерального движения, хотя он держится как будто бы немного в стороне от чинных совещаний солидной публики, но по всему видно, что рабочие чрезвычайно глубоко заинтересованы в движении. По всему видно, что рабочие рвутся на широкие народные собрания и на открытые уличные демонстрации. Пролетариат как бы сдерживает себя, сосредоточенно всматриваясь в окружающую обстановку, собирая свои силы и решая вопрос, пришел или не пришел еще момент решительной борьбы за свободу.

Первая страница большевистской газеты «Вперед» № 1, 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.) с передовой статьей В. И. Ленина «Самодержавие и пролетариат» (*Уменьшено*)

По-видимому, волна либерального возбуждения начинает уже несколько спадать. Слухи и сообщения заграничных газет о победе реакционеров в наиболее влиятельных придворных кругах подтверждаются. Опубликованный на днях указ Николая II есть прямая пощечина либералам. Царь намерен сохранить и отстаивать самодержавие. Царь не желает изменять формы правления и не думает давать конституции. Он обещает – только обещает – всяческие реформы совершенно второстепенного характера. Никаких гарантий осуществления этих реформ, разумеется, не дается. Полицейские строгости против либеральной печати усиливаются не по дням, а по часам. Всякие открытые демонстрации начинают опять подавлять с прежней, если не с большей еще, свирепостью. Либеральных гласных, земских и городских, начинают заметно опять подтягивать, а еще более – либеральничавших чинов-

ников. Либеральные газеты впадают в унылый тон и просят прощения у корреспондентов, письма которых они не смеют печатать.

Нет ничего невозможного в том, что волна либерального возбуждения, быстро поднявшегося после разрешения Святополка-Мирского, быстро и уляжется после нового запрещения. Надо различать глубокие причины, которые неизбежно и неминуемо – и чем дальше, тем больше – порождают оппозицию и борьбу против самодержавия, от мелких поводов временного либерального оживления. Глубокие причины порождают глубокие, могучие и упорные народные движения. Мелкими поводами являются иногда смена лиц в министерстве и обычная попытка правительства перейти на час к политике лисьего хвоста после какого-нибудь террористического акта. Убийство Плеве^[57], видимо, стоило террористической организации громадных усилий и долгих подготовительных работ. И чем удачнее было это террористическое предприятие, тем ярче подтверждает оно опыт всей истории русского революционного движения, опыт, предостерегающий нас от таких приемов борьбы, как террор. Русский террор был и остается специфически интеллигентским способом борьбы. И что бы ни говорили нам о важности террора не вместо народного движения, а вместе с ним, факты свидетельствуют неопровержимо, что у нас индивидуальные политические убийства не имеют ничего общего с насильственными действиями народной революции. Массовое движение в капиталистическом обществе возможно лишь как классовое рабочее движение. Это движение развивается в России по своим самостоятельным законам, оно идет своим путем, становясь все глубже и шире, переходя от временного затишья к новому подъему. И только либеральная волна поднимается и спадает в тесной связи с настроением разных министров, смена которых ускоряется бомбами. Неудивительно поэтому, что у нас так часто встречается сочувствие террору среди радикальных (или радикальничающих) представителей буржуазной оппозиции. Неудивительно, что из революционной интеллигенции особенно увлекаются террором (надолго или на минуту) именно те, кто не верит в жизненность и силу пролетариата и пролетарской классовой борьбы.

Недолговечность и непрочность либерального возбуждения по тому или иному поводу, конечно, не могут заставить нас забыть о неустранимом противоречии между самодержавием и потребностями развивающегося буржуазного общества. Самодержавие не может не задерживать общественного развития. Чем дальше, тем больше сталкиваются с самодержавием интересы буржуазии как класса, интересы интеллигенции, без которой невозможно современное капиталистическое производство. Поверхностным может быть повод либеральных заявлений, мелок может быть характер нерешительной и двойственной позиции либералов, но настоящий мир возможен для самодержавия лишь с кучкой особо привилегированных тузов из землевладельческого и торгового класса, а отнюдь не со всем этим классом. Прямое представительство интересов правящего класса в форме конституции необходимо для страны, которая хочет быть европейской страной и которую положение ее обязывает, под угрозой политического и экономического поражения, стать европейской страной. Поэтому крайне важно для сознательного пролетариата ясно понимать и неизбежность либеральных протестов против самодержавия и действительный буржуазный характер этих протестов.

Рабочий класс ставит себе величайшие, всемирно-исторические цели: освободить человечество от всяких форм угнетения и эксплуатации человека человеком. К осуществлению этих целей он стремится во всем мире упорно, в течение десятилетий и десятилетий, постоянно расширяя свою борьбу, организуясь в миллионные партии, не падая духом от отдельных поражений и временных неудач. Ничего не может быть важнее для такого истинно революционного класса, как отделаться от всяких самообманов, от всяких миражей и иллюзий. У нас в России одной из самых распространенных и живучих иллюзий является та, будто наше либеральное движение не есть буржуазное движение, будто предстоя-

щая России революция не есть буржуазная революция. Русскому интеллигенту, – начиная от умереннейшего освободителя и кончая самым крайним социалистом-революционером^[58], – всегда кажется, что признать нашу революцию буржуазной значит обесцветить, принизить, опозлить ее. Русский сознательный пролетарий видит в таком признании единственно верную классовую характеристику действительного положения дел. Для пролетария борьба за политическую свободу и демократическую республику в буржуазном обществе есть лишь один из необходимых этапов в борьбе за социальную революцию, ниспровергающую буржуазные порядки. Строго различать этапы, различные по своей природе, трезво исследовать условия их прохождения – вовсе не значит откладывать в долгий ящик конечную цель, вовсе не значит замедлять заранее свой путь. Напротив, именно для ускорения пути, именно для возможно более быстрого и прочного осуществления конечной цели, необходимо понимать отношение классов в современном обществе. Только разочарования и шатания из стороны в сторону ждут тех, кто чурается якобы односторонней классовой точки зрения, кто хочет быть социалистом и в то же время боится прямо назвать предстоящую нам в России, начавшуюся у нас в России революцию – буржуазной революцией.

Характерный факт: как раз в разгар современного конституционного движения наиболее демократическая легальная печать воспользовалась необычной свободой для нападок не только на «бюрократию», но и на «несостоятельную» якобы «научно», «исключительную и потому ошибочную теорию классовой борьбы» («Наша Жизнь»^[59] № 28). Извольте видеть: задачу сближения интеллигенции с массами «ставили до сих пор, исключительно напирая на классовые противоречия, существующие между народными массами и теми слоями общества, из которых выходит... большая часть интеллигенции». Нечего говорить, что это изображение дела прямо противоречит действительности. Как раз наоборот. Вся масса русской легальной, культурнической интеллигенции, все старые русские социалисты, все деятели типа освободителей совершенно игнорировали и игнорируют глубину классовых противоречий в России вообще и в русской деревне в особенности. Даже крайняя левая русской радикальной интеллигенции, партия социалистов-революционеров, грешит больше всего таким же игнорированием; стоит вспомнить ее обычные рассуждения о «трудовом крестьянстве» или о том, что предстоит нам революция «не буржуазная, а демократическая».

Нет. Чем ближе подходит момент революции, чем острее становится конституционное движение, тем строже должна партия пролетариата охранять свою классовую самостоятельность и не позволять топить своих классовых требований в воде общедемократических фраз. Чем чаще, чем решительнее выступают представители так называемого общества с своими якобы общенародными требованиями, тем беспощаднее должна социал-демократия разоблачать классовый характер этого «общества». Возьмите пресловутую резолюцию «тайного» земского съезда 6–8 ноября^[60]. Вы увидите в ней отодвинутые на задний план и умышленно неясные, робкие конституционные пожелания. Вы увидите ссылки на народ и общество, гораздо чаще на общество, чем на народ. Вы увидите особенно подробное и наиболее подробное указание реформ в области земских и городских учреждений, то есть учреждений, представляющих интересы землевладельцев и капиталистов. Вы увидите упоминание о реформе в быту крестьянства, освобождение его от опеки и ограждение правильной формы суда. Совершенно ясно, что перед вами представители имущих классов, добивающиеся только уступок от самодержавия и не помышляющие ни о каком изменении основ экономического строя. Если такие люди желают «коренного» (будто бы коренного) «изменения нынешнего неполноправного и приниженного состояния крестьян», то это лишний раз показывает правильность воззрений социал-демократии, которая неустанно подчеркивала отсталость порядков и условий жизни крестьянства от общих условий буржуазного строя. Социал-демократия всегда требовала, чтобы сознательный пролетариат в общекрестьянском движении строго различал властные интересы и запросы крестьянской буржу-

азии, как бы ни были прикрыты и задернуты туманной дымкой эти запросы, в какие бы утопии «поравнения» ни облекала их крестьянская идеология (и «социалистско-революционная» фраза). Возьмите резолюции петербургского банкета инженеров 5 декабря. Вы увидите, что 590 участников банкета, а за ними и 6000 подписавших резолюцию инженеров высказываются за конституцию, «без которой невозможна успешная защита русской промышленности», а заодно уже протестуют против отдачи правительственных заказов иностранным предпринимателям.

Неужели можно еще теперь не видеть, что именно интересы всех слоев землевладельческой, торгово-промышленной и крестьянской буржуазии составляют подкладку и основу прорвавшихся наружу конституционных стремлений? Неужели нас может сбить с толку представительство этих интересов демократической интеллигенцией, которая брала на себя роль публицистов, ораторов и политических вождей всегда и везде, во все европейские революции буржуазии?

На русский пролетариат ложится серьезнейшая задача. Самодержавие колеблется. Тяжелая и безнадежная война, в которую оно бросилось, подорвала глубоко основы его власти и господства. Ему нельзя держаться теперь без обращения к правящим классам, без поддержки интеллигенции, а такое обращение и такая поддержка неминуемо ведут за собой конституционные требования. Буржуазные классы стараются учесть в свою пользу затруднительное положение правительства. Правительство ведет отчаянную игру, чтобы вывернуться, отделаться грошовыми уступками, неполитическими реформами, ни к чему не обязывающими обещаниями, которых всего больше в новом царском указе. Удастся ли хотя временно и частично такая игра, это зависит, в последнем счете, от русского пролетариата, его организованности и силы его революционного натиска. Пролетариат должен воспользоваться необыкновенно выгодным для него политическим положением. Пролетариат должен поддержать конституционное движение буржуазии, встряхнуть и сплотить вокруг себя как можно более широкие слои эксплуатируемых народных масс, собрать все свои силы и поднять восстание в момент наибольшего правительственного отчаяния, в момент наибольшего народного возбуждения.

В чем должна выразиться немедленно поддержка конституционалистов пролетариатом? Всего более в том, чтобы утилизировать общее возбуждение для агитации и организации наименее затронутых, наиболее отсталых слоев рабочего класса и крестьянства. Разумеется, организованный пролетариат, социал-демократия должна посылать отряды своих сил во все классы населения, но чем самостоятельнее выступают уже эти классы, чем острее становится борьба и чем ближе момент решительного боя, тем более должен переноситься центр тяжести нашей работы на подготовку самих пролетариев и полупролетариев к прямой борьбе за свободу. Только оппортунисты могут в такой момент называть особенно активной борьбой или новым методом борьбы, или высшим типом демонстраций выступление отдельных рабочих ораторов в земских и других общественных собраниях. Такие манифестации могут иметь лишь совершенно подчиненное значение. Несравненно важнее теперь обратить внимание пролетариата на действительно высокие и активные формы борьбы, вроде знаменитой ростовской и ряда южных массовых демонстраций^[61]. Несравненно важнее теперь расширять наши кадры, организовать силы и готовиться к еще более прямой и открытой массовой борьбе.

Разумеется, речь идет здесь не о том, чтобы оставить повседневную и будничную работу социал-демократов. Они не откажутся от нее никогда, они именно в ней видят настоящую подготовку к решительному бою, ибо они рассчитывают всецело и исключительно на активность, сознательность, организованность пролетариата, на его влияние в массе трудящихся и эксплуатируемых. Речь идет об указании правильного пути, об обращении внимания на необходимость идти вперед, о вредности тактических шатаний. К будничной работе,

которую никогда и ни при каких условиях не должен забывать сознательный пролетариат, относится и работа организации. Без широких и разносторонних рабочих организаций, без сближения их с революционной социал-демократией невозможна успешная борьба с самодержавием. А дело организационной работы невозможно без решительного отпора тем дезорганизаторским тенденциям, которые проявляет у нас, как и везде, бесхарактерная и меняющая свои лозунги, как перчатки, интеллигентская часть партии; дело организационной работы невозможно без борьбы с нелепой, реакционной и прикрывающей всяческий разброд «теорией» организации-процесса.

Развитие политического кризиса в России всего более зависит теперь от хода войны с Японией. Эта война всего более разоблачила и разоблачает гнилость самодержавия, всего более обессиливает его в финансовом и военном отношении, всего более истерзывает и толкает на восстание пострадавшие народные массы, от которых эта преступная и позорная война требует таких бесконечных жертв. Самодержавная Россия разбита уже конституционной Японией, и всякая оттяжка только усилит и обострит поражение. Лучшая часть русского флота уже истреблена, положение Порт-Артура безнадежно, идущая к нему на помощь эскадра не имеет ни малейших шансов не то что на успех, но даже на то, чтобы дойти до места назначения, главная армия с Куропаткиным во главе потеряла более 200 000 человек, обессилена и стоит беспомощно перед неприятелем, который неминуемо раздавит ее после взятия Порт-Артура. Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения.

К этому моменту должны мы готовиться со всей энергией. В этот момент одна из тех вспышек, которые все чаще повторяются то здесь, то там, поведет к громадному народному движению. В этот момент пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащенной всем опытом Европы, борьбы за социализм.

«Вперед» №1, 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.)

Печатается по тексту газеты «Вперед»

О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов

Современное конституционное движение в имущих классах нашего общества резко отличается от предыдущих движений того же типа конца 50-х и 70-х годов. Конституционные требования либералов, в сущности, те же. Речи радикальных ораторов повторяют знакомые положения земского либерализма. Крупной и очень важной новостью является участие в движении пролетариата. Русский рабочий класс, движение которого было главной осью всего революционного движения последнего десятилетия, давно уже перешел к открытой борьбе, к выступлению на улицу, к массовым народным собраниям, вопреки полиции, к прямым схваткам с врагом на улицах южных городов.

И теперь либерально-буржуазное движение сейчас же ознаменовалось рельефным, решительным, несравненно более резким и смелым выступлением на сцену пролетариата. Сошлемся прежде всего на демонстрацию в Санкт-Петербурге, где участие рабочих оказалось, к сожалению, слабым вследствие дезорганизаторской попытки «меньшевиков», и на демонстрацию в Москве. Затем отметим появление рабочих на либерально-буржуазном банкете в Смоленске, на собрании просветительного общества в Нижнем Новгороде, на заседаниях ученых, врачебных и других обществ в разных городах, на большое собрание рабочих в Саратове, на демонстрацию 6 ноября в Харьковском юридическом обществе, 20 ноября в Екатеринодарской городской думе, 18 ноября в Одесском обществе охранения народного здоровья, в Одессе же, немного позже, в окружном суде, причем обе одесские и харьковская демонстрации сопровождалась уличными демонстрациями рабочих, шествием по городу со знаменами, пением революционных песен и т. д.

Эти четыре последние демонстрации описаны, между прочим, в № 79 «Искры» в отделе под заголовком «Пролетарские демонстрации», и на этих описаниях мне хотелось бы остановить внимание читателя. Сначала воспроизведу факты по «Искре», затем – рассуждения «Искры».

В Харькове комитет организует участие рабочих в собрании юридического общества; на собрание попадает свыше 200 пролетариев : частью рабочие стеснялись идти в парадное собрание, частью «мужиков не пускали». Либеральный председатель обращается в бегство после первой революционной речи. Следует речь социал-демократа, летят прокламации, поют марсельезу, выходят на улицу с толпой до 500 рабочих, идут с красным знаменем и рабочими песнями. Под самый конец часть избита и арестована.

Екатеринодар. В думскую залу привлечена (слухом о либеральных предстоящих речах) широкая публика. Телефон приведен в негодность. Оратор комитета с 30–40 рабочими проникает в зал, говорит краткую, вполне революционную соц.-демократическую речь. Аплодисменты. Прокламации. Оцепенение гласных. Бесплезный протест головы. Демонстранты спокойно удаляются по окончании. Ночью – массовые обыски.

Одесса. 1-я демонстрация. На собрании около 2000 чел., из них *масса* рабочих. Ряд революционных речей (с.-д. и с.-р.), гром аплодисментов, революционные возгласы, прокламации. Шествие по улицам с революционными песнями. Разошлись без побоища.

Одесса. 2-я демонстрация. Собрание в несколько тысяч. Такое же грандиозное народное революционное собрание и шествие по улицам, как предыдущее. Побоище. Масса раненых, некоторые тяжело. Одна работница умирает. 60 арестов.

Такова фактическая сторона дела. Таковы демонстрации русских пролетариев.

А вот каковы рассуждения некоторых соц.-демократов интеллигентов. Относятся эти рассуждения к демонстрации екатеринодарской, о которой пишется целая статья. Слушайте: «В этой демонстрации русский организованный пролетариат впервые встретился лицом к

лицу с нашей либерально настроенной буржуазией!»... Демонстрация эта – «еще новый шаг в развитии форм политической борьбы», она является, «как-никак, действительно новым приемом политической борьбы, дающим вполне очевидные плодотворные результаты», рабочие в подобных демонстрациях «чувствуют, что они выступают, как определенные политические единицы», они получают «чувство своей правоспособности в качестве партийных политических борцов». Распространяется «в самых широких кругах общества значение партии, как чего-то вполне определенного, оформленного и, главное, имеющего право *требовать*». Привыкают смотреть на всю партию «как на активную, борющуюся, ясно и определенно заявляющую о своих требованиях, политическую силу». Надо «шире использовать новый метод борьбы – в думах, в земствах и на всевозможных съездах общественных деятелей». И редакция «Искры», в унисон с автором этих рассуждений, говорит об «идее демонстраций нового типа», о том, что «особенно в Екатеринодаре нашим товарищам удалось показать «обществу», что они действуют, как самостоятельная партия, чувствующая себя способной оказать влияние на ход событий и пытающаяся сделать это».

Так. Так. «Особенно в Екатеринодаре»... Новый шаг, новый метод, новый прием, впервые лицом к лицу, вполне очевидные, плодотворные результаты, определенные политические единицы, чувство политической правоспособности, право требовать... Чем-то старым, давно минувшим, почти забытым пахнуло на меня от этих напыщенных, глубокомысленных рассуждений. Но раньше, чем отдать себе отчет в опознании этого старого, я спросил невольно: Позвольте, однако, господа, почему же это «особенно в Екатеринодаре», почему же это, в самом деле, новый метод? почему ни харьковцы, ни одесситы не хвастают (простите за вульгарное выражение) насчет новизны метода и насчет очевидных плодотворных результатов, насчет первой встречи лицом к лицу и насчет чувства политической правоспособности? Почему результаты собрания десятков рабочих с сотнями либералов в четырех стенах думской залы более очевидны и плодотворны, чем собрания тысяч рабочих не только в обществах врачей и юристов, но и *на улице*? Неужели в самом деле уличные собрания (в Одессе, а также бывшие раньше в Ростове-на-Дону и в других городах) развивают меньше, чем собрания в думах, чувство политической правоспособности и право требовать?.. Правда, я должен признаться, что испытываю некоторую неловкость, выписывая это последнее словосочетание (право *требовать*), — слишком уже оно неумно, но из песни слова не выкинешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Чего мы добиваемся? (Кпартии)» — первоначальный вариант обращения «К партии» (см. настоящий том, стр. 13–21), написанного Лениным и принятого на совещании 22-х большевиков. Совещание, на котором присутствовало 19 членов РСДРП, состоялось по инициативе Ленина в первой половине августа 1904 года в окрестностях Женевы (Швейцария). К решениям этого совещания вскоре присоединились еще 3 большевика, и обращение «К партии» вышло от имени 22-х большевиков. На совещании присутствовали В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. С. Ольминский, М. Н. Лядов, П. Н. Лепешинский и другие.

2.

Имеется в виду меньшевистская «Искра». На II съезде партии была утверждена редакция Центрального Органа партии в составе В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и Л. Мартова. Однако меньшевик Мартов, вопреки решению съезда, отказался войти в редакцию без старых редакторов-меньшевиков (П. Б. Аксельрода, А. Н. Потресова и В. И. Засулич), не избранных II съездом, и №№ 46–51 «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова. В дальнейшем Плеханов перешел на позиции меньшевизма и потребовал включения в состав редакции отвергнутых съездом старых редакторов-меньшевиков. Ленин не мог согласиться с этим и 19 октября (1 ноября) 1903 года вышел из редакции «Искры»; он был кооптирован в ЦК и оттуда повел борьбу с оппортунистами-меньшевиками. Номер 52 «Искры» вышел под редакцией одного Плеханова, а 13 (26) ноября 1903 года Плеханов единолично, нарушив волю II съезда партии, кооптировал в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов-меньшевиков Аксельрода, Потресова и Засулич. С пятидесятого номера «Искра» перестала быть боевым органом революционного марксизма. Меньшевики превратили ее в орган борьбы против марксизма, против партии, в трибуну для проповеди оппортунизма. Сами меньшевики признавали, что «между старой и новой «Искрой» легла пропасть». Новая, меньшевистская «Искра» подрывала основы партийности: требование обязательности выполнения партийных решений объявлялось «бюрократизмом» и «формализмом», подчинение меньшинства большинству рассматривалось как «грубо механическое» подавление воли и свободы члена партии, партийная дисциплина третировалась как «крепостное право». Меньшевики тащили партию назад, к организационной раздробленности и распушенности, к кружковщине и кустарничеству.

3.

Совет партии (1903–1905), согласно уставу партии, принятому на II съезде РСДРП, был создан как высшее партийное учреждение, призванное согласовывать и объединять деятельность ЦК и редакции ЦО, восстанавливать ЦК и редакцию ЦО в случае, если выбывает весь состав одного из этих учреждений, а также представлять партию в сношениях с другими партиями. Совет обязан был созывать партийные съезды в установленный уставом срок или досрочно по требованию партийных организаций, имеющих вместе право на половину голосов на съезде. Совет партии состоял из пяти членов, один из которых назначался съездом партии, а другие – Центральным Комитетом и редакцией Центрального Органа, посылавшими в Совет по два члена. II съезд РСДРП избрал пятым членом Совета Г. В. Плеханова. В. И. Ленин первоначально входил в Совет от редакции ЦО, а после выхода из редакции «Искры» – от ЦК. После поворота Плеханова в сторону оппортунизма и захвата меньшевиками редакции ЦО Совет партии стал орудием борьбы меньшевиков против большевиков. В. И. Ленин последовательно боролся в Совете за сплочение партии, разоблачая дезорганизаторскую, раскольническую деятельность меньшевиков. По

уставу, принятому III съездом РСДРП, Совет партии был упразднен. Начиная с третьего съезда единственным руководящим центром партии в перерывах между съездами является Центральный Комитет, назначающий и редакцию ЦО.

4.

В. И. Ленин в письме М. К. Владимирову от 15 августа 1904 года называет следующие 11 комитетов, высказавшихся за немедленный созыв III съезда РСДРП: Петербургский, Тверской, Московский, Тульский, Сибирский, Кавказский, Екатеринославский, Николаевский, Одесский, Рижский, Астраханский. Большая часть резолюций этих комитетов за созыв III съезда была напечатана в 1904 году в брошюре Н. Шахова «Борьба за съезд» (см. также «Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов». М., 1955, стр. 41–244).

5.

«Заграничная лига русской революционной социал-демократии) была основана по инициативе В. И. Ленина в октябре 1901 года. В Лигу вошли заграничная организация «Искры» и революционная организация «Социал-демократ», включавшая в себя группу «Освобождение труда». Задача Лиги состояла в том, чтобы распространять идеи революционной социал-демократии и содействовать созданию боевой социал-демократической организации. Лига (согласно ее уставу) являлась заграничным представителем организации «Искры». Она спланировала сторонников «Искры» из числа русских социал-демократов за границей, поддерживала газету материально, организовывала доставку ее в Россию и издавала популярную марксистскую литературу. II съезд РСДРП утвердил Лигу единственной заграничной партийной организацией, имеющей уставные права комитета, и обязал ее работать под руководством и контролем ЦК РСДРП.

6.

В. И. Ленин имеет в виду резолюцию Петербургского комитета партии от 23 июня 1904 года о положении дел в партии. Резолюция отмечает хаотичное состояние партии, указывает на дезорганизаторскую деятельность редакторов меньшевистской «Искры» и требует немедленного созыва III партийного съезда, который один «может спасти партию от возникновения в ней раскола» и явится «действительным и правдивым выразителем взглядов партии» (см. «Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов». М., 1955, стр. 85–86). Резолюция была напечатана в брошюре Н. Шахова «Борьба за съезд». Собрание документов. Женева, 1904.

7.

Имеется в виду резолюция Совета партии от 5 (18) июня 1904 года об ограничении права Центрального Комитета вводить новых членов в местные комитеты партии.

8.

Группа «Южный рабочий» — социал-демократическая группа, сформировавшаяся к осени 1900 года на юге России вокруг выходившей нелегально газеты того же названия (первый номер «Южного Рабочего» был издан в январе 1900 года Екатеринославским комитетом РСДРП, последний, 12-й, — в апреле 1903 года). В состав группы и в редакцию газеты в разное время входили И. Х. Лалаянц, А. Виленский, О. А. Коган (Ерманский), Б. С. Цейтлин, Е. Я. и Е. С. Левины, В. Н. Розанов и др.

9.

«Экономизм» — оппортунистическое течение в русской социал-демократии конца XIX — начала XX века, русская разновидность международного оппортунизма. Печатными органами «экономистов» являлись газета «Рабочая Мысль» (1897–1902) и журнал «Рабочее Дело» (1899–1902). Программным документом «экономистов», которых Ленин называл русскими бернштейнцами, явилось так называемое «Credo», написанное в 1899 году Е. Д. Кусковой.

10.

В ленинской рукописи имена членов ЦК зачеркнуты и дан следующий текст: «... в письме в самый ЦК назвать все эти пять имен непременно».

11.

«Июльская декларация» ЦК — постановление, принятое членами Центрального Комитета — примиренцами Л. Б. Красиным, В. А. Носковым и Л. Е. Гальпериным в июле 1904 года. Оно состояло из 26-ти пунктов, 9 из которых были опубликованы в № 72 «Искры» от 25 августа (7 сентября) 1904 года под заголовком «Заявление Центрального Комитета». Постановление было принято противозаконно, без ведома двух членов ЦК: В. И. Ленина, находившегося в Швейцарии, и Р. С. Землячки. Тем самым они были лишены возможности отстаивать в ЦК позиции большинства партии. В этом постановлении примиренцы признали кооптированный Плехановым состав меньшевистской редакции новой «Искры». В состав ЦК были кооптированы еще три примиренца: А. И. Любимов, Л. Я. Карпов и И. Ф. Дубровинский. Примиренцы выступили против созыва III съезда партии и распустили Южное бюро ЦК, проводившее агитацию за созыв съезда. Они лишили В. И. Ленина прав заграничного представителя Центрального Комитета партии и запретили печатать его произведения без разрешения коллегии ЦК.

12.

Имеется в виду «декларация», которую в марте 1904 года проектировали выпустить от имени ЦК три члена ЦК: Л. Е. Гальперин, Л. Б. Красин и В. А. Носков, но, по-видимому, так и не выпустили. Содержание этой декларации В. И. Ленин передает следующим образом: «т. Валентин и т. Никитич в написанной ими в марте месяце и одобренной т. Глебовым декларации заявляли: 1) что они решительно против кооптации по требованию меньшинства; 2) что они разделяют организационные взгляды, изложенные в брошюре «Что делать?» и 3) что они, или по крайней мере двое из них, не одобряют оппортунистической позиции некоторых партийных писателей» (см. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 420).

13.

Рижская декларация — имеется в виду принятое совещанием 22-х большевиков обращение «К партии», напечатанное отдельным листком Рижским комитетом РСДРП в августе 1904 года (см. настоящий том, стр. 13–21).

14.

Имеется в виду «июльская декларация» ЦК. См. примечание 11.

15.

Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина было создано большевиками в конце лета 1904 года, после того как меньшевистская редакция «Искры» отказалась печатать заявления организаций и членов партии, выступавших в защиту решений II съезда партии и требовавших созыва III съезда партии.

16.

Южное бюро ЦК было создано в феврале 1904 года при ближайшем содействии В. И. Ленина. В его состав входили В. В. Боровский, И. Х. Лалаянц и др. Местом постоянного пребывания Южного бюро ЦК была Одесса. С момента своего возникновения Бюро твердо встало на большевистские позиции, поддерживая непосредственную связь с Лениным. Оно играло роль объединяющего и связующего центра всех южных комитетов РСДРП, которые в результате бездеятельности ЦК оказались без руководства. Ко времени выхода так называемой «июльской декларации» Южное бюро проделало большую работу по разъяснению среди комитетов РСДРП истинных причин внутрипартийных разногласий после II съезда, провело объединение трех наиболее крупных комитетов – Одесского, Николаевского и Екатеринославского, проводило последовательную борьбу с меньшевиками и примиренцами, выступая за немедленный созыв III съезда партии вопреки воле центров – ЦК, ЦО и Совета партии.

17.

Статья В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (Ответ на статью Розы Люксембург «Организационные вопросы русской социал-демократии») была направлена Каутскому для опубликования в органе германской социал-демократии «Die Neue Zeit», но Каутский отказался ее поместить и вернул рукопись обратно Ленину. Оригинал ленинской рукописи не сохранился. Сохранилась рукопись на немецком языке, переписанная рукой неизвестного, на которой имеются небольшие поправки В. И. Ленина.

18.

«Die Neue Zeit» («Новое Время») – теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем – Г. Куновым. В «Die Neue Zeit» были впервые опубликованы некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Критика Готской программы» К. Маркса, «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Ф. Энгельса и др. Энгельс постоянно помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускаявшиеся в журнале отступления от марксизма. В «Die Neue Zeit» сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX – начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Г. В. Плеханов, П. Лафарг и др. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов.

19.

Бланкизм — течение во французском социалистическом движении, возглавлявшееся выдающимся революционером, видным представителем французского утопического коммунизма Луи Огюстом Бланки (1805–1881).

20.

Монтаньяры и жирондисты — название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Монтаньярами, или якобинцами, называли наиболее решительных представителей революционного класса своего времени – буржуазии, отстаивавших необходимость уничтожения абсолютизма

и феодализма. Жирондисты, в отличие от якобинцев, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией.

21.

«Искра» — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России.

22.

Имеется в виду I съезд РСДРП, состоявшийся в Минске 1–3 (13–15) марта 1898 года. На съезде присутствовало 9 делегатов от 6 организаций: петербургского, московского, екатеринославского и киевского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», от группы киевской «Рабочей Газеты» и от Бунда. Съезд избрал Центральный Комитет партии, утвердил в качестве официального органа партии «Рабочую Газету», опубликовал «Манифест» и объявил «Союз русских социал-демократов за границей» заграничным представителем партии (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 11–15).

23.

«Рабочая Газета» — нелегальный орган киевской группы социал-демократов; выходила в Киеве под редакцией Б. А. Эйдельмана, П. Л. Тучапского, Н. А. Вигдорчика и других. Вышло два номера: № 1 – в августе 1897 года и № 2 – в декабре (помечен ноябрем) того же года. Член редакции П. Л. Тучапский при поездке за границу по поручению редакции ознакомил Г. В. Плеханова и других членов группы «Освобождение труда» с № 1 «Рабочей Газеты» и получил их согласие на сотрудничество в газете. Плеханов в письме к членам редакции «Рабочей Газеты» дал положительную оценку газеты, как общерусского социал-демократического органа, и указал на необходимость уделять больше внимания вопросам политической борьбы пролетариата. I съезд РСДРП, состоявшийся в марте 1898 года, признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. Однако вследствие разгрома полицией типографии и ареста членов Центрального Комитета, выбранного съездом, третий номер газеты, подготовленный к сдаче в набор, не увидел света. В 1899 году ЦК Бунда сделал попытку возобновить издание газеты, и редакторская группа обратилась к Ленину с предложением о редактировании газеты, а позже – о сотрудничестве в ней. Ленин ответил положительно, поставив редакторской группе ряд условий, в том числе согласие редакции с ним в основных взглядах на теоретические вопросы, на ближайшие практические задачи и на характер постановки газеты. Эти условия были изложены Лениным в «Письме к редакторской группе» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 179–181). Вместе с этим письмом Ленин направил редакторской группе написанные им для предполагаемой к изданию «Рабочей Газеты» статьи: «Наша программа», «Наша ближайшая задача» и «Насущный вопрос» (см. там же, стр. 182–198). Издание газеты возобновлено не было, и статьи остались ненапечатанными.

24.

«Союз русских социал-демократов за границей» был основан в 1894 году по инициативе группы «Освобождение труда» на условиях признания всеми его членами программы группы. На группу было возложено редактирование изданий «Союза», и в марте 1895 года она передала в пользование «Союза» свою типографию. Летом 1895 года, во время пребывания за границей В. И. Ленина, было принято решение об издании «Союзом» сборников «Работник» под редакцией группы «Освобождение труда». «Союз» выпустил

6 номеров «Работника», 10 номеров «Листка «Работника»», издал брошюру В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах» (1897), работу Г. В. Плеханова «Новый поход против русской социал-демократии» (1897) и другие.

25.

«Рабочая Мысль» — газета, орган «экономистов»; выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года. Вышло 16 номеров. Первые два номера печатались на мимеографе в Петербурге, № № 3–11 вышли за границей, в Берлине; печатание № № 12, 13, 14 и 15 было перенесено в Варшаву; последний № 16 вышел за границей. Газета редактировалась К. М. Тахтаревым и др.

26.

Бернштейнианство — оппортунистическое течение в международной социал-демократии, возникшее в конце XIX века в Германии и названное по имени германского социал-демократа Э. Бернштейна. Бернштейн был открытым выразителем ревизионизма внутри германской социал-демократии, особенно ясно обнаружившегося после смерти Ф. Энгельса в 1895 году.

27.

«Освобождение» — двухнедельный журнал, издававшийся за границей с 18 июня (1 июля) 1902 года по 5 (18) октября 1905 года под редакцией П. Б. Струве. Журнал являлся органом русской либеральной буржуазии и последовательно проводил идеи умеренно-монархического либерализма. В 1903 году вокруг журнала сложился (и в январе 1904 года оформился) «Союз освобождения», просуществовавший до октября 1905 года. Наряду с земцами-конституционалистами «освобожденцы» составили ядро образовавшейся в октябре 1905 года конституционно-демократической партии (кадетов) — ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России.

28.

«Заря» — марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901–1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги) «Зари»: № 1 — в апреле 1901 года (фактически вышел 23 марта н. ст.), № 2–3 — в декабре 1901 года, № 4 — в августе 1902 года. Задачи журнала были определены в «Проекте заявления редакции «Искры» и «Зари»», написанном В. И. Лениным в России (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр 322–333). В 1902 году во время возникших разногласий и конфликтов внутри редакции «Искры» и «Зари» Плеханов выдвинул проект отделения журнала от газеты (с тем, чтобы оставить за собой редактирование «Зари»), но это предложение не было принято, и редакция этих органов оставалась все время общей.

29.

Бунд («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») был организован в 1897 году на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно; объединял преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. На I съезде РСДРП (1898) Бунд вошел в состав РСДРП «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 14).

30.

Петербургская «Рабочая организация» — организация «экономистов», возникла летом 1900 года. Осенью 1900 года произошло слияние «Рабочей организации» с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», который был признан Петербургским комитетом РСДРП. После победы искровского направления в петербургской партийной организации часть петербургских социал-демократов, находившихся под влиянием сторонников «экономизма», осенью 1902 года откололась от Петербургского комитета и воссоздала самостоятельную «Рабочую организацию». Комитет «Рабочей организации» занял враждебную позицию по отношению к ленинской «Искре» и ее организационному плану построения марксистской партии. Противопоставляя себя партии, комитет «Рабочей организации» демагогически заявлял, что самым важным условием развития рабочего движения и успеха борьбы является самостоятельность рабочего класса. Против решений комитета «Рабочей организации», самовольно выступившего от имени петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», протестовал ряд местных организаций РСДРП. В начале 1904 года, после II съезда партии, «Рабочая организация» прекратила свое существование, влившись в общепартийную организацию.

31.

Воронежский комитет РСДРП находился под влиянием «экономистов» во главе с В. П. Акимовым и Л. П. Махновец (на II съезде – Брукэр), «которые боролись по всей линии против революционного крыла партии на съезде и которые десятки раз относимы были к оппортунистам всеми, начиная от тов. Плеханова и кончая тов. Поповым» (Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 396).

32.

Второй съезд РСДРП состоялся 17 (30) июля – 10 (23) августа 1903 года. Первые 13 заседаний съезда происходили в Брюсселе. Затем из-за преследований полиции заседания съезда были перенесены в Лондон.

33.

В книге «Шаг вперед, два шага назад», в разделе «в) Начало съезда. – Инцидент с Организационным комитетом», В. И. Ленин подробно останавливается на содержании инцидента с ОК (см. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 197–206).

34.

На втором съезде партии в Центральный Комитет были избраны Ленгник, Кржижановский, Носков. В октябре (н. ст.) 1903 года в ЦК были кооптированы Землячка, Красин, Эссен и Гусаров. В ноябре того же года в состав ЦК вошел Ленин и был кооптирован Гальперин. В течение июля – сентября 1904 года в составе Центрального Комитета произошли новые перемены: сторонники Ленина Ленгник и Эссен были арестованы. Примиренцы Кржижановский и Гусаров ушли в отставку, а оставшиеся в ЦК Красин, Носков и Гальперин, несмотря на протесты Ленина, незаконно исключили из состава ЦК Землячку – сторонницу большинства и кооптировали трех новых примиренцев – Любимова, Карпова и Дубровинского. В результате этих изменений большинство в ЦК составляли примиренцы.

35.

Ленин имеет в виду решение ЦК о роспуске Южного бюро ЦК, проводившего агитацию за созыв III съезда партии.

36.

Проект «Извещения об образовании Бюро Комитетов Большинства» был написан В. И. Лениным до 20 октября (2 ноября) 1904 года. В письме от 2 ноября 1904 года (н. ст.) В. И. Ленина и Н. К. Крупской к А. А. Богданову, опубликованном в XV Ленинском сборнике (стр. 232–234), говорится: «Бюро предполагает выпустить приблизительно такое заявление...». Далее в письме сделана отметка для вставки текста заявления. Однако текста самого заявления в черновике письма не оказалось, он был найден в 1940 году и в том же году напечатан в журнале «Пролетарская Революция» № 2. Этот проект вместе с письмом Ленина и Крупской от 2 ноября 1904 года был послан большевистским комитетам в Россию.

37.

Имеется в виду декларация «Обращение к членам РСДРП», изданная Московским комитетом РСДРП в октябре 1904 года в ответ на ленинское обращение «К партии», принятое совещанием 22-х (см. настоящий том, стр. 13–21). Декларация начинается словами: «Мы, «19» членов РСДРП, с удовлетворением пользуемся призывом, выпущенным 22-мя членами нашей партии». Авторы декларации резко критикуют позицию Плеханова, повернувшего после II съезда к меньшевикам, называют его «политическим хамелеоном», а также критикуют позицию меньшевистской «Искры», Совета партии и примиренческого ЦК; решительно высказываются за подготовку и созыв III съезда партии. Эта декларация была написана группой большевиков (Ф. В. Ленгник, Н. Э. Бауман, Е. Д. Стасова, Б. М. Кнунынец и др.), находившихся в то время в заключении в московской Таганской тюрьме (см. «Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов». М., 1955, стр. 99–106, 306–308).

38.

Брошюра В. И. Ленина «Земская кампания и план «Искры»» посвящена подробному разбору и критике письма редакции меньшевистской «Искры», изданного в ноябре 1904 года. В письме меньшевики выдвигали как главную задачу социал-демократии «организованное воздействие на буржуазную оппозицию» путем предъявления требований правительству через буржуазных либералов и земцев. В ответ на брошюру Ленина редакция выпустила второе письмо к партийным организациям. Оба письма сопровождалась надписью: «Только для членов партии». Распространение меньшевистской редакцией второго письма исключительно среди меньшевиков побудило Ленина выступить с добавлением к своей брошюре, которая была уже напечатана и распространена среди комитетов. Добавление было напечатано отдельно на цветной бумаге и вклеено в оставшиеся на складе большевистского издательства экземпляры брошюры.

39.

Имеется в виду резолюция меньшевика Старовера (А. Н. Потресова) «Об отношении к либералам», принятая на II съезде РСДРП. Характеризуя эту резолюцию, В. И. Ленин отмечал, что она «не дает классового анализа либерализма и демократизма», сочиняет фиктивные, словесные условия соглашения с либералами. Критику резолюции Старовера см. в работах В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (см. Сочинения, 5 изд., том 8, стр. 315–318), «Рабочая и буржуазная демократия» (настоящий том, стр. 179–189).

40.

Угрюм-Бурчеев — сатирический образ градоначальника, выведенный М. Е. Салтыковым-Щедриным в произведении «История одного города» и ставший нарицательным обозначением реакционеров, тупых и ограниченных сановников. Этот образ вошел в галерею классических типов мировой литературы, как один из самых сильных художественных обобщений самодержавного произвола.

41.

«Новое Время» — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно-либеральная, с 1876 года, после того как издателем газеты стал А. С. Суворин, она превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года — орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции газета полностью поддерживала контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. В. И. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет.

42.

«Право» — еженедельная юридическая газета буржуазно-либерального направления, издававшаяся в Петербурге с конца 1898 по 1917 год под редакцией В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского. Орган этот был посвящен преимущественно научной разработке вопросов права. С осени 1904 года «Право» отводит страницы и для политической публицистики, становясь фактически одним из легальных органов «Союза освобождения».

43.

Ростовская демонстрация — имеется в виду ростовская стачка, которая началась 2 (15) ноября 1902 года выступлением рабочих котельного цеха Главных мастерских Владикавказской железной дороги. По призыву Донского комитета РСДРП 4 ноября 1902 года забастовали все рабочие железнодорожных мастерских, которые предъявили администрации ряд экономических требований. К забастовке вскоре примкнули рабочие плугостроительного завода «Аксай», табачной фабрики Асмолова и других предприятий, служащие почт и телеграфов, приказчики и т. п. Стачка стала всеобщей и приняла политический характер.

44.

Балалайкин — персонаж из произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»; либеральный пустозвон, авантюрист и лжец, ставящий свои корыстные интересы превыше всего. «Редакционным Балалайкиным» меньшевистской «Искры» Ленин называет Троцкого.

45.

Имеется в виду заметное оживление деятельности земцев во второй половине 1904 года с приходом в министерство внутренних дел князя П. Д. Святополка-Мирского после убийства Плеве.

46.

Имеется в виду передовая статья «Исторический поворот» из 6 № «Листка «Рабочего Дела»» (апрель 1901 года), издаваемого «экономистами», в которой преждевременно раздались авантюристские крики о немедленном штурме «крепости деспотизма». Автор статьи звал массы идти навстречу революции и ускорять ее шаги, призывал сейчас же строиться в штурмовые колонны.

47.

«Тезисы реферата о внутрипартийном положении» написаны В. И. Лениным вскоре после выхода из печати первого письма редакции меньшевистской «Искры» о плане земской кампании и ответа на него в брошюре Ленина «Земская кампания и план «Искры»». Реферат о внутрипартийном положении был прочитан В. И. Лениным на собраниях русских политических эмигрантов: 19 ноября (2 декабря) 1904 года в Париже, 23–24 ноября (6–7 декабря) в Цюрихе и 25 ноября (8 декабря) этого же года – в Берне.

48.

В. И. Ленин имеет в виду собрание большевиков в Женеве, состоявшееся 29 ноября (12 декабря) 1904 года примерно в том же составе, что и конференция «22-х». На этом собрании было принято решение об издании органа партийного большинства – газеты «Вперед» и намечена редакция этой газеты из следующих лиц: В. И. Ленин, В. В. Боровский, М. С. Ольминский и А. В. Луначарский.

49.

Имеются в виду три конференции местных большевистских комитетов: Южная, Кавказская и Северная.

50.

Собрание в Женеве 20 августа (2 сентября) 1904 года было созвано меньшевиками с целью поддержки так называемой «июльской декларации» Центрального Комитета. На собрание были приглашены меньшевики и большевики. Однако большевики отказались от участия в собрании, и представитель большевиков, огласив заявление о неправомерности собрания выносить резолюции от имени большинства и меньшинства, покинул собрание. На собрании меньшевики вынуждены были признать, что комитеты партии в России выступают против примиренческой политики Центрального Комитета и что огромное большинство комитетов совершенно отказалось поддерживать связь с редакцией меньшевистской «Искры».

51.

«Вперед» — нелегальная большевистская еженедельная газета; издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 (4 января 1905) по 5 (18) мая 1905 года. Вышло 18 номеров; тираж 7–10 тысяч экземпляров. Организатором, идейным вдохновителем и непосредственным руководителем газеты был В. И. Ленин. Он же предложил и название газеты. В состав редакции входили В. В. Боровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский. Всю переписку с Россией (с местными комитетами) и корреспондентами вела Н. К. Крупская.

52.

Ленин имеет в виду Бюро Комитетов Большинства.

53.

«Извещение об образовании Организационного комитета и созыве III очередного съезда Российской социал-демократической рабочей партии» было написано Лениным в декабре 1904 года и тогда же разослано членам Бюро Комитетов Большинства. Этот документ Ленина был положен в основу официального «Известия о созыве третьего партийного съезда», опубликованного в газете «Вперед» № 8, 28 (15) февраля 1905 года за подписью Бюро Комитетов Большинства.

54.

«Франкфуртская Газета» («Frankfurter Zeitung») – ежедневная газета, орган крупных немецких биржевиков, издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1856 по 1943 год. Вновь начала выходить с 1949 года под названием «Франкфуртская Всеобщая Газета» («Frankfurter Allgemeine Zeitung»); является рупором западноевропейских монополистов.

55.

4 члена ЦК – В. И. Ленин, Ф. В. Ленгник, М. М. Эссен и Р. С. Землячка.

56.

Амстердамский конгресс II Интернационала — состоялся в августе 1904 года; на нем присутствовало 476 делегатов. На конгрессе обсуждались следующие вопросы: 1) международные правила социалистической тактики; 2) о единстве партий; 3) о всеобщей стачке; 4) о колониальной политике и др. Доклад конгрессу от РСДРП было поручено составить Дану и Глебову, причем было условлено не упоминать в нем о разногласиях в партии. Однако Дан нарушил это условие, и доклад «оказался полным прикрытой полемики и весь пропитан взглядами «меньшинства»» (Ленин). Большевики решили составить контрдокумент и раздать его делегатам конгресса. Доклад был составлен под редакцией В. И. Ленина и вышел за подписью М. Лидина (М. Лядов) под заглавием «Материалы к выяснению партийного кризиса Социал-демократической рабочей партии России». Значительная часть этого доклада была написана В. И. Лениным.

57.

15 (28) июля 1904 года по приговору боевой организации партии социалистов-революционеров эсером Сазоновым был убит министр внутренних дел В. К. фон Плеве. Убийство было вызвано резким недовольством политикой беспощадных репрессий, которая при Плеве достигла кульминационного пункта. Оценивая этот акт индивидуального террора, В. И. Ленин предостерегал от ведения таких специфически интеллигентских методов борьбы и указывал, что «массовое движение в капиталистическом обществе возможно лишь как классовое рабочее движение».

58.

Социалисты-революционеры (эсеры) – мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 – начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», «Партия социалистов-революционеров» и др.). Ее официальными органами стали газета «Революционная Россия» (1900–1905) и журнал «Вестник Русской Революции» (1901–1905). Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 283). Эсеры не видели классовых различий между пролетариатом и крестьянством, затушевывали классовое расслоение и противоречия внутри крестьянства, отвергали руководящую роль пролетариата в революции. Тактика индивидуального террора, которую эсеры проповедовали как основной метод борьбы с самодержавием, наносила большой вред революционному движению, затрудняла дело организации масс для революционной борьбы.

59.

«Наша Жизнь» — ежедневная газета, близкая к левому крылу кадетов; выходила с перерывами с 6 (19) ноября 1904 года по 11 (24) июля 1906 года в Петербурге.

60.

В. И. Ленин иронически называет «тайным» съезд председателей земских управ и других земских деятелей, который был назначен на 6 ноября 1904 года в Петербурге. Заигрывавший с либералами министр внутренних дел князь Святополк-Мирский сочувственно отнесся к созыву этого съезда и даже сам постарался получить у царя разрешение на его созыв. Однако за пять дней до съезда, когда делегаты уже стали съезжаться, было объявлено, что царское правительство предлагает отложить съезд на один год. Святополк-Мирский дал понять либералам, что он прикажет полиции «смотреть сквозь пальцы», если земцы будут «беседовать за чашкой чая на частных квартирах»; это было неофициальное разрешение на съезд, который и состоялся 6–9 ноября 1904 года.

61.

Говоря о «ряде южных массовых демонстраций», Ленин имеет в виду массовые политические стачки и демонстрации на юге России в 1903 году, охватившие Закавказье (Баку, Тифлис, Батум, Чиатуры, Закавказскую железную дорогу) и крупнейшие города Украины (Одессу, Киев, Екатеринослав, Николаев и другие). В этих стачках участвовало свыше 200 тысяч рабочих. Проходили стачки под руководством комитетов РСДРП.

136.

Исключительный закон против социалистов был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература; социал-демократы подвергались преследованиям, высылке. Однако репрессии не сломали социал-демократическую партию, деятельность которой была перестроена применительно к условиям нелегального существования: за границей издавался Центральный Орган партии газета «Социал-Демократ» и регулярно (в 1880, 1883 и 1887 годах) собирались партийные съезды; в Германии, в подполье, быстро возрождались социал-демократические организации и группы, во главе которых стоял нелегальный ЦК. Одновременно партия широко использовала легальные возможности для укрепления связи с массами, – ее влияние непрерывно росло: число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в рейхстаг, увеличилось с 1878 по 1890 год более чем в три раза.